

Галина Сергеевна Абрамова

Психология развития и возрастная психология

(издание исправленное и переработанное)

Учебник для вузов и ссузов

© Г. С. Абрамова, 2018

© Издательство «Прометей», 2018 * * *

Посвящаю с любовью и благодарностью светлой памяти моих родителей – Абрамовой Нины Михайловны и Абрамова Сергея Владимировича

Так получилось, что книга, написанная мною для самой себя, стала учебником. С того дня, когда я писала её первые страницы, прошло много времени. Сегодня это время измеряется уже годами. Изменилось всё – страна, в которой я живу, моё семейное положение, мой возраст и даже способ, каким я пишу эти строчки. Неизменными для меня осталась только любовь к людям и желание делиться увиденным и пережитым. Психология развития и возрастная психология – очень живые области знания, они ежедневно пополняются новыми данными о жизни людей в разных культурах. Рождаются и умирают теории и гипотезы, но остаётся жажда людей к познанию собственного назначения, механизмов и закономерностей собственного развития. Эта жажда создаёт разные виды знания, одно из них – научное. Читатель составит о нём своё мнение и по моей работе, а мне остаётся надеяться на возможность обратной связи.

Дания: весна – лето 2008, весна – лето 2017

Предисловие

Интерес человека к самому себе естественен и обоснован. Интерес к другим людям часто имеет совсем другие причины, и разнообразие их столь же велико, как и разнообразие человеческих судеб. Наука пытается анализировать жизнь людей, организуя непосредственный живой интерес людей друг к другу с помощью теорий, категорий, понятий и других средств и способов мышления, которыми обладают люди науки. Результаты их работы позволяют увидеть в едином потоке человеческих жизней те уникальные, воспроизводящие жизнь человека как человека факты, законы и закономерности, увидеть и понять, что каждый человек воспроизводит в своей судьбе человеческое и создает своей жизнью свое, расширяющее, уточняющее, дополняющее представление, знание о том, что есть человек.

Жизнь устроена так, что рано или поздно любой из нас сталкивается с жизненной ситуацией,

которая заставляет обсуждать, ставить, формулировать вопросы: «Что со мной происходит? Почему это со мной происходит?». Так человек встречается с необходимостью нового знания о самом себе. Здесь и приходит на помощь наука, предлагающая обобщенное знание, в котором можно (думаю, что нужно) найти ответ на вопросы о том, что происходит со мной.

Ответы могут быть самые разные, но все они будут отнесены к тому периоду жизни, который человек переживает, а периоды бывают разные: критические, сензитивные, стабильные. Каждый период имеет свое происхождение и, в известном смысле, может быть предсказан даже самим человеком, если он умеет (научился, захотел научиться) анализировать свою жизнь.

Такую возможность анализа своей и чужой жизни дает психология развития и возрастная психология, одна из самых сложных и интересных отраслей современной психологии. Без знания о периодах жизни человека нельзя работать учителю в школе, воспитателю в детском саду, врачу в больнице, адвокату в суде, психотерапевту в клинике. Без этого знания трудно быть мамой, папой, дедушкой, бабушкой и... даже ребенком (особенно взрослым ребенком).

Слушатели и студенты, которым я читала курсы по психологии развития и возрастной психологии, спецкурсы по конкретным проблемам, всегда с интересом относились к фактическому материалу и с большим трудом воспринимали теорию психологии. Однако, проходили годы, и, встречаясь с повзрослевшими студентами – уже учителями, психологами, мамами и папами, слышала от них слова о том, что важно «какое-то общее знание о жизни».

Наверное, похожего знания когда-то я искала сама. Для меня это стало своего рода читательским заданием. Его я и попробовала выполнить в этой книге.

Я бесконечно благодарна всем читателям моих книг, кто нашел в себе силы и время на то, чтобы поговорить со мной о них.

Еще раз выражаю свою бесконечную любовь моей семье за помощь и поддержку в работе.

Беларусь, январь 1999 г. Дания, май 2017 г.

Глава 1

Что такое психология развития и возрастная психология?

Учёный обладает готовыми понятиями и будет пытаться объяснить «факты» при помощи этих понятий, таким образом, он будет подходить предвзято, будет глядеть сквозь определённые очки и, как знать, будут ли эти очки пояснять или искажать картину?

Мать близко знает своего ребёнка, однако по большей части это знание на данный момент. Если психология вооружит её определёнными точками зрения, которые сделают ясными основные черты развития, она лучше сумеет следить за своим ребёнком. К. Коффка[1]

– Психологов развелось, а толку от них – никакого.

(Из разговора).

Ключевые слова: наука, предмет науки, закономерность, «Я» исследователя, психическая реальность, возраст, картина мира.

В результате изучения данной главы студенты должны:

- знать особенности научного знания;
- уметь различать бытовое и научное знание;
- владеть понятием психическая реальность.

Я могла бы продолжить эпиграф цитатами из других авторов, но позволю привести себе только один – тот, который чаще всего встречается в разговоре со взрослыми о детях. Это вопрос – риторический, эмоционально насыщенный, чаще тревожный, чем оптимистичный – Что с ним дальше будет?

Возрастная психология – это наука. Серьезная, академическая наука, состоящая из нескольких разделов – отраслей, каждый из которых изучает какой-либо возраст – от младенческого до старческого (детская психология, психология дошкольника, геронтопсихология (это о стариках)).

Как всякая наука, она обсуждает вопрос о своем предмете, методах, методиках, критериях истины, спорит о наличии этой истины в той или иной теории. Как всякая наука, она стремится описать свой предмет в специальных терминах – научных понятиях, отделить его от предметов других наук, даже родственных, например, от общей психологии, психофизиологии, тоже изучающих возраста: те большие биологические часы, которые начинают свой ход с момента зарождения человека. Всем известно направление движения этих часов – от рождения к смерти. Ход их неумолим, он определен самой природой, и, очевидно, что каждый человек подчиняется этому ходу. Но это скорее лирическое отступление, чем описание предмета возрастной психологии.

Возрастная психология пытается изучить закономерности психического развития человека, нормального человека. Таким образом, она ставит важнейшие вопросы о существовании самих закономерностей, о степени их всеобщности, то есть обязательности для всех. В то же время появляется вопрос (и весьма конкретный) о том, что такое психическое развитие и кто его может определить. Кроме того, встает вечный философский вопрос о том, какого человека считать нормально развивающимся.

Если вы отнесете эти вопросы к себе в таком, например, виде, то почувствуете, насколько они могут быть важными для вашей судьбы:

- Нормальный ли я человек?
- Развитый ли я человек?
- Соответствует ли мое развитие моему возрасту?
- Что изменится (и изменится ли вообще) в моем внутреннем мире с возрастом?
- Смогу ли я сам изменить себя?

Эти же вопросы можно задать в отношении любого человека. Точность ответа на них может существенно повлиять на судьбу человека – на его собственные решения и решения других людей, от которых могут зависеть его важные личные события.

Возрастная психология изучает не только то, что происходит с человеком сегодня, она располагает данными о том, что может быть в жизни человека вообще, так как пытается изучить всю его жизнь. Естественно, что каким-то возрастам уделяется большее внимание, а каким-то – меньшее. Происходит это, как писал Э. Фромм, отчасти потому, что «ученый, занимающийся изучением человека, более всех других исследователей подвержен воздействию социального климата. Это происходит оттого, что не только он сам, его образ мыслей, его интересы и поставленные им вопросы детерминированы обществом (как это бывает в естественных науках), но также детерминирован обществом и сам предмет исследования – человек. Каждый раз, когда психолог говорит о человеке, моделью для него служат люди из его ближайшего окружения – и прежде всего он сам. В современном индустриальном обществе люди ориентируются на разум, их чувства бедны, эмоции представляются им излишним балластом, причем так обстоят дела и у самого психолога, и у объектов его исследования»[2].

С этим трудно не согласиться. В связи с этим вспоминаются слова Д. Б. Эльконина, сказанные на одной из лекций по детской психологии: «Я стал по-настоящему психологом только тогда, когда родился внук».

«Я» исследователя соприкасается с «Я» исследуемого теми гранями, которые есть у каждого из них. Чудо возрастной психологии состоит в том, что она позволяет исследователю прожить в своей собственной жизни множество событий, связанных с обновленным пониманием жизни других людей. Развитие, обновление видения можно наблюдать в текстах З. Фрейда и Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, в работах Э. Эриксона и Э. Фромма. Это увлекательная и, на мой взгляд, мало исследованная страница истории возрастной психологии.

Итак, возрастная психология как наука начинается с того момента, когда встречаются два человека, имеющих разные цели: первый человек – это взрослый, который ставит своей задачей получение истинного, точного знания о закономерностях психического развития, а вторым человеком может быть ребенок, ровесник взрослого или кто-то старше его по возрасту – человек, которого психолог назовет испытуемым, исследуемым.

Уже само возможное различие в физическом возрасте порождает проблему понимания. Эта проблема многократно усложняется, когда речь идет об изучении ребенка. Как это сделать, чтобы получить точные данные?

Листаю старые и новые книги, читаю мудреные названия:

экспериментально-генетический метод, клиническое наблюдение, лонгитюдное исследование, метод поэтапного формирования, включенное наблюдение, лабораторный эксперимент и тому подобное. Оставим подробное описание этих процедур специальным изданиям, в этой книге я попробую выделить

главное во всех методах (естественно, главное с моей точки зрения): они расчленяют, разделяют непрерывное течение жизни человека на отдельные ситуации, закономерные с точки зрения исследователя, экспериментатора. Строгая фиксация этих ситуаций в материалах научных протоколов позволяет анализировать именно эти ситуации, а не видение самого ученого. Хотя, если протокол не формализован (нет стандартной формы), то, естественно, исследуемая ситуация будет видеться и пониматься по-разному всеми ее участниками и лицами, которые попытаются ее повторить.

Исследователь в возрастной психологии имеет дело с протокольно зафиксированной ситуацией. Она для него предмет анализа и объяснения – интерпретации.

Есть один вид исследования, который, кажется, позволяет преодолеть эту фрагментарность и ситуативность в понимании человека, – это дневники. Дневники самих людей, написанные от

первого лица, и дневники, повествующие о жизни кого-то, – знаменитые дневники матери, например, описывающие развитие ребенка.

Психологии как науке с момента ее зарождения было трудно выделить и удержать свой предмет исследования. Одна из причин этого состоит в снижении профессионализма психологов и в том, что каждый человек обладает иллюзорной уверенностью в том, что он всегда сможет понимать, исследовать, управлять другим человеком, потому что сам тоже человек.

Фантазия исследователя, экспериментатора, ученого дополняет систему жизненных фактов до теории, до обобщения, позволяющего использовать его в дальнейшем для понимания других фактов.

Ученые используют такие понятия для описания своей экспериментальной и теоретической работы: практическая и теоретическая актуальность, предмет, задачи, методы и гипотезы исследования. Это очень важные моменты организации научной работы, так как именно они позволяют уточнить связь их индивидуальной работы с тем, что делают в этом направлении коллеги – отечественные и зарубежные.

Практическая актуальность – это описание тех лиц или сфер деятельности, где на практике может быть использовано получаемое знание.

Теоретическая актуальность предполагает формулировку проблемы (или проблем) с точки зрения самой науки, закономерностей ее развития как особого явления в жизни общества, как особого явления в жизни самого ученого.

В момент осознания теоретической актуальности своей работы ученый с необходимостью обращается к своим переживаниям по поводу ценности, истинности получаемого им знания, что может обострить его отношения с коллегами, даже со всем научным сообществом.

Понятие проблемы и теоретической актуальности позволяет ученому осознать его философскую позицию в понимании жизни человека и конкретизировать ее в виде собственной теории, проясняющей законы человеческой жизни. История науки и наше время дают множество примеров личного научного мужества ученых, сумевших заявить о существовании своей собственной теоретической позиции в понимании человека.

Практически любой автор любой теории – З. Фрейд, К. Юнг, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже и другие знаменитые и не очень исследователи – переживал момент интеллектуального и эмоционального напряжения, связанного с предъявлением своей позиции для научной общественности, произнося: «Я считаю иначе» или «Я считаю так». Достаточно в этой связи вспомнить факт из биографии З. Фрейда, когда он в течение восьми лет был практически лишен общения с научной общественностью, так как высказал свою точку зрения.

В возрастной психологии проблемами можно считать несколько вопросов, постоянно присутствующих в деятельности ученого, исследующего закономерности развития психической реальности.

Будем считать проблемой вопрос, на который нет однозначного ответа. Такие вопросы можно разделить на две (очень условные) категории: вечные вопросы (или проблемы) и преходящие, то есть ситуативно обусловленные.

Вечные проблемы науки возрастной психологии можно было бы, думаю, сформулировать так:

– Что такое психическая реальность?

– Как она развивается?

– Как можно предсказать ее развитие и воздействовать на него?

Естественно, эти вечные вопросы смыкаются с вопросом о том, что есть человек, то есть с вечным философским, или, как говорят, методологическим вопросом.

Возможность работать над этими вопросами для ученых зачастую связана с решением преходящих, то есть обусловленных конкретным историческим временем, проблем, или, как говорят, социальным заказом.

Гипотезы (или гипотеза) дают основание для построения закономерности, соотнесения ее с другими, уже известными; таким образом, гипотезы позволяют увидеть не только настоящее время какого-то факта, но и его возможное прошлое и будущее. Гипотеза лишает факт статичности, ограниченности, мимолетности. Через гипотезу факт (-ы) становится материалом для построения системы мышления, организующей понимание жизни человека человеком.

Ученый осознает свою гипотезу, понимает ее неполноту и ограниченность. Люди в обыденной жизни склонны придавать гипотезам всеобщее значение, даже не обращая внимания на то, что устанавливаемая ими связь между фактами или их свойствами может носить случайный, временный, ситуативный характер, например, связь между фактом присвоения ребенком чужой вещи и воровством – фактом криминальной жизни взрослых.

Для ученого, изучающего возрастную психологию, гипотеза (ы) о связи этих фактов может вообще отсутствовать, так как он включает их в контекст разных задач своего исследования.

Задачи исследования психической реальности связаны для ученого со строго определенными целями, отражающими логику его собственной работы со свойствами психической реальности. Так, целью исследования может стать анализ литературы по проблеме, или апробация конкретной методики, или проведение пробного (пилотажного) исследования и тому подобное.

Задачи по мере их решения расширяют информационное поле профессиональной деятельности психолога, способствуют уточнению гипотез, совершенствованию теории, а при необходимости приводят и к реорганизации всего стиля профессионального мышления ученого.

Итак, ученый, профессионально работающий в области возрастной психологии, имеет дело с ее проблемами, решает свои задачи в контексте современной ему социальной жизни. При этом структуру науки, то есть ее относительную устойчивость как социокультурного образования, позволяют поддерживать специфичные для нее методы исследования.

Метод исследования – это осознанный ответ на вопрос о том, как было получено конкретное знание и насколько оно истинно. Осознанность методов исследования как способов получения фактов наиболее отчетливо, на мой взгляд, проявляется в содержании глаголов «видеть» и «смотреть», «слушать» и «слышать». Известно, что можно смотреть и не видеть, то есть не заметить, не осознать самого процесса смотрения, что невозможно для видения. Видение основано на активном, организованном отношении как к предмету, на который оно направлено, так и на собственные усилия видящего.

Метод исследования – это и есть организованное видение, которое предполагает смотрение только как момент спонтанности самой жизни.

Исследователь может осознать, передать другим людям, как организовано его видение, но как происходит смотрение осознать бывает очень сложно, почти невозможно.

Видение ученого-исследователя, изучающего факты жизни человека, активно и организовано не только с помощью его собственной рефлексии (его собственных усилий, направленных на акты своего же собственного отношения к фактам жизни), но и с помощью методик.

Методики – это средства получения фактов, характеризующих закономерности жизни человека. Эти средства могут быть, как созданы самим исследователем, так и заимствованы у коллег, живущих или живших в разные с ним исторические времена. Так, сегодня мы можем работать с задачами Ж. Пиаже, которые были сформулированы им много десятилетий тому назад, и т. д.

Методика внешне может выглядеть по-разному: словесный опрос, рисунок, действие, движение и тому подобное. Основное отличие ее от аналогичных продуктов деятельности человека в том, что, во-первых, она (методика) включена в контекст решения научных проблем; во-вторых, она предполагает соотнесение получаемого факта с системой гипотез, то есть с научной теорией; в-третьих, она всегда существует в свете конкретных задач конкретного автора и отражает его теоретическую позицию; в-четвертых, в содержании методики осознаны ограничения в построении гипотез на основе фактов, получаемых с помощью этой методики.

Другими словами, ученый-исследователь, применяя методику для получения фактов, осознает роль и место этих фактов как в своем собственном мышлении о них, так и в жизни исследуемого человека.

Мы уже говорили, что возрастная психология имеет дело с проблемами психического развития. Без понимания того, что же такое психическое, что такое психическая реальность, к этой глобальной проблеме подойти практически невозможно.

Психологам приходится опираться на философские идеи о сущности человека, для того чтобы на уровне теоретической гипотезы оформить собственное представление о предмете своего же научного исследования.

С этой точки зрения важным представляется то, как видит исследователь свою собственную роль в получаемых и анализируемых им фактах, более отстраненным и, насколько это уместно для науки, благоговейным.

Может быть, бесчисленное множество вариантов проявления философской позиции исследователя, но основная линия различия между ними проходит, думается, через осознание зависимости исследуемого факта чужой жизни от собственной жизни.

Заинтересованного читателя прошу остановить свое внимание, на явлениях – трансфера и контртрансфера, присутствующих в психотерапевтической практике. Индивидуальный характер отношений, возникающий у исследователя и исследуемого (врача и пациента тоже), ставит под вопрос возможность изучения их экспериментальными, требующими воспроизведения, повторения факта, методами.

Так в истории изучения человека человеком возникла особая проблема – проблема взаимодействия, суть которой кратко можно было бы сформулировать так: исследуемый и исследователь изменяют друг друга в их совместном действии (чувстве, движении).

Особенно сложной становится ситуация с формирующим экспериментом, его ролью и местом в получении психологических фактов. Известно, что формирующий эксперимент возникает при следующей схеме организации научного исследования:

- констатирующий эксперимент – получение системы фактов;
- формирующий эксперимент – организованное контролируемое воздействие на систему

фактов;

– контрольный эксперимент – фиксация изменений в системе изучаемых фактов.

Сложность анализа результатов воздействия состоит в том, что сам экспериментатор является важнейшим источником возможных изменений. В свою очередь любые возможные изменения со стороны испытуемого во многом будут определяться его отношением к экспериментатору и к самому себе. Уместно предположить, что, например, большинство проблем в обучении детей чтению связаны с отношением ребенка к обучающему его человеку и к самому себе.

Проблема формирующего эксперимента, связанная с возможным воздействием одного человека на другого, как думается, не только обостряет внимание к содержанию фактов, которыми оперирует возрастная психология, но и делает необходимым понимание контекста жизни исследователя, обращающегося к этим фактам. В этом контексте содержание его жизненной философии, его возможности воплощения собственной сущности в отношениях с другими людьми являются одной из важнейших составляющих построенной им теории, разработанной методики или просто рабочей гипотезы.

Сошлюсь еще раз на Э. Фромма: «...Мир имеет для него (человека. –

Г. А.) определенный смысл, и совпадение его собственной картины мира с представлениями окружающих его людей является для него лично критерием истины, ... Собственную позицию он считает логичной»[3]

Сопоставление своей позиции с позицией другого человека, выделение, осознание ее содержания отличает работу ученого-исследователя в области возрастной психологии от реагирования людей разного возраста друг на друга.

Проявление содержания позиции требует средств для ее удержания. Такими средствами в научном обиходе становятся понятия.

В современной возрастной психологии появляется всё больше теоретических и исследовательских работ, где исследователь занимает феноменологическую позицию.

В русле этих работ большое внимание стало уделяться нарративному методу исследования, суть которого в том, что человек рассказывает о событиях его жизни, а исследователь фиксирует и анализирует его рассказ. Это – один из методов изучения продуктов человеческой деятельности, ставший наиболее интересным в свете меняющихся ценности в самом научном знании.

Интересно то, что в возрастной психологии наиболее отчетливо проявляется различие в позициях авторов как различие в языках описания. Так, Ж. Пиаже пользуется языком математики и биологии («группировка», «операция», «ассимиляция», «адаптация» и тому подобное)[4], а З. Фрейд широко применяет язык медицины и философии («бессознательное», «сознание», «страдающее Я» и тому подобное)[5].

Примеров использования неспецифического для возрастной психологии языка других сфер научного знания для постановки и решения конкретных и общих проблем можно было приводить очень много. Так и существуют эти маркировки в разных вариантах: Ж. Пиаже – «стадии интеллекта», З. Фрейд – «Эдипов комплекс», К. Юнг – «архетипы», Э. Фромм – «бегство от свободы», Д. Штерн – «самость», В. В. Давыдов – «теоретическое мышление», Л. С. Выготский – «культурно-историческая теория» и т. д. Это большая честь для ученого и признание его места в науке, когда его позиция зафиксирована и определена. Таким образом, она может соотноситься с другими позициями в историческом времени науки.

Позиция любого человека (не только ученого) по отношению к этим фактам и закономерностям проявляется в его рассуждениях о людях вообще, о возрасте человека, о его возможностях изменения и тому подобное.

Для ученого существует проблема удержания предмета своего изучения, чтобы не впасть в «дурную» бесконечность взаимосвязи всех факторов со всеми, бесконечно осложняющей построение системы научного знания. Для людей других профессий и родов занятий использование фактов происходит на уровне реагирования через собственные изменения или изменения другого человека.

Возможность видеть эти изменения, чувствовать их является условием адекватного восприятия другого человека и себя. Ригидность, ориентация на стереотип, фантом, а не на живую реальность, разрушают взаимодействие, делают его однонаправленным воздействием, деформирующим его участников.

Интересующий нас предмет возрастной психологии может быть проявлен в позиции ученого или любого другого человека как ориентация на факты и закономерности психического развития здоровых людей.

Таким образом, в каждом из нас возрастная психология начинается там и тогда, когда мы в своей жизни (а ученый – в своей профессиональной деятельности, и это может длиться десятилетиями) погружаемся в проблемы неравенства между людьми. Неравенство это фиксируется строго и требовательно в любом языке (разговорном и научном) как возрастное отношение между людьми: старше – младше, а потом уже варианты: погодки, ровесники, люди одного поколения, люди первой половины XX в., люди прошлого, а также люди будущего.

Интересно то, что при всей однозначности этого отношения в XX и XXI вв. наблюдается удивительное явление, которого не было в прошлые века, – возраст человека не является однозначным показателем его информированности и компетентности. Эта ситуация становится еще сложнее, когда речь идет о владении конкретными навыками – общекультурными и профессиональными.

Сегодня старшинство (по возрасту) не обязательно показатель зрелости, развитости человека. Это, в частности, приводит к тому, что появляется необходимость в теории, которая бы давала основания для понимания на бытовом (а тем более на научном) уровне закономерностей и механизмов развития человека. Особенно остро этот вопрос встает в условиях безработицы при конкуренции за рабочие места. Кому можно и нужно отдавать приоритет при наличии вакансии? При всей конкретности этот вопрос далеко не риторичен и предполагает использование знаний о закономерностях становления качеств личности.

Построение такой теории может (и должно) являться задачей научной работы – специальной профессиональной деятельности, но и любой человек на своем личном опыте, на опыте своих переживаний, встреч с другими людьми, на опыте понимания самого себя строит такую теорию. Она входит в его картину мира.

Осознанной картиной мира пытается овладеть ученый, разрабатывающий такую теорию. Учитывая важность для каждого из нас особой теории – теории понимания другого человека, – остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Итак, любой человек (ученый и обыватель) строит свою картину мира, то есть пытается понять его, объяснить, систематизировать. Построенная картина мира становится, в известном смысле, искусственной, виртуальной реальностью. Вечный вопрос о том, что же есть на самом деле, вопрос о сущности другого человека (применительно к нашей теме) остается во всей его полноте. Думаю, что это прекрасно, так как вечные вопросы являются гарантом поиска истины, а значит, гарантом существования самой науки и обобщенного

теоретического знания.

Существование картины мира, сам процесс ее становления показывают, что человек борется за такую позицию, которая всему сущему задавала бы меру и смогла предписать норму. Эта его позиция выражается как мировоззрение, в котором представленность себя самого и других людей структурируется, организуется в содержании Я-концепции и концепции Другого Человека.

Сами по себе эти концепции, на мой взгляд, выполняют в картине мира роль подрамника, который удерживает полотно картины в относительно постоянном состоянии. Часто человек выражает обе эти концепции одним словом, которое туго натягивает или даже обрывает полотно картины мира, например, «Я – плохой человек», «Все люди – гады», или «Я – лишний человек», «Все люди мешают мне жить», или «Я – гений», «Все люди – бездарности», или... Думаю, что каждый читатель легко восстановит возможные эмоциональные состояния, которыми может быть проникнуто каждое из приведённых здесь высказываний.

Содержание этих двух концепций в картине мира: позволяет выделить и зафиксировать особую реальность, составляющую, на мой взгляд, большую часть этой картины – реальность психическую (см. схему. Строение психической реальности).

Схема. Строение психической реальности

Выделение именно ее позволяет говорить о сущностном в закономерностях развития. Какими же важнейшими свойствами обладает психическая реальность? Как отличить ее от других видов реальностей – физической, химической, логической и других?

Думаю, что вопрос этот не менее сложен для ответа, чем вопрос об отличии живого от неживого. Мы скорее чувствуем, ощущаем, понимаем это отличие, чем можем осознать, то есть выразить в словах. Это так же непросто, как подобрать синонимы к словам «жизнь» и «смерть». Вопросы и задания для самопроверки

1. Как Вы думаете, какое научное психологическое знание Вы уже используете в Вашей жизни?
2. Как можно выявить различие житейского и научного психологического знания?
3. Найдите любой психологический тест, который позволяет исследовать качества психической реальности. Покажите его возможности для получения научного знания.
4. Найдите научную статью по возрастной психологии. Проанализируйте её строение. Чем отличается, по Вашему мнению, научный текст от других видов текстов? Почему существует это отличие?
5. Составьте несколько схем возможного экспериментального исследования в возрастной психологии. Опишите особенности эксперимента как метода исследования.

Глава 2

Строение психической реальности

– Не понимать друг друга страшно —
не понимать и обнимать,
и все же, как это ни странно,
но так же страшно, так же страшно
во всем друг друга понимать.

Тем и другим себя мы раним.
И, наделен познанием ранним,
я душу нежную твою
не оскорблю непониманием
и пониманием не убью.

Е. Евтушенко. 1956 г.

– Я люблю тебя больше жизни.
– Не говори так, жизнь – больше, чем Я.
– Моя жизнь – ты.
– Не говори так, мне становится страшно...

(Признание в любви)

Ключевые слова: переживание, Я, не-Я, границы психической реальности, Я-концепция, концепция Другого Человека, структура психической реальности, психологическое пространство, психологическое время, социальное пространство, историческое время, концептуализация самости по Д. Штерну.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать способы организации психической реальности;

уметь фиксировать Я-концепцию, концепцию Другого Человека как факты жизни человека; владеть представлением о границах психической реальности.

Проанализируем модель психической реальности.

Модель – это способ мышления, который позволяет систематизировать и обобщить различные факты и закономерности, известные науке, а так же опыт жизни среди современников. Модель – это одновременно и средство экстерииоризации тех умственных действий, которые привели к её построению. По-моему модель отражает динамические, меняющиеся свойства психической реальности, так как в ней представлена качественная изменчивость связи человека с другими людьми и с собой во времени жизни. В этой модели можно увидеть и постоянные свойства психической реальности – взаимодействие с Другими Людьми и с не-Я, т. е. внешний и внутренние диалоги, которые наблюдатель или исследователь может зафиксировать как тексты, отражающие реальные переживания человека. Данная модель обладает и глубиной, так как Я существует на разных уровнях развития, определяющих соотношение сознательного и бессознательного в активности человека. Глубина психической реальности отражается в обратимости – универсальном свойстве психического, которое в текстах с помощью знаков воплощает свойства Я.

Рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие представленное в модели строение психической реальности.

Обратимость видна, например, в использовании прошлого опыта для организации активности в настоящем времени. Так, трёхлетний ребёнок, плачет, не узнав мать в новом платье, с новой причёской, а уже взрослый человек может упорно не замечать, что он не первый раз рассказывает одну и ту же историю в той же самой компании.

Универсальность обратимости в том, что прошлое присутствует в настоящем, но в то же время у человека есть возможность вернуться в его прошлое, изменить место прошлого в настоящем, тем самым воздействовать на будущее. В бытовом языке это зафиксировано как понятие «груза прошлого», «следов пережитого», «отпечатков переживаний», «опыта жизни» и т. п.

Для анализа проблем психического развития и строения психической реальности важно, что актуальное Я, существующее в настоящем времени, несёт в себе опыт жизни как обоснование своей активности во всех временах. В этом смысле Я существует как обоснование самого себя. На протяжении жизни появляются только новые формы – знаки – проявляющие, экстерииоризирующие это обоснование, которое, естественно, невозможно без интериоризации, т. е. освоения знаков взаимодействия с другими людьми.

Можно сказать, что наличие обоснования Я своей собственной активности даёт возможность человеку на протяжении всей жизни быть относительно независимым от других людей. Я и есть данность активности для самого человека, которую он имеет по факту принадлежности к человеческому виду. Эта активность может быть ограничена в условиях

сенсорной депривации, – слепоты, глухоты, немоты и т. п., она может быть ограничена в условиях

социальной депривации как отсутствие или недостаток содержательных контактов с другими людьми, она может быть ограничена, например, экстремальными условиями

психологической депривации как нарушение внутреннего диалога человека.

С уверенностью можно сказать, что Я существует до тех пор, пока человек может обосновать для самого себя свою активность, т. е. переживать наличие своей энергии, своей силы, реализующейся в активности. Иначе это можно понимать как наличие открытости к воздействиям, к изменениям, а значит, потенциально к развитию как к качественному изменению.

Современными исследователями давно доказано, что открытость – объективно фиксируемое качество, младенец теряет его буквально в считанные дни, если он попадает в условия социальной депривации, т. е. резервы активности как обоснование Я самого себя находятся не только в теле младенца как природном предмете. Они существуют в том контексте отношений людей, где создаются, изменяются, преобразуются знаки для построения текста взаимодействия, где представлены позиции взаимодействующих как обосновывающих друг друга, и самообосновывающихся.

Если прямо задать вопрос о том, что развивается, т. е. качественно преобразуется в психической реальности, то можно было бы, думаю, сказать, что преобразуются средства и способы обоснования Я самого себя. В каких условиях и каким способом (способами) это происходит? Ответ на это вопрос возрастная психология ищет в постановке проблем закономерностей и механизмов психического развития, которые в индивидуальной жизни человека представлены как его переживания[6].

У переживаний есть свойства, которые позволяют использовать их как единицы анализа человеческой жизни. Переживания случаются, их нельзя создать или вызвать, это значит, что они обусловлены внутренней логикой, существующей в психической реальности как предмете. Переживания не ограничены временем, они могут меняться по интенсивности, по месту в активности человека, но они не исчезают, в этом смысле можно говорить об их энергетике, об их присутствии в механизмах самообоснования Я.

Отличие переживаний от других видов активности человека, ставит вопрос об их специфичности как особого феномена, требующего специальных научных средств и способов фиксации, анализа и интерпретации. Недаром сегодня интерес исследователей привлекает нарративный метод, который даёт возможность восстановить, обнаружить, зафиксировать различные переживания как события индивидуальной жизни человека. В бытовом течении жизни каждый человек может наблюдать переживания у самого себя или у другого человека как ситуации качественного изменения активности. В этом смысле замерший в изумлении от встречи с цыплёнком малыш-трёхлетка и, буквально, парализованный страхом, студент перед ответственным экзаменом дают наблюдателю материал для понимания того, что происходит при переживании.

Надо сказать, что представление об отсутствии переживаний у того или иного человека тоже имеет под собой психологические основания, так как отсутствие переживаний – одно из проявлений феномена психологической смерти, когда пустота психической реальности достигает такого уровня, что у человека нет больше резервов для самообоснования Я. Это – путь в зависимость от других людей, путь отказа от Я. Причины его могут быть связаны, например, с экстремальными переживаниями, когда человек израсходовал буквально все резервы обоснования Я самого себя. Как ни грустно это звучит, но в таких фактах одно из доказательств того, что переживания осуществляются за счёт внутренних энергетических ресурсов Я, которые, например, в общей психологии описываются как мотивы и потребности человека, как его волевые качества, строение эмоций и содержание чувств.

Нельзя сказать, что современная психология имеет достаточно разработанное понятие переживания, но им, думаю, можно и нужно пользоваться для понимания строения психической реальности человека как целостного предмета, существующего в пространстве и времени индивидуальной человеческой жизни. Переживание принадлежит только одному человеку, в этом его специфичность как феномена, переживание понимается

исследователем как Другим Человеком – в этом специфичность возможности понимания переживания как содержания психической реальности, которое может и должно стать предметом изучения в возрастной психологии.

Можно исследовать переживания общества как группы людей, как

групповой феномен, однако возможность такого исследования всецело зависит от научной исследовательской позиции учёного, от возможностей научными методами фиксировать групповые феномены как проявление

коллективного сознательного и бессознательного. Думаю, что мы все присутствуем при становлении понятия переживание как научного понятия, в описании строения психической реальности я пользуюсь им с надеждой на то, что предлагаемая модель пусть немного, но пополнит научные данные о процессах и закономерностях психического развития.

Переживание Я как обоснования активности существует у человека с момента рождения, поэтому на схеме, где обозначено начало жизни, стоит знак Я, которому в течение жизни (обратите внимание на всю схему в целом) предстоит дифференцироваться на Я и не-Я, эта дифференциация сохраняется практически до конца жизни. Мне не хотелось заканчивать схему словом «смерть», поэтому я написала слово «мудрость», которым хотела показать, что на жизненном пути (будет это мгновение или годы – не так важно) человек приходит к переживанию своей экзистенциальной общности с Другими людьми. В этом переживании Я обретает всю полноту целостности, доступную человеку, он обретает согласие с бытием Я и бытием в Я, то согласие с жизнью, которое делает человека творцом самой жизни.

Вернёмся к началу жизни. Другие Люди (как это происходит, подробно будет изложено в последующих главах) обозначают для человека присутствие переживаний Я через понимание потребностей ребёнка. Это не всегда происходит в соответствующей форме, например, ребёнок – младенец беспокоится, мать думает, что он – голоден, а он отказывается от кормления. Мать не угадала, не поняла, что у него болит животик или яркий свет попадает в глаза и т. п. Своими реакциями на воздействие матери как Другого человека ребёнок обозначает и для себя и для Других, что существует не-Я. Для ребёнка – это и содержание его переживаний от взаимодействия с Другими людьми как переживание бытия в Я и переживание бытия Я. Для Других людей – это переживания от взаимодействия с Я ребёнка, в котором обе стороны оказываются взаимозависимыми, поэтому все линии связей на схеме – это обратные связи.

Остановимся на графическом обозначении Я и Других людей. Оба эти понятия написаны в замкнутом круге, который символизирует наличие

телесных, предметных и

психологических границ Я и Другого человека. Телесные – естественные границы тела человека, предметные – реальные предметы как ценности для конкретного человека, те предметы, которые в данный момент времени являются сверхзначимыми, любимыми, которые он оберегает как часть Я, без которых он не представляет своего существования. Психологические границы – это предел изменчивости активности Я, для наблюдателя они выступают как возможности человека в организации поведения (самостоятельно или с помощью Другого человека). В развивающемся самонаблюдении психологические границы связаны с переживанием своих реальных и потенциальных возможностей (Я могу или Я мог бы).

В начале жизни все виды границ задаются Другими людьми через взаимодействие с помощью знаков, существующих в социальной ситуации развития, т. е. с помощью слов, жестов, мимики, интонации, свойств бытовых предметов, инструкций по использованию предметов и т. п. Другие люди в этом взаимодействии дифференцируются в переживаниях

бытия Я и бытия в Я на Других Своих и Других Чужих. На схеме этот процесс обозначен линией 1.

Разница в переживаниях даёт основания говорить о том, что существует природный механизм не только дифференциации Я и не-Я, но и природный механизм дифференциации переживаний, вызванных присутствием Других Людей. Этот механизм регулирует степень близости в психологическом пространстве Я присутствия Другого Человека как возможность его воздействия, как возможность изменения под влиянием этого воздействия.

Об универсальности этого механизма и его присутствии на протяжении всей жизни Я говорит множество фактов. Остановлюсь на тех, которые связаны с появлением в психологическом и социальном пространстве Я нового человека. Обычно через несколько секунд восприятия (в психологии существует проблема восприятия человека человеком) уже присутствует переживание, которое можно выразить словами «мой человек» или «не-мой человек». Думается, что чувствительность к содержанию собственных переживаний от восприятия Другого Человека у людей варьирует так же как и все виды чувствительности и сенсорного восприятия.

Однако, очевидна закономерность, что те люди, которые переживаются как Свои находятся в психологическом пространстве ближе к Я, чем те, кто переживается как Чужие. Чужие расположены в этом пространстве в непосредственной близости от не-Я и переживание чуждости наполняется конкретным содержанием от встреч с разными людьми. На схеме это обозначено линией 2.

Я изобразила эту линию симметричной, так как графически сложно показать динамику нарушения и появления равновесия в строении психической реальности. Соотношение между переживаниями Я и не-Я, переживаниями Других Своих и Других Чужих динамично и сила каждого из переживаний различна. Доказательства этого можно найти как в бытовых фактах, например, непослушания, ссор, обид, слепого подчинения, стремления к власти, стремления к одиночеству, радости и восторга от встречи с человеком, так и в научных фактах исследования Я-концепции человека[7].

Переживание Я как самообоснования активности по мере освоения человеком знаков приобретает форму предпонятия, а потом и понятия. Этот процесс и отражается в появлении Я-концепции, которую растущий ребёнок проявляет как

самосознание. Иначе говоря, как проявление в словесном тексте свойств Я, как возможность рассказа о себе. Думаю, что есть смысл говорить о переживании самосознания, так как оно сопровождается усилием по выбору и использованию знаковых средств и способов. Поиск тех средств и способов, которые соответствуют переживанию Я как самообоснованию активности, можно, например, видеть в спонтанных поисках детьми метафор, соответствующих их переживанию Я, когда дети, буквально, ищут подобное себе.

Так, рассматривая иллюстрации в книгах, они могут отождествить себя с каким-то изображением. Это не обязательно изображение человека, это может быть предмет или животное, или растение. При этом у детей не возникает трудностей в построении метафорического соответствия. Надо, однако, заметить, что оно имеет достаточно чёткие границы. В этот момент жизненного пути ребёнок уже отходит от

эгоцентрической позиции и не отождествляет весь мир с собой, а себя со всем миром. У него уже есть то, что можно с полным правом назвать его миром, т. е. переживание присутствия Я и не-Я как самообоснования активности. Эти переживания опредмечиваются в знаках. Словесные знаки – один из наиболее распространённых видов, но есть и другие – предметы обихода, игрушки, природные предметы, домашние животные и т. п. То, что одним словом можно назвать как «любимое» или значимое, экстериоризирующее переживание присутствия

Я для самого человека, воплощающие таким образом и границы психической реальности.

В психологии большое внимание уделяется изучению структуры самосознания.

Естественно, что приоритеты исследователей определяются контекстом их научной теории. Для моего изложения важным является тот факт (он зафиксирован на линии 3 в схеме «Строение психической реальности»), что растущий ребёнок может выразить в слове, а значит, обобщить, переживания от взаимодействия с Другими людьми. Он уже может для себя обосновать в этом обобщении степень реальной, желаемой и возможной близости с Другими как Своими и Чужими, с самим собой как не-Я. Обобщение вводит в психическую реальность не только настоящее, прошлое, реальное будущее время, но и потенциально возможное (или невозможное) будущее время взаимодействия с Другими людьми. На этом отрезке жизненного пути растущий человек начинает говорить о себе «Я» во всех временах: настоящем, прошедшем, будущем, условно будущем, условно прошедшем.

Опыт переживаний Я как самообоснования активности приобретает в понятии новую форму, но существовавшие формы переживаний не исчезают бесследно, они выстраиваются на оси жизни как чувственные маркёры психологического времени событий, качественно изменивших динамические свойства психической реальности. Они и создают возможность обратимости, так как обладают достаточным энергетическим потенциалом, чтобы сохраняться на протяжении всей жизни человека. Для наблюдателя они могут выступать как особенности пластики человека, позы человека во взаимодействии с Другими людьми, как особенности его словаря, как содержание продуктов творчества, как содержание сновидений. Для самого человека они составляют фонд воспоминаний, которые оцениваются как важные события, как ситуации, в которых «что-то со мной произошло». Можно сказать, что это – ситуации пережитого

инсайта, когда энергетическая составляющая перестраиваемой психической реальности становится доступна сознанию.

На линии 4 в описываемой схеме хотелось показать, что взаимодействие с Другими людьми, которое в разных формах, с необходимостью продолжается всю жизнь, приводит к появлению осознанной Я-концепции, концепции Других людей как Своих и Чужих. Развитие будет воплощаться в качественном преобразовании переживаний обоснований своей активности, общее описание которых сводится к тому, что человек начинает рационализировать степень своего воздействия на самого себя и Других людей, т. е. появляется моральное обоснование активности. Начало ему положено в переживаниях близости с разными людьми, которое воплотится для ребёнка в словесных оценках «хороший» или «плохой». Когда ребёнок говорит, например, что он не хочет играть с кем-то, потому что этот кто-то плохой, он уже обосновывает свою активность доступными ему моральными обобщениями. Он переживает не только равенство с Другими людьми, но и неравенство, то неравенство, которое необходимо для сохранения границ его психической реальности, которые должны проявиться и укрепиться на следующем этапе жизни, обозначенном на линии 5 как процесс идентификации Я с Другими Своими, как появление обоснования активности Я содержанием этого процесса. Одновременно происходит отчуждение от содержания переживаний не-Я, от Других Чужих, а в структуре психической реальности переживания, связанные с ними, становятся более или менее устойчивыми. Именно это свойство в большинстве психологических теорий личности характеризует развитую личность как социокультурный феномен.

Устойчивость, основанная на Я-концепции и концепции Другого человека, позволяет человеку строить рациональное поведение, предвидеть своё поведение и поведение Других людей, она обобщает индивидуальный опыт переживания человеком обоснований

активности во взаимодействии с Другими Людьми. Устойчивость ориентирована на групповую мораль, что позволяет человеку адаптироваться в социальном пространстве, но ею, думаю, не исчерпываются потенциалы развития переживаний.

У каждого из нас есть возможность осуществления трансцендентальной позиции, которая на схеме представлена линией 6. Её содержание можно назвать, как было сделано выше, достижением мудрости, той мудрости, когда человеку доступно переживание его уникальности как человека. Это то переживание, которое делает ощутимыми и одновременно открытыми границы психической реальности, это та тождественность со своим Я как природным даром, которая даёт человеку мужество быть самим собой, оставаясь человеком, равным, но не подобным Другим Людям, быть вместе, не растворяясь в Другом, оказывать воздействие, не разрушая себя и Другого, взаимодействовать со степенью свободы, достаточной для проявления позиций участников диалогического или полифонического взаимодействия. В вашем умении слушать и слышать Другого Человека каждый из вас, читатели, может обнаружить в себе наличие этого переживания.

Психологическая реальность, строение которой я пыталась описать хотя бы в общих чертах, существует в психологическом пространстве и психологическом времени, поэтому довольно сложно отнести то или иное переживание к биологическому времени жизненного пути человека, к конкретному пространству его действия. Отчасти поэтому я не приводила в схеме возрастных границ, а попыталась описать её как модель, как способ мышления об обосновании человеком его активности во взаимодействии с Другими Людьми.

Читатель без труда найдёт свойства психологического пространства и психологического времени в своей психической реальности, а в наблюдении обнаружит их и у Других Людей. Когда мы говорим о человеке или событии, что это «близко мне» или, наоборот, «далеко» и «чуждо», то таким образом в слове обозначаем место предмета разговора в психологическом пространстве, где есть центр, периферия, граница, есть и дистанция между разными предметами в этом пространстве и их расстояние – дистанция – по отношению к центру.

Психологическую дистанцию можно измерить, если материализовать психологическое пространство, например, в графическом виде (см. подробнее задания по возрастной психологии в этой книге). Центром психологического пространства – постоянным центром – является переживание Я, которое человек может выразить словами как «Я есть», «Я тут», «Я здесь и теперь» или в других временных характеристиках как «Я был», «Я буду», «Я был бы» и т. п. Это переживание тоже обладает относительным постоянством. Об этом свидетельствуют факты, зафиксированные в бытовом языке, например, так «Потерял себя», «Забыл о себе», «Растворился в друге» и т. п.

К числу относительно постоянных центров психологического пространства нужно отнести и предметы, обладающие символическими функциями, т. е. фиксирующими переживания. К числу их относятся, например, амулеты, подарки, произведения искусства и т. п. Особенность этих предметов в том, что через переживание они как бы фиксируются в психологическом пространстве, наличие этой фиксации можно обнаружить и в физическом теле человека, например, при потере значимого предмета, не только ребёнок, но и взрослый человек может заплакать, даже заболеть от горя. Наоборот, в присутствии значимого предмета, человек преображается физически, меняется тонус мышц, изменяется ритм дыхания, цвет кожи и т. п.

В психологическом пространстве существуют и изменчивые центры, которые выстраиваются в иерархическую зависимость по отношению к Я, они обнаруживают себя в направленности внимания и могут быть описаны через свойства предмета, привлёкшего или привлекавшего внимание человека. Хотелось бы, чтобы сейчас центром вашего психологического пространства было содержание этого текста, а не мысли о предстоящем экзамене по возрастной психологии.

Я уже пыталась сказать, что психическая реальность не находится в состоянии равновесия, хотя постоянно к нему стремится. Это утверждение основывается на том, что в психологическом пространстве человека существует асимметрия, наличие которой можно обнаружить в языковых маркерах. Например, «высокая цель», «высокий дух», а так же «низкая цель», «низкий духом», т. е. подразумевается нетождественность переживаний, расположенных на разных уровнях психологического пространства.

Кроме параметров «дальше – ближе», «выше – ниже» в психологическом пространстве используются параметры «правое – левое» как показатель отнесённости переживания к топологическим, т. е. непрерывным, постоянным параметрам тела человека, например, «положа руку на сердце», «правая рука». Кроме того, психологическое пространство представлено и в параметрах величины, о чём в бытовом языке можно услышать так: «большое дело», «гигантские усилия», «непомерные тяготы», «микроскопические влияния» и т. п. Это – метафоры физических величин, которые описывают содержание переживаний, воплощённых в том или ином предмете, тем самым открывают наблюдателю средства и способы, какими ранжируются предметы в психологическом пространстве.

Надо отметить, что в силу метафоричности язык не отражает буквально место предмета в психологическом пространстве. Например, предложения: «Это событие имеет для меня большое значение» и «Это событие имело для меня больше значение» окажутся без смысла, если мы не знаем, по отношению к чему оценивается значение. Так в психологическом пространстве вопрос о месте того или иного предмета переживаний становится решением задачи на относительность, на поиск меры значимости. Думаю, что одной из существенных мерой значимости переживания, а значит, и предмета, воплотившего это переживание, может стать его близость к относительно постоянному центру психологического пространства – к Я. В языке это звучит, думаю, так: «Без этого и Я не Я».

В разных отраслях психологии для описания дистанции в психологическом пространства используют ещё несколько понятий – интимная (относится к воздействию на тело), персональная (воздействие на Я), социальная (виды связей в группах) и общественная (связи с обществом как целостностью) дистанции.

Возможность выделения этих параметров в психологическом пространстве ещё раз доказывает его неоднородность и уровневую организацию, что даёт основания говорить о представленности структуры психической реальности в других видах реальности и наоборот – других видов реальности в психической. Например, такие социокультурные, иногда предельно географически определённые, реальности как «Дом», «Родина», «Малая родина», «Отечество», «Человечество» существуют в психологическом пространстве человека как фиксированные переживания, имеющее определённое место по отношению к Я. Всем известны явления землячества, знакомо переживание чувства дома, национальной гордости, стыда и боли за отечество, переживание чувства национальной и групповой принадлежности, переживание чувства принадлежности к человечеству. Они показывают, что в психологическом пространстве человека представлены другие пространства, степень близости их к Я как центру, позволяет анализировать их значимость в разных временах жизни человека.

Все эти пространственные проявления опосредуются, определяются и в свою очередь сами определяют содержание концепции Другого Человека, Другого Своего и Другого Чужого, концепции Я и не-Я. Они организуют картину мира человека и психическую реальность в мире. Их динамика воспринимается человеком как наличие внутренней напряжённости или расслабленности во внутреннем мире, как моменты спокойствия и того, что называют душевной бурей, смятением чувств и мыслей. Они могут быть с очевидностью доступны наблюдателю или скрыты от него в формах знаков, окутаны метафорами текстов и погружены в глубины подтекстов.

Динамику в структуре психической реальности невозможно анализировать без применения понятия о

времени .

Структура психической реальности разворачивается в нескольких временах: физическом, астрономическом, биологическом, историческом, психологическом. Связь всех времён осуществляется в переживании событий, которые как особая форма активности человека делают содержанием сознания время его жизни, в котором в разной форме представлены все другие виды времени. Событие – изменение в структуре психической реальности, которое сопровождается глубокими переживаниями процесса обоснования активности качествами Я.

Глубина переживаний не обязательно проявляется в бурной внешней активности, так как это – внутренняя работа, – то, что называют «трудом души» по созданию качественно новых элементов в структуре реальности. В этом отношении, думаю, природный темп активности, который обусловлен темпераментом, относительно независим от темпа преобразований, осуществляющихся в психологическом пространстве и времени.

Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что качественные преобразования в психической реальности происходят под влиянием изменений в разных временах, которые относительно независимы друг от друга, но имеют потенциальную возможность объединиться в

экзистенциальных переживаниях. Так, например, потеря близкого любимого человека в короткое мгновение может превратить молодую женщину в старуху, а найденная любовь преобразит не только психический, но и физический образ угасавшего человека.

Психологическое время, как я уже отмечала выше структурирует жизненный путь человека, обеспечивая психической реальности обратимость, которая в настоящем – здесь и теперь времени – выступает как Я, способное к самообоснованию, т. е. к разным видам планирования и использованию своего опыта переживаний, которые в живой психической реальности обеспечивают её непрерывное существование в разных временах.

Как я уже отмечала, Я в самообосновании активности, в бытии в Я, предстаёт для себя в форме самосознания, таким образом фиксируется центр психологического пространства, которое активно и должно быть организовано по отношению к этому центру. Можно сказать, что самосознание – это рассказ Я самому себе о самом себе. Именно рассказ, как история, протяжённая в каком-то из времён или в нескольких из них, или во всех сразу, как целостный предмет, представленный параметрами психологического пространства или в сочетании со свойствами других пространств, как знаковая система, выполняющая символическую функцию воплощения переживаний в форме знаков.

Сейчас я показываюсь в сложной для меня ситуации. Я должна описать структуру самосознания, т. е. те устойчивые свойства Я, в которых оно проявляется для самого себя. Сложность ситуации в том, что мне нужно выбрать из множества научных подходов тот, который соответствует моему представлению о явлении самосознания. Воспользуюсь для этого

феноменологическим методом , т. е. буду опираться на содержание моего научного и жизненного опыта, который можно обобщить в строении научных понятий, описывающих и анализирующих самосознание.

Итак, что, несомненно, есть в самосознании?

Есть переживание наличия Я как особого качества, принадлежащего только Я, т. е. бытие в Я, поэтому на схеме «Строение психической реальности» Я как и не-Я изображено в замкнутом

круге. Этот круг и показывает, что есть в психической реальности устойчивое образование, которое доступно для внешнего наблюдателя как сохранность свойств человеческой активности во времени. Вспомните, мнения о человеке: «Он такой с детства», «Он вообще не меняется», «Ты всё такой же романтик» и т. п. – за ними очевидные факты наличия устойчивых свойств активности. Сам человек может сказать о себе: «Я всегда...», «Я никогда», «Мне не свойственно» или «Мне свойственно», «Я себе этого никогда не позволю...» или «Для меня это возможно» и т. п. Можно сказать, что самосознание открывается человеку как его возможность самообоснования своих же устойчивых качеств.

Устойчивость самообоснования существует не только в психологическом времени, но и в реальном времени жизни – она, думаю, основана на нравственных переживаниях, которые обладают очень сильным энергетическим потенциалом. В нравственных переживаниях человеку открывается одновременно его уникальность как человека и связь с Другими людьми. Конкретный материал, который изложен в последующих главах позволяет чётко зафиксировать наличие таких переживаний у 6–8 месячных детей, а реакцию на Другого Человека в 1,5–2 месяца.

Присутствие в самосознании концепции Другого Человека в психологии очень часто описывают как индивидуальное бытие общественных отношений.

Здесь для меня тупик в рассуждении, я не могу провести чёткое разграничение между общественными отношениями и какими-то другими, например, отношениями природными, самоотношением и т. п. Общество, думаю, слишком неопределённый предмет, чтобы его наличие определяло строение самосознания. Встречается и уточнение этого представления – системой, порождающей самосознание человека является человеческая общность, к которой принадлежит конкретный человек. Здесь опять, по – моему, требуется множество уточнений, так как человек может и живёт в нескольких пространствах и временах, какое из них (или всё?) оказывают существенное влияние на появление устойчивых свойств самосознания?

Думаю, что до ответа на этот вопрос современной психологии ещё очень далеко. Возможно, поэтому психологам приходится пользоваться понятием личность для обозначения уникальности человеческого самосознания, относя появление и проявление личности к определённому периоду (периодам) в жизни человека. Для меня важно зафиксировать тот момент, что современная психология в научном мышлении о развитии самосознания человека обозначает уникальность самосознания как качества психической реальности.

Несомненно, что обретение самосознания – это процесс, в котором можно выделить основные структурные элементы. Один из них уже обозначен – наличие

самообоснования Я, которое наблюдатель видит уже в

избирательности активности младенца, о которой взрослый с полным правом говорит словами: «Ребёнок хочет или не хочет», «Ребёнок может или не может» и т. п. Практически с момента рождения ребёнок начинает жить в мире нескольких логик – логика самообоснования активности, логика взрослых по отношению к нему, логика предметов. Все эти логики как воздействие с обратной связью входят в переживание, структурирующее самосознание через инсайты – моменты качественного преобразования самообоснования, которые в психологии развития описывает как качественные скачки, очевидные для наблюдателя.

Можно воспользоваться следующими примерами для иллюстрации логик – логика самообоснования активности (в возрасте чуть больше года ребёнок может плакать специально, при этом исследователь может видеть, что он наблюдает за реакцией взрослых). При всей простоте примера за ним стоит неформальная логика, основанная на зачатках

рефлексии, прогноза и планирования, целеполагания и т. п. элементов, характерных для неформальной логики.

Логика взрослых легко обнаруживает себя, например, в использовании ценностных обоснований взаимодействия с ребёнком: «Не бери на руки, избалуешь», «Не подходи, пусть наплачется вволю», «Надо учить плавать раньше, чем ходить» и т. п. В этих обоснованиях и открывается та культурно-социальная обусловленность отношений, где взрослые реализуют свою концепцию Другого Человека применительно к ребёнку. Каждый взрослый оказывается в ситуации, когда он должен выбрать позицию по отношению к ребёнку – позицию, основанную на Я-концепции взрослого, или на концепции Другого Человека.

Думаю, что выбор реализуется через переживание собственности, которое в рефлексивной формулировке может быть выражено так: «Это – мой ребёнок». Именно это переживание – инсайт, который оно содержит, – обосновывает выбор позиции взрослого человека. Думаю, что через эту позицию передаётся и то культурное содержание, которое обычно называют любовью к человеку.

Потенциально человек обладает возможностью смены этой позиции, которое связано с трансцендентальными переживаниями. Мне думается, что ощутимые различия в возможности любви к человеку, наблюдаемые повсеместно, обусловлены природными свойствами активности Я, которые можно было бы обозначить физическим термином силы Я, обеспечивающем возможности сохранения границ Я, дифференциации Я и не-Я, удержание психологической дистанции с другими людьми, иными словами, возможности ответственности, принятия решений, относительной независимости от силы воздействующих раздражителей. Думаю, что эти свойства задают и возможности осуществления трансцендентальной позиции в логике осуществления активности.

Предметная логика – действие с предметами, основанное на использовании свойств предметов.

Её отличие от других логик в том, что активность ограничивается во времени доступными свойствами предметов, одновременно открывая относительность этого ограничения во времени и пространстве как возможность существования новых свойств предметов. В психологии, благодаря работам Ж. Пиаже, подробно описаны закономерности становления предметной логики как развитие познавательной активности.

Для моего рассуждения важно, что этот вид активности выделяется как специальный объект научного исследования.

Итак, можно сказать, что структура самосознания возникает благодаря переживаниям инсайта, в которых фиксируются встречи Я с различными логиками в конкретной социальной ситуации развития. Это способствует дифференциации Я и Другого Человека, Я и не-Я в пространствах и временах жизни человека.

Можно, думаю, сказать, что свойства Я предстают в самосознании через переживание человеком своей природной активности как данности, как

самоощущения, которое дополняется

самочувствием как наличием различных (телесных, пространственных и т. п.) границ и оформляется в

знаках внешнего и внутреннего диалогов как экстериоризация – интериоризация событий индивидуального жизненного пути человека.

Мне бы хотелось отметить, что в самосознании человек с необходимостью встречается

с любовью к самому себе , говоря бытовым языком приватизирует самого себя. Обратная сторона этого явления –

притязание каждого человека

на признание (на любовь) со стороны других людей. Наличие любви ребёнка к самому себе – приватизации – взрослые могут отмечать уже у очень маленьких детей как их настойчивость, переходящую в неуправляемое упрямство, как способность к длительной концентрации внимания, как стремление следовать своим желаниям и т. п.

Нет смысла прибегать к моральным оценкам этих явлений – они существуют как данность человеческой индивидуальной жизни, которая разворачивается среди других людей, обладающих такими же свойствами. Так возникают и существуют предпосылки для неравенства векторов активности, когда ситуация потенциального взаимодействия может обостряться до степени хаоса, выраженном в пословице: «Кто в лес, кто по дрова». Однако в этом изначальном неравенстве сил Я разных людей заложен и потенциал взаимного развития, который, думаю, необходим каждому человеку на протяжении всей жизни. Я уже говорила о законе обратной связи, который в традициях христианской веры безусловно выражен в формуле: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Притязание на признание со стороны других людей или в рефлексивной формулировке: «Моё Я значимо для Других Людей» современная психология описывает как ситуации взаимодействия, где человек переживает несоответствие его Я-концепции и концепции Другого Человека, использованной в о взаимодействии с ним. Это – ситуации, где в переживания целостности Я включается содержание меры целостности Я, которое входит в концепцию Другого Человека.

Думаю, что каждый человек сам для себя является мерой целостности мира, поэтому у каждого здорового человека есть целостная картина мира, предполагающая его здоровый эгоизм: «Мой мир для меня, Я для моего мира». В то же время во взаимодействии с Другим Человеком может использоваться и почти всегда используется другая мера. Вот конкретные примеры: «Он ещё мал, не понимает», «Что с неё взять, она – женщина», «Они все – недалёкого ума люди», «Ты же рассуждаешь, как деспот» и т. п. Несоответствие содержания мер целостности в Я-концепции и концепции Другого Человека воспринимается человеком и как относительно временное или относительно же постоянное несоответствие содержания переживаний по отношению к себе и к Другим Людям.

Человек потенциально попадает в ситуацию экзистенциальной пустоты, если он постоянно живёт в этом несоответствии. Моменты соответствия переживаются как чувство единства с Другими Людьми. Значимость этого чувства не менее велика, чем переживание силы от целостности Я, так как в эти моменты происходит качественное преобразование в структуре психической реальности, которые фиксируются как бытие Я для самого себя, т. е. совпадают в инсайте переживание бытия Я и бытия в Я. Это – моменты гармонии бытия, согласия с ним, моменты полноты переживания жизни как явления.

Бытие Я для наблюдателя со всей остротой значимости для наблюдаемого проявляется в важнейшей составляющей самосознания – в отношении человека к собственному имени.

Собственное имя – один из важнейших знаков, структурирующих самосознание человека. Нет необходимости доказывать, какие переживания вызывают у человека варианты изменения его имени или отказ ему в имени собственном. Надо сказать, что в разных языках варьированность имени человека весьма различна, хотя отрицать факт её присутствия не имеет значения.

Собственное имя – знаковый маркёр существования Я для самого себя и для Других Людей, он даёт основания для обозначения позиции во взаимодействии, обозначает границы

возможного воздействия, интенсивность обратной связи. Можно сказать, что использование во взаимодействии формы имени переживается как одновременная кристаллизация отношения Другого Человека и актуализация переживание Я как целостности. Интенсивность этот переживания очень велика, так как она включает практически все параметры идентификации человека со свойствами его психической реальности.

К числу таких свойств, входящих в структуру самосознания, т. е. самообоснования Я активности в современной психологии относят и

половую идентификацию. Именно в процессе половой идентификации, т. е. в переживании своей принадлежности к тому или иному полу человек осознаёт свою целостность как единство телесной и психологической реальностей.

Нет необходимости отрицать сложность и глубину этих переживаний и необходимость воплощения их в организованное поведение. В современном обществе существует возможность подмены значимости этих переживаний для становления самосознания человека интенсивностью сексуального поведения.

Отношение к телу как собственности связано со многими интимными переживаниями, которые сказываются на строении самосознания, на переживании целостности тела и его границ. Недаром многие прогнозы будущего человечества описывают механический секс как форму ухода рационального человека от необходимости переживаний, связанных с половой идентификацией. В связи с этим, думаю, есть смысл обсуждать психологические последствия изменений в сексуальном поведении людей, которые можно наблюдать во многих современных обществах, и их влияние на самосознание как разных групп людей так и отдельного человека.

Самосознание как обоснования Я собственной активности невозможно осуществлять вне психологического времени и социального пространства. Именно их и относят к числу структурных составляющих самосознания человека.

Как уже отмечалось, психологическое время человека структурируется в его психической реальности за счёт переживаний, позволяющих осуществлять обратимость и предвидение. Таким образом все возможные времена активности человека концентрируются в переживании как целостном образовании, обладающем знаковой фиксацией в психологическом времени. Примеры этого можно, думаю, найти в пословице: «Обожжешься на молоке, будешь дуть и на воду». Мне кажется, что пример этот интересен и тем, что в нём есть относительная независимость содержания психологического времени (и психологического пространства) от физического времени и физического пространства.

Социальное пространство как элемент самосознания человека позволяет описывать варианты присутствия Других Людей и содержание их взаимодействия как целостный, организованный с помощью знаков предмет культуры, представленный в настоящем и историческом времени. Иначе социальное пространство называют

контекстом развития человека, социальной ситуацией развития и т. п. Главное её свойство в том, что она содержит как материальные, так и идеальные предметы, которые организуют активность Я, оставляя возможности для обратной связи, т. е.

позиции Я по отношению к ним. Так человек может и должен следовать социальным нормам, правилам, традициям, обычаям, но у него есть возможность и отнестись к ним как к целостному предмету, т. е. занять рефлексивную или трансцендентальную позиции.

В этом феномен социального пространства – оно закрыто для внешнего воздействия границами языка, но оно открыто для внутреннего изменения и воздействия за счёт

возможности выхода за пределы этого пространства.

Как и почему человек начинает изменять социальное пространство? Это вопрос о лидерстве, вопрос о харизматических свойствах человека, способного к выходу за ограниченные пределы социального пространства. В современных экономических условиях развития мирового сообщества, которые называются глобализацией, социальное пространство одного человека может быть равно планетарному.

Как этот человек воспользуется своими трансцендентальными возможностями, какой это будет человек? Это – вопросы к будущему.

При всей многозначности понимания структуры самосознания в современной психологии нельзя не обратить внимание на то, что в ней выделяются относительно независимые элементы, которые в истории психологии связаны с понятием

психических функций . Учитывая стремление современной психологии преодолеть малопродуктивный функциональный подход, воспользуюсь понятием модальностей для описания ещё одной группы относительно устойчивых структурных свойств самосознания. Понятие модальностей привлекает тем, что оно позволяет обобщить группу свойств практически по произвольному признаку, так как потенциально опирается на понятие «мочь», т. е. «могу»[8].

Мне представляется исключительно важным для понимания строения психической реальности исследование не только бытия Я как взаимодействия человека с Другими Людьми , но и бытия в Я как содержания внутренней активности Я для него самого.

Бытие в Я существует до представленности его в самосознании как организованная на разных уровнях сложности активность, в которой бытия в Я в разные моменты жизни человека присутствует как

самоощущение, как

самочувствие , как

переживание, как

представление, как

образ , как самосознание, т. е. как тот чувственный опыт, который человек через концепцию Я проявляет для себя и других людей в форме слова как предпонятия, понятия, псевдопонятия. Бытие в Я как бытие «могу» для самого себя может быть представлено в концепции Я через следующие группы относительно независимых модельностей:

Таблица 1

Модальности бытия в Я и не-Я

Особенность этих модальностей в том, что они как свойства психической реальности, как бытие в Я и бытие в не-Я существуют на разных уровнях организации активности человека[9].

Итак, в строении психической реальности можно описать бытие Я через содержание взаимодействия человека с Другими Людьми, которое способствует развитию самосознания,

известного на сегодняшний день как высшего уровня самообоснования Я его активности. Другими словами в самосознании через содержание Я-концепции и не-Я человек фиксирует свою относительную автономность от других людей, путь к которой он прошёл через построение психологической дистанции с Другими Людьми, через создание концепции Другого Человека как обобщённого на разных уровнях (ощущение, представление, образ, предпонятие, понятие, псевдопонятие) личного опыта взаимодействия с людьми в разных временах и пространствах.

Построение концепции Другого Человека основывается не только на бытии Я среди людей, но и бытии в Я – природной активности Я, существующей как уникальное качество живого, избирательно, с обратной связью реагирующего на любые воздействия, способного к самоорганизации и саморегуляции. Эта возможность «мочь», быть в бытии, состояться в бытии как Я может быть описана в понятиях модальностей. Они будут содержательно отражать разные уровни организации активности человека как изменение в пространстве и времени его жизни Я-концепции, концепции Другого Человека, картины мира в целом.

В этой главе мне осталось описать содержание концепции Другого Человека, структуру этого образования в строении психической реальности.

Мне думается, что в современной психологии необходимость изучения этого содержания долгое время недооценивалась, тогда как в философии – в большей степени в экзистенциальной – существует понятие Другого. Достаточно назвать имена Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, М. Бубера, Г. Марселя и других. В мою задачу не входит философский анализ понятия Другого, меня интересует то содержание психической реальности, которое можно и, думаю, нужно анализировать как концепцию Другого Человека.

Известно, например, что младенец реагирует на человека иначе, чем на неодушевлённые предметы. Это, я думаю, фундаментальный факт, позволяющий в свете его анализировать все модальности проявления свойств Я ребёнка, связанные с присутствием в его бытии Другого Человека.

Можно, думаю, сказать, что как у младенца, так и у взрослого человека с момента первой встречи друг с другом во все взаимоотношения вплетаются свойства бытия в Я. Соответствие этих свойств создаёт понимание, несоответствие – конфликты. В любом случае происходит взаимодействие через воздействие и взаимное изменение по принципу обратной связи.

В этом взаимодействии на основе обратной связи открывается существование бытия в Я для самого Я. Этот поразительный по силе инсайт происходит через встречу с бытием в Я Другого Человека. Её можно описать как отсутствие соответствия содержания модальностей, например: «Я хочу, а Другой Человек – он, она, они – не хочет» или «Я хочу это и Другие Люди или Другой Человек хочет тоже самое». Подобное несоответствие можно обнаружить в других модельностях или в их сочетании.

Какое значение оно имеет для формирования концепции Другого Человека?

Думаю, что фундаментальное, так как одновременно происходят следующие события – встреча с бытием Я и не-Я и встреча с бытием в Я. В активности происходят качественные инсайтные переживания, способствующие появлению структуры Я как относительно ограниченного в пространствах и временах предмета. Так и хочется проявить сочувствие к Я, которое потенциально обладает бесконечностью форм бытия в себе. А тут – необходимость ограничения, обратной связи, качественного преобразования активности, возвращение её из бытия Я в бытие в Я. Такая работа требует времени, поэтому часто она сопровождается паузой в активности. Аналогичное изменение в активности можно наблюдать в знаменитой реакции «Что такое?», которая возникает у людей непроизвольно при внезапном появлении

незнакомому предмету. Замечу здесь, что невозможность реагирования в подобной ситуации порождает и страх, и ужас.

Другими словами, для реорганизации активности бытия в Я и бытия Я, человеку нужно некоторое время и пространство, достаточное для ориентации в Другом как целостном предмете, или группе взаимосвязанных свойств. Нужно выстроить логику активности Я, логику бытия в Я в пространстве и времени присутствия Другого. Здесь различия между людьми обусловлены уровнями самоорганизации активности как уровнями самообоснования бытия в Я. Качественные особенности актуального уровня активности и будут обеспечивать результаты реорганизации бытия Я и бытия в Я при встрече с Другим Человеком.

Мне бы хотелось вернуть читателя к мысли о том, что во взаимоотношениях людей действуют не только законы формальной логики, но законы неформальных логик.

Читателю и судить о том, что происходит с переживанием присутствия бытия Другого Человека в бытии Я, если, например, взрослый говорит о восьмимесячном ребёнке: «Он меня не слушается, он нарочно делает мне назло» или трёхлетний старается во всём подражать старшему брату, или пожилой человек сокрушается, что его все забыли.

Думаю, что есть смысл вернуться к понятию силы активности Я, как степени выраженности самообоснования активности и ввести понятие меры самообоснования бытия Я, содержание переживания «мое». Её наличие легко обнаружить в различии явлений упорства и упрямства. Упорство – это самообоснование бытия Я, а упрямство – самообоснование бытия в Я. Наличие Другого Человека в бытии Я определяется психологической дистанцией с ним, чем короче дистанция, тем больше представлено бытие Другого в бытии Я. Если дистанция становится минимальной, то возможны различные формы взаимозависимости бытия Я и бытия Другого Человека как полное или частичное отождествление Я-концепции, бытия в Я. Вспомните, «Я хочу как ты», «Мне такое же», «Делай как Я», «Приказываю», «Говорю последний раз» и т. п.

Содержание переживания Другого Человека как Своего возможно, если бытие Я существует как проявление его природной силы, т. е. в формах, соответствующих бытию в Я. Говоря иначе, человек, который живёт свою жизнь, чувствует себя при встрече с другим человеком спокойно и уверенно, так как полон достоинства, как силы, сохраняющего его Я-концепцию, его бытие в Я, он может построить психологическую дистанцию с Другим Человеком через создание концепции Другого Человека. Мера самообоснования бытия Я в этом случае предполагает бесконечность форм воплощения бытия в Я. Значит – другое не пугает, а создаёт предпосылки для взаимного развития через переживание инсайтов.

То, что я описала сейчас – идеальная ситуация, позволяющая мне использовать её как идеальную модель для описания концепции Другого Человека.

В последующих главах об этом будет подробно и на конкретном материале, сейчас я попробую описать ещё раз взаимозависимость бытия Я и бытия в Я, существующие как разные уровни концепции Я и содержание концепции Другого Человека. Воспользуюсь для этого ещё одной таблицей.

Таблица 2

Свойства

Я-концепции и

В современном мире проблемы существования концепции Другого Человека часто выглядят далеко не безобидно. Они оказываются основой не только семейных, внутриличностных конфликтов, но и конфликтов межнациональных и межгосударственных.

Обыденная логика здравого смысла показывает, что есть варианты отношений с Другим:

- поглощение Другого за счёт неравенства сил;
- параллельное существование без взаимодействия, т. е. отказ от встречи и взаимодействия с Другим;
- взаимное преобразование в пространствах и временах по образцу – посреднику, т. е. неравному каждому из преобразующихся;
- самоуничтожение всех участников взаимодействия;
- взаимодействие на дистанции, обеспечивающей пространство и время для взаимных инсайтов, т. е. для сохранения уникальных качеств участников взаимодействия.

За каждым из этих вариантов – логика или логики самообоснования активности. В обыденной жизни бытия Я и бытия в Я выбор логики часто основывается на переживаниях принадлежности – «мое», именно оно определяет желания («могу мочь») направляющие активность как отдельного человека, так и групп людей.

На этом я закончу описание структуры психической реальности, оставляя за читателем все возможности критического отношения к написанному.

В заключение этой главы мне хотелось бы остановиться на одном из современных доказательств понимания психического развития. Оно построено на основе использования методов и данных разных наук. Таким доказательством является теория Даниеля Штерна[10] (D. N. Stern), которая в настоящее время привлекает внимание своей аргументированностью и оптимистичностью.

Традиционно в психологии и педагогике исследуются возможности ребёнка, т. е. в организованном наблюдении объективно описывается и анализируется то, что младенец может делать, и при этом мало интереса к внутренней жизни ребёнка. Только в психоаналитической теории пытаются изучить содержание переживаний младенца – то, что происходит в его внутреннем мире, когда он вступает в отношения с окружением. Психоаналитики предпочитают включенное наблюдение за контактами младенца с его окружением. Д. Штерн объединил оба метода и обогатил их, в его теории можно увидеть мост между старой поляризацией биологии и психологии, между телом и душой, между наследственностью и средой. Давно известно, что лучший способ исследования может быть создан на стыке наук. Это относится и к исследованию развития младенца.

Вместо конкуренции знаний из разных областей, каждая из которых предлагает свою истину, можно получить обогащённое знание. Д. Штерн рассматривает тело как целостность, которая регулируется наследственностью, биологией, средой и психологией в тесной и видимой связи. Сам он американец, у него пять детей, он – психиатр, психоаналитик и исследователь младенчества. Его интересует вопрос о том, что происходит во внутреннем мире младенца, когда он переживает сам себя и своё окружение. Д. Штерн один из тех исследователей и теоретиков психического развития, кто относится к ребёнку как к компетентному существу.

Известно, что один и тот же факт поведения ребёнка можно понимать по-разному.

Так, например, если мальчик не может концентрироваться и чересчур активен, то его отец может сказать, что он сам был таким же в детстве. В таком случае проблемы ребёнка могут пониматься как проблемы наследственности – тогда можно предвидеть, что ребёнок, когда вырастет, будет похож на его отца. Можно было бы думать, что ребёнок такой как он есть, потому что он не получил опыта концентрации в семейном воспитании. Можно было бы думать и так: «Несчастный ребёнок, у него врождённый недостаток, который ему достался от отца, это делает ситуацию мальчика ещё хуже». Вполне возможно и такое понимание: ребёнок такого типа мог бы иметь каких угодно родителей, он всё равно был бы таким, какой он есть – неконцентрированный и чересчур активный.

Сегодня все точно знают, что ребёнок не рождается в мир чистым листом, на котором ничего не написано. Ещё в утробе матери дети индивидуальны. Все матери, родившие не одного ребёнка, знают, что дети ведут себя по-разному даже до рождения.

В 1960-1970-е гг. многие психологические теории обращали большое внимание на влияние социальной среды в развитии ребёнка, на содержание и формы связи родителей и детей[11].

Как только возникали какие-то проблемы, сразу искали источники этих проблем в отношениях ребёнка и родителей. Все логические конструкции для объяснения трудностей сводились к одной логике «Его мать такова, поэтому он...». Но есть и другая сторона отношений, которую можно увидеть в другой логике «Его мать стала такой, потому что ребёнок заставил её быть такой...» или «Ребёнок вынудил педагогов быть такими, какие они есть». Это всегда взаимозависимость – кто и как хочет, может и умеет реализовать себя в отношениях.

Очевидно, что младенец, который плачет по ночам и его трудно успокоить, требует от родителей иного внимания и заботы, чем младенец, который спокойно спит и хорошо ест. Самые любящие и опытные родители будут неуверенны и встревожены, если они не могут успокоить и развеселить ребёнка. Вопрос о том, кто на кого влияет в отношениях ребенка – взрослые превращается в вопрос о том, что первично яйцо или курица. На этот вопрос нет ответа, но есть очевидная зависимость, например, что ребёнок будет пугливым, если его мать чересчур заботлива.

Современная психология и педагогика исходит из того, что у родителей новорождённого нет задачи формировать индивидуальность ребёнка, он уже рождён как неповторимый человек. Родители должны узнать, встретить и соответствовать индивидуальности ребёнка, его ресурсам и возможностям. Это же относится и к воспитателям детских садов и яслей. Чем больше возможностей имеют взрослые для понимания и поддержки разных качеств ребёнка, тем больше у ребёнка возможностей для развития.

Возможности ребёнка зависят от содержания отношений со взрослыми, от умения взрослых видеть и поддерживать свойства индивидуальности младенца, в которых проявляется его самость. Говоря другими словами, развивающаяся природная индивидуальность ребёнка воплощается в формы, доступные для понимания другими людьми.

Считается, что заслуга Д. Штерна в том, что он описал как во взаимодействии с другими человек становится самим собой, как это становление выступает как данность для самого человека и для других людей.

Большинство из нас знает это из ежедневных переживаний присутствия себя самого для себя самого. Человек в переживании его Я выделяет своё тело, отличное по свойствам от окружения. Начинает выделять свойства своего внутреннего мира – чувства, мысли, движения как принадлежащие себе, он начинает обозначать в слове свойства своего внутреннего мира, разделять с помощью слов опыт переживаний с другими людьми и начинает через слова же использовать опыт других людей. Как правило, например, мы не думаем о том, как мы дышим, то же самое и самость – это нечто само собой разумеющееся,

данное человеку как неотъемлемое свойство. Через рефлекссию мы можем доказать сами себе существование самости как переживание самого себя. Самость – это то, что делает внутренний мир человека целостностью, то, что даёт возможность человеку на протяжении всей жизни чувствовать, что он – это он.

Существует множество бытовых форм описания самости – самочувствие, самоуверенность, самостоятельность, самореализация, самопрезентация и т. п. Самость – это нечто настоящее в человеке, то, что нельзя придумать или изменить. Человек ощущает присутствие в себе этого качества, когда говорит, что он может – не может быть самим собой. Ближайшее окружение воспринимает это качество человека в разных вариантах. Чаще всего как забвение самого себя или в противоположность этому качеству – погружённость в самого себя (это чаще воспринимается негативно). Все слова, описывающие последнее качество – эгоцентричность, самодовольство, самолюбование и т. п. – имеют негативный оттенок.

Когда появляется чувство самого себя? Взрослым может показаться, что оно появляется вместе со способностью к рефлексии и в возможности выразить себя в языке.

Согласно Д. Штерну самоощущение как чувство самого себя дано ребёнку с рождения, задолго до появления рефлексии и возможности пользоваться словом. Он считает, что у младенца есть способности, которые позволяют ему переживать постоянное присутствие развивающейся самости. К числу таких способностей младенца Д. Штерн относит ощущение причинности, ощущение когерентности, т. е. согласованности протекания во времени и пространстве нескольких процессов, ощущение присутствия разных чувств (аффективность) и ощущение истории самости, т. е. своего прошлого.

Все эти виды ощущений младенца существуют, по мнению Д. Штерна, как инварианты самости. Все эти инварианты самости в течении жизни объединяются в возможности человека к запоминанию и абстрагированию, т. е. обобщению пережитого опыта. Этот абстрагированный, обобщённый опыт существует в эпизодической памяти как форма связи переживания самости и присутствия другого человека, его Д. Штерн называет RIG или генерализованная репрезентация взаимодействий. Как можно понять мысль Д. Штерна, это то обобщение пережитого отношения с другим человеком, которое имеет значение для всей последующей жизни, так как оно уникально по содержанию и представленности самости. Важным, по его мнению, является то, что в течении всей жизни человека существует способность сохранять и поддерживать невербальную память самости.

Он описывает как разные формы переживания самого себя проявляются в течении первых трёх-четырёх лет, как они взаимодействуют и развиваются во времени. Он отмечает, что ни одно из переживаний самого себя не исчезает, все они присутствуют в жизни человека как его жизненный опыт, который может существовать в связи с новыми переживаниями или относительно независимо от них. На протяжении всей жизни человек может обращаться к переживаниям самого себя, использовать их в настоящем и будущем времени жизни, а так же путешествовать в своё прошлое. Всё время происходит обмен содержанием переживаний самого себя с собой и с другими людьми.

Д. Штерн использует для подтверждения своей теории известные факты о развитии младенцев и современные данные об их исследовании. Основопологающим для него является тот факт, что существуют очевидные скачки в развитии младенцев, т. е. качественные преобразования их активности.

Эти «вдруг» изменившиеся формы активности младенца очевидны даже для неопытного наблюдателя. Их отмечают все – родители и исследователи. Вдруг ребёнок проявляет новое переживание самого себя, новое переживание от присутствия других, от того, что происходит вокруг. Такие скачки в развитии можно видеть в 2–3 месяца, около 9 месяцев, около 15 месяцев. Это то время, когда существенно меняются формы переживания ребёнком самого

себя, других людей и окружающей обстановки.

Их можно описать как изменяющиеся способности ребёнка чувствовать потенциальные и реальные границы своих возможностей. Эти способности ребёнка интуитивно используют все взрослые, когда предлагают младенцу сделать то, что он ещё не умеет, но, по представлению взрослого, мог бы сделать. Многие исследователи детства отмечают, что сегодня взрослые ждут большей самостоятельности от детей и дают им больше потенциальных границ.

Д. Штерн считает, что развитие осуществляется на протяжении жизни, что нет специальных жизненных задач на каждом этапе, как это считает З. Фрейд, Э. Эриксон и др. Он считает, что важнейшая жизненная задача – становление доверия и самостоятельности это задача всей жизни, которая решается в разных формах через установление отношений зависимости – привязанности и автономии – самостоятельности с другими людьми. Сначала с родителями – взрослыми, потом со всё большим числом людей. Сказать «нет» влиянию другого человека, противостоять ему в самостоятельном решении, цели, действии – это и есть содержание главной жизненной задачи.

При таком понимании развития ничего и никогда не будет поздно, всегда есть возможности для развития. Человек может меняться всю жизнь. Человек воздействует на других людей и сам меняется под их воздействием.

Все проблемы, с которыми он встречается, могут быть решены в настоящем. Нет необходимости идти назад в определённую фазу развития, чтобы изменить что-то в ней через специальные действия. В живой человеческой психике всегда найдётся саморегулирующая сила для изменения и развития. Она и есть основание для изменения и преобразования проблемы. Люди отличаются по силе саморегуляции – одни справляются сами, а другие нуждаются в помощи других людей.

Быть самим собой, уникальным и самобытным, но в то же время как все. Это – две линии развития как две стороны медали: автономия и самостоятельность и быть среди других людей, пережить эмпатию, близость и интимность, узнать себя в других людях и найти своё собственное Я.

По Д. Штерну человек рождается одиноким и развивается вопреки этому одиночеству через становление все более развитых контактов с другими людьми. Его интересует эта линия развития. В других теориях, например, в теории М. Малер, большее внимание уделяется развитию независимости, самостоятельности человека. Авторы теорий как значимые выделяют противоположные тенденции в активности ребёнка. Так, М. Малер считает, что нет ничего самостоятельного в ребёнке с момента рождения, он связан с матерью как одно целое. Нет ни Я, ни границ и т. п. Развитие идёт от этой связи к её разрыву и переживанию экзистенциального одиночества.

Д. Штерн считает, что младенец во всех периодах переживает наличие своих границ и границ других людей и предметов. Младенец – это компетентная, помнящая, видящая маленькая личность, которая уже через несколько месяцев после рождения показывает с очевидностью, что у неё есть своё ядро, свой центр. Это с большей или меньшей очевидностью знали всегда все матери, но не всегда могли это доказать другим людям.

Каждое новое переживание о самом себе означает, что ребёнок получает возможность проявлять себя для окружения в новой форме. Самим ребёнком это переживается как появление новой возможности структурирования своего внутреннего мира, в тоже время осуществляющееся развитие заявит о себе видимо для других людей, что приведёт к изменению форм взаимодействия с ними.

Д. Штерн описывает пять различных типов переживаний самого себя как переживаний

самости, которые показывают качественные скачки в её развитии, в течение жизни последовательно появляются следующие виды переживаний:

– растущая самость

(the sense of an emergent self) – существует с рождения;

– ядерная самость

(the sense of a core self) – переживание ядерной самости вместе с другими проявляется в 2–3 месяца;

– интерсубъективная самость

(the sense of an intersubjective self) – проявляется в 8–9 месяцев;

– вербальное самость

(the sense of a verbal self) – проявляется в 15–18 месяцев;

– нарративная самость

(the sense of a narrative self) – в 31 месяц – 2 года (возможность рассказать о себе).

Каждое из этих переживаний основано на специфических ощущениях. Растущая самость имеет основу в самочувствии, ядерная самость – в переживании присутствия другого человека, во взаимосвязи с другими, интерсубъективная самость – в самосознании – понимании себя, вербальная самость основывается на диалоге с другими людьми, нарративная самость основывается на связном рассказе самому себе и другим о самом себе воспоминании. Человек не пребывает в какой-то одной форме переживаний, он постоянно меняет их, наблюдатель видит как у ребёнка новая и уже сформировавшаяся форма переживания начинает присутствовать во взаимоотношениях с другими людьми и с собой. Все типы переживаний присутствуют на протяжении жизни, ни об одном из них нельзя сказать, что оно завершило своё развитие. Вопросы и задания для самопроверки

1. Как Вы можете объяснить, что такое переживание? Приведите примеры Ваших личных переживаний. Докажите, что это именно переживания, а не другие формы существования концепции Я в психической реальности.
2. Какое значение для развития человека имеет дифференциация бытия Я на Я и не-Я? Приведите примеры такой дифференциации.
3. Как во взаимодействии людей проявляется наличие психологического пространства и психологической дистанции?
4. Приведите бытовые примеры концепций Другого Человека. Объясните, как содержание этих концепции Другого Человека влияет на бытие в Я.
5. Почему надо изучать строение самосознания как бытие в Я?
6. Что такое историческое время? Как оно представлено в психической реальности человека?
7. Какие изменчивые и относительно устойчивые свойства есть в психической реальности человека?
8. Что такое инсайт? Как он переживается человеком?

9. Что такое самость по Д. Штерну?

10. Какое значение для понимания строения психической реальности имеют идеи Д. Штерна о психическом развитии как процессе длиной в человеческую жизнь?

Глава 3

Психическая реальность и картина мира

С любимыми не расставайтесь!

С любимыми не расставайтесь!

С любимыми не расставайтесь!

Всею кровью прорастайте в них, —

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

Когда уходите на миг!

А. Кочетков из стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне».

– Мы наш, мы новый мир построим...

(Слова из песни).

– То ли ещё будет, то ли ещё будет,

то ли ещё будет ой-ой-ой...

(Слова из песни).

Ключевые понятия: структура психической реальности, устойчивые и изменчивые свойства,

картина мира, свойства психической реальности.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать свойства психической реальности: обратимость, опосредованность;

уметь фиксировать свойства психической реальности в фактах жизни человека;

владеть

рефлексией на свою психическую реальность

Вопрос о месте психической реальности в картине мира в истории науки не теряет своего значения.

Актуальность этого вопроса в истории психологии связана со множеством теорий и гипотез. Обычно их пытаются группировать и классифицировать по разным признакам в биогенетические и социогенетические подходы.

Биогенетические предполагают исследование свойств психического как природных, присущих организму человека функций: меняется во времени организм – меняются и его функции, что естественно. Социогенетические подходы рассматривают психическое как производное от социальных условий жизни человека, то есть от внешних по отношению к организму факторов. Соответственно, свойства психического зависят от изменения свойств этих социальных условий.

Для нашего рассуждения важно, что попытки выделить специфические свойства психической реальности предпринимались и предпринимаются в истории психологии постоянно. Не стремясь утомить читателя перечислением множества научных школ и авторов, обращавшихся к этим проблемам, отмечу, что так или иначе (на разном конкретном материале) многие авторы приходят к констатации того факта, что в психической реальности человека есть

устойчивые, относительно устойчивые и изменчивые

параметры.

Со времен Гиппократов известно, например, об устойчивости темперамента; а сколько страниц (уже в XX в.) посвящено неизменности качеств характера и Юнгом, и Левитовым, и Адлером, и Маслоу, и Платоновым. Достаточно взять любую книгу о способностях человека (Н. Лейтес, Э. А. Голубева, Айзенк, Анастаси и другие), и опять в ней – выделение устойчивых и изменчивых компонентов удивительной продуктивности людей, обладающих способностями, и трудность в определении устойчивых черт психической реальности, говорящих о наличии самих способностей, особенно так называемых общих способностей, присущих и с: ем людям. Хотелось бы высказать и обосновать предположение о том, что для человека его ориентация на психическую реальность связана с выделением ее главного свойства – обратимости и обобщения его Я-концепции и концепции Другого Человека.

Обратимость – главное и специфическое свойство психической реальности. Это подробно известно благодаря работам Ж. Пиаже[12], о выдающемся вкладе которого в современную возрастную психологию написано много, но, думаю, все равно этого недостаточно для того, чтобы оценить в полной мере значение его работ. Итак, обратимость как свойство психической реальности в картине мира человека задает это качество, которое метафорически хотелось бы сравнить с размером этой картины, соотносимостью этого размера человеком с самим собой, с наличием себя и своей позиции.

Попробую рассказать то, что поняла сама и считаю важным местом в рассуждениях Пиаже.

Развитие, то есть качественное изменение любой системы во времени (а психическую реальность, как и любой предмет, можно представить в виде системы), происходит не только во времени, но и в пространстве. За счет этого процесс развития может достигнуть своего предела как предела изменения системы. В момент, связанный с достижением этого предела, наступает равновесие в состоянии системы, она как бы на время находится в состоянии относительного покоя, в ней нет очевидного движения – изменений.

Естественно, что все свойства системы (психической реальности) в этот момент изменяются таким образом, что в них происходят качественные преобразования, необходимые для дальнейшего изменения системы. Так как в это время потенциал изменения системы исчерпан, начинаются изменения в ее структуре, то есть начинается преобразование внутри системы за счет движения в ранее устойчивых элементах структуры. Функция, то есть назначение системы (психической реальности), сохраняется, она живет, но жизнь осуществляется уже за счет других механизмов, связанных со структурными преобразованиями в системе.

Необходимо добавить, что существует предел структурных преобразований системы, связанный с выполнением его основных функций, того, что Ж. Пиаже называет связью с «морфогенетическими свойствами самой жизни», со «специфической адаптацией» – безграничной и уравновешенной.

Для нашего рассуждения важно, что понятие обратимости, введенное Пиаже, позволяет обсуждать параметры пространства психической реальности как данность, как факт, а не только как метафору, соотносимую с метафорическим же содержанием картины мира.

Пространство психической реальности задается пределом ее изменчивости. Вспомните из личного опыта свои переживания: «Больше не могу», «Лучше уже не получается», «Ничего здесь не понимаю», «Об этом можно говорить без конца», «Это нельзя терпеть» и тому подобное. Эти очень близко обнаруживаемые в опыте каждого человека переживания помогают почувствовать наличие предела у различных качеств психической реальности. Для одних качеств этот предел кажется бесконечным, например, для желаний («Я хочу»), для других весьма реально ограничен, так, о своих возможностях можно сказать весьма конкретно: «Я могу то, что я могу» или раздвинуть эту границу: «Я сам не знаю, на что я еще способен, я еще такое выкину».

Структурные изменения в своей психической реальности мы тоже можем заметить сами: «Надо все записывать – ничего так не помню, не то, что раньше», «Я теперь все по-другому воспринимаю, более остро», «Тогда я поняла, что уже никогда не смогу открыто выразить свои чувства» и тому подобное,

Существование различных качественно отличающихся отрезков времени в психической реальности может отметить как сам человек, так и наблюдатель. Так, мы можем сказать: «С того момента вся моя жизнь изменилась», «Я больше не мог никогда заставить себя делать это», «С этого времени я стал более черствым», «Я тогда словно потерял чувствительность к боли», «Я с тех пор перестала сопротивляться жизни» и т. д.

Другими словами, обратимость как важнейшее свойство психической реальности дает возможность человеку жить не только в актуальном настоящем времени, но и в прошлом, преобразованном в свете настоящего и будущего. Прошлые (события жизни человека), пережитый опыт не уходят из психической реальности и не остаются в ней без изменения, а за счет вариантов изменений, соответствующих его свойствам, именно его свойствам (например, свойствам произвольной памяти или свойствам аффекта), то есть «мобильной композиции», обеспечивают стабильность психической реальности. Это делает их

узнаваемыми друг для друга и для самих себя. Становится не так уж важно, что я делаю, важно, что делаю Я. Благодаря обратимости человеческая психическая реальность может не только изменяться, качественно преобразовываться, но и сохранять свои свойства, возникшие в результате изменения, поэтому индивидуальность каждого человека обеспечивается (с этой точки зрения) «морфогенетическими свойствами самой жизни», хочется добавить – его, человека, жизни.

Какая она – жизнь? Какие у нее эти «морфогенетические свойства»?

Эти вопросы легче задать, чем на них ответить. Думаю, что данный текст и не предполагает необходимости дать абсолютно полный ответ на этот вопрос. Для дальнейшего анализа важно то обстоятельство, что через свойство психической реальности – обратимость – у человека есть возможность создавать картину мира и переживать этот процесс отдельно от его результата – содержания и формы созданной им картины.

Говоря иначе, можно быть в мире и не принадлежать ему, существование организма еще не гарантирует человеку появления картины мира, для этого он должен проявить особую активность, активность, аналогов которой нет в органическом мире. Пока обозначим ее как активность по построению Я-концепции, конкретизирующую для самого человека его же собственную сущность. Это варианты ответа на вечный вопрос: «Кто Я? Зачем Я?» Ответить на него можно в контексте более широких вопросов: «В чем сущность человека? Зачем живут люди?»

Обращенность на Я – особая форма обратимости, обеспечивающая устойчивость качеств психической реальности, Остается только разобраться, что входит в Я человека, а это значит еще и еще раз вернуться ко всей истории мировой философской и психологической мысли. Есть блестящие научные тексты, которые позволяют читателю это делать самостоятельно.

Я же, ориентируясь на право автора представлять в тексте свою позицию, воспользуюсь им в полной мере.

По-моему, возрастная психология пытается изучать те изменения, которые происходят в психической реальности, ориентируясь как на главный вектор направления изменения – физическое время жизни человека. Именно отрезками физического времени фиксируются фазы существенных изменений, создающих основу для постоянных качеств психической реальности. Хотя и осознается относительная неточность границ этих фаз, но они широко используются для понимания закономерностей индивидуальной жизни человека с точки зрения других людей. Хотелось бы, чтобы читатель обратил внимание на этот момент. Одним важно знать, сколько ребенку лет, чтобы за него верно платили в транспорте, другим важно знать, сколько ребенку лет, чтобы его приняли в спортивную секцию, чтобы он отвечал за себя сам перед судом, чтобы он нес ответственность по закону, чтобы он принял участие в выборах, чтобы он получил водительские права, чтобы...

Через отношение других людей физическое время жизни становится содержанием – человека, регулирующим его место в системе отношений, определяющим границы этого места.

Хотелось бы высказать предположение, что это одно из образований в психической реальности человека, которое констатирует ее обратимость как предмета. Переживание своего возраста как физического времени жизни, которое значимо с точки зрения других людей, задает (в известной степени) предел изменениям. Когда мы будем характеризовать различные возраста человека, то убедимся в этом на конкретных фактах.

Особенность этого переживания – своего места в системе человеческих отношений – состоит еще и в том, что оно ориентирует каждого из нас в наших правах и обязанностях, регулирующих (как социальные нормы) движения человека в самих этих отношениях.

Другими словами, определение (через переживание возраста) места в системе отношений с другими людьми приводит человека к необходимости «обживать» это место – организовывать и структурировать его, то есть обозначать его (места) наличие. Это и помогает создать права и обязанности, которые позволяют обозначить наличие самого места и его качественное своеобразие по сравнению с другими, Права каждого человека, провозглашенные в настоящее время всемирно известной Декларацией прав человека, признают (с этой точки зрения) наличие для каждого человека необходимого ему жизненного пространства, в котором будет организована не только жизнь его организма, но и его психическая реальность. Говоря метафорическим языком, права указывают на необходимость для каждого человека иметь дом для души, или иначе – почву для роста.

Обязанности наполняют этот дом содержанием, и как все люди, каждый человек обязан обставить свой дом тем, что объединяет его с родом человеческим, чтобы самому быть человеком. И если его дом уязвим извне, то внутреннее устройство дома во многом определяется усилиями самого человека, принятие и выполнение обязанностей по устройству дома души обязательно связано с отношением к ним самого человека.

Можно иметь право и не пользоваться им. Если продолжить сравнение, то это похоже на темную комнату в доме. Но быть обязанным и не выполнять обязанности – значит не убирать свой дом, не следить за его сохранностью или делать это чрезмерно. И если нежилая комната сужает жизненное пространство, то неубранный (или стерильный) дом постепенно теряет свое назначение – в нем становится невозможно жить.

Итак, переживания физического возраста с точки зрения другого являются важнейшим моментом, фиксирующим для человека существование границ его психической реальности как особого предмета, как того, что связано со свойствами его организма, но в тоже время к ним не сводится. В начале жизни психическая реальность для ребенка структурируется, организуется другим человеком – взрослым. Он берет на себя осуществление прав и обязанностей ребенка по построению его души – по организации его места (в том числе и физического) в системе человеческих отношений. Уже младенец оказывается, обязан, например, спать по ночам. Он уже, например, имеет право на социальную защиту со стороны государства, специфические свойства психической реальности в ребенке поддерживает и сохраняет взрослый, реагирующий в силу своих возможностей на «морфогенетические свойства самой жизни» в активности ребенка.

Взрослый своим воздействием, основанным на его концепции другого человека, обозначает место ребенка в системе отношений как с собой, так и с другими людьми, так как выступает в начале жизни для ребенка обобщенным персонификатом другого человека, то есть это не просто взрослый человек, а представитель Всех людей.

Итак, обратимость как важнейшее свойство психической реальности можно представить как движение вспять, как возврат к началу, уже ставшему в какой-то момент концом.

Думаю, что примерно так можно еще раз попробовать представить себе это свойство психической реальности и увидеть, что в начале жизни каждого из нас Другой Человек – взрослый во многом определяет это «движение к началу», организуя и направляя активность ребенка (как физическую, так и психическую) через систему разрешений и запретов. Преобразованная взрослым активность возвращается к ребенку в превращенном виде, условно это можно было бы описать примерно так в переживаниях ребенка: «Я хотел, но мне нельзя», «Я чувствовал, но не знал», «Я мог, но не получилось» и тому подобное. Хотелось бы подчеркнуть важный для нашего рассуждения момент, который состоит в том, что взрослый может преобразовать вектор активности ребенка и вернуть ему в новом качестве.

Таким образом, ребенок получает один из важнейших источников переживания ограниченности своей активности, что Ж. Пиаже называл «пределом изменения». К числу

других таких источников можно отнести физическое тело ребенка, предметный мир, в том числе и тело взрослого как предмет. Все эти источники ограничений активности обладают важным свойством, которое хотелось бы назвать физическим термином, – они обладают сопротивлением, предполагающим их плотность, непроницаемость. Именно оно, думается, позволяет развиваться тому содержанию психической реальности, которое мы обозначали как концепцию другого человека, но его можно расширить до концепции другого вообще. Переживание, проживание сопротивления другого позволяет ребенку в процессе жизни провести дифференциацию между Я и не-Я (напомним, что это происходит благодаря взрослому), определить место в пространстве и во времени для этих переживаний.

Присутствие другого в жизни ребенка создает основу для проявления обратимости – активность ребенка возвращается к нему в преобразованном виде и по принципу обратной связи производит изменение в источнике активности – самом ребенке. Причем изменения могут быть как устойчивыми, так и относительно кратковременными.

Несоответствие возрастов ребенка и взрослого как несоответствие их картин мира является феноменологическим фактом порождения пространства психической реальности, заданного обратимостью разных форм активности ребенка.

Каждый из нас знает, что существует какое-то «не могу». Для каждого свое – от невыносимого скрежета ножа по сковородке до телепередачи, а от нее до глубин переживания – «живу не своей жизнью», «ненавижу себя», «не понимаю, что со мной».

Думаю, что эту возможность видеть свое Я и не-Я в каждом из нас в той или иной мере задают свои (мои) другие и чужие (не мои) другие через переживание границы нашего Я и нашей психической реальности.

В начале жизни человека это очень важное событие – встреча с другим человеком, событие, определяющее переживание возраста как одного из свойств психического.

Думаю, что в известном смысле можно сказать, что на бытовом уровне возрастная психология существует как переживание людей по поводу воздействия на них других лиц, так как именно эти переживания, как хотелось кратко показать, задают самому человеку роль и место психической реальности в картине мира.

Итак, что такое возрастная психология?

Ответов пока получилось несколько.

Это наука о фактах и закономерностях психического развития нормального здорового человека.

Это концепция другого человека, которая есть у каждого человека, живущего среди людей.

Это отношения между людьми разного возраста, которые позволяют каждому человеку переживать наличие своего места в системе отношений, то есть наличие дома для своей души.

Это попытки измерить изменения в жизни человека единицами времени.

Это естественный ход биологических часов, который осознается благодаря другим людям самим человеком.

Это проекция личного развития исследователя на понимание им закономерностей изучаемой жизни.

Труд ученого связан с осознанием им средств своего же собственного мышления, он строит

понятийную картину мира. Обыватель может при этом руководствоваться не только понятийным мышлением, но и чувствами. Поэтому, узнав одно и то же, они не всегда могут понять друг друга. Тогда появляются особые задачи применения научного знания, это то новое в отношениях людей, которое появилось в наше время и существует сегодня, например как практическая психология. Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое наука?
2. Какие понятия используют ученые для описания своей науки?
3. Кто такой ученый?
4. Что такое позиция исследователя?
5. Что такое предмет науки?
6. Что такое метод исследования?
7. Что такое методика исследования?
8. Почему можно описать и исследовать строение психической реальности?
9. Что такое картина мира? Как её можно исследовать?

Глава 4

В которой кое-что о прогрессе

- Банально, но всё течёт, всё изменяется...
- Ты хочешь сказать, что всё развивается...
- Что-то я сомневаюсь, что всё и развивается...

Вот ты, например, стареешь...

(Из бытовых разговоров)

Ключевые слова: организованное общество, идея, идеология, знак, истина, концепция жизни и смерти, Я-концепция, концепция Другого Человека

В результате изучения данной главы студенты должны:

- знать о смыслах научных исследований и поиске истины;
- уметь анализировать превращённые формы сознания;
- владеть понятием знака и значения.

В этой главе хотелось бы остановиться на зависимости индивидуальной судьбы человека, его индивидуальной, частной жизни от идеологии, пронизывающей конкретное время

пребывания человека на земле.

Идеология? Да. Что это такое – идеология? В поисках ответа на эти вопросы пересмотрела работы множества авторов и поняла, что все надо начинать как бы с начала, то есть с возникновения человечества, с появления организованной его общности. Именно в природе организованности общества надо, видимо, искать истоки идеологии как системы взглядов, обеспечивающих совместные действия людей, системы идей, а потом и конкретных норм и правил (ритуалов, обрядов, обычаев, законов), которые организуют в одном направлении усилия людей.

Идея, мысль облекается в слова, в словесные формулы, которые становятся основанием для построения новых формул, слова лишаются их бытийного источника, и у них появляется возможность жить своей собственной жизнью – жизнью знаков, опосредующих отношения между людьми. Знак приобретает значение символа, фиксирующего принадлежность к общности. Об этом писали Дж. Оруэлл и Е. Замятин, увидев в идеологии ее настоящее лицо – искусственно-знаковое, ограничивающее (и убивающее) живую жизнь.

У идеологии есть еще одно важное свойство – возникнув, она воспроизводит себя во времени все в более жесткой, структурированной форме, как сейчас модно говорить, бюрократизируется. Достаточно в этом плане вспомнить знаменитые законы Паркинсона.

В то же время для сохранения идеологии нужна определенная как интеллектуальная, так и физическая сила. Для индивидуального человека возникает проблема принятия идеологии. Описанный выше герой репортажа избежал общей (для многих) идеологии, он – носитель своей собственной, таким образом, он как бы не принадлежит общности. Но без существования структурированной общности людей сегодня (и особенно сегодня!) невозможно решить многие глобальные проблемы человечества – разоружение, экология, голод, терроризм и другие. Появляется задача создания планетарной идеологии – системы взглядов, объединяющих для решения этих проблем людей всей планеты. В то же время любые ограниченные общности людей могут быть объединены идеологией, по содержанию противоречащей или исключающей существование других мыслей, других идей. Примеры этого можно видеть в корпоративных интересах разных социальных групп, в сектантстве, религиозном фанатизме, нигилизме и других проявлениях,

Идеология выполняет важную психологическую функцию – она помогает человеку осознать его принадлежность к какой-то общности, конкретизирует его чувство «мы». При этом общность, к которой можно принадлежать, не будет какой-то иллюзорной, она вполне конкретна, что дает человеку ощущение силы, энергии, как бы пополняет резервы его индивидуальной жизни. Это важная психологическая особенность переживания человеком своей принадлежности к структурированной общности. Как известно из социальной психологии, именно в такой общности возрастает роль лидера (или лидеров), который не только вырабатывает идеологию, но и претворяет ее в конкретные действия. За идеологией всегда стоит персона, ее воплощающая, – идеолог, не только разработчик, но и деятель – лицо, принимающее решения о воплощении идей в действия.

Думается, что идеолог (и идеология) выполняет важную социально-психологическую функцию – обеспечивает целостность сознания. Пусть на время, пусть в жесткой форме, но это дает возможность человеку (и обществу) на данное время выделить существование сознания и отнести к нему.

Прислушаемся к К. Г. Юнгу: «Сознание является недавним приобретением природы, все еще находится в экспериментальном состоянии. Оно хрупко, подвержено определенным опасностям и легко уязвимо... Мы также можем подвергаться диссоциации и терять свою целостность...

Без сомнения, даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло достаточной степени единства... Таким образом, даже в наши дни единство познания является все еще сомнительным: оно легко может быть нарушено. Способность контролировать свои эмоции может быть очень желательной с одной точки зрения, с другой же – это будет весьма сомнительным достижением, потому что оно будет лишать социальное общение разнообразия, цвета, теплоты»[13].

Приобретая за счет принятия идеологии целостность (пусть кажущуюся, пусть на время) сознания, человек обретает и особый критерий истины. Истиной становится все, что соответствует идеологии, а, следовательно, все остальное расценивается как ложь. Проблема истинного и кажущегося бытия исчезает в содержании идеологии, так как нет необходимости анализировать происхождение содержания сознания – оно дано в готовом виде. Если такая ситуация развивается в индивидуальной жизни человека, то при встрече с реальным бытием он может пережить глубочайшую трагедию – трагедию разрушения собственного сознания, что, например, происходило с советскими людьми, впервые попавшими на Запад. Реальное бытие с его техникой, сервисом, промышленными достижениями, налаженным бытом воспринималось как кажущееся, сознание отказывалось от своей функции отражения, человека захлестывали чувства.

Неидеологизированного сознания, я думаю, не бывает. Не бывает уже потому, что для сохранения его целостности человек создает сам для себя концепцию жизни – практическую философию (о чем говорилось выше) и целостную же картину мира. Это необходимые условия для существования его Я. Другое дело, что степень идеологизации сознания определяется силой Я человека. Недаром явления конформизма (следование Другим) обсуждаются как одна из важнейших проблем развития и сохранения сознания. Сила Я человека проявляется в его способности удерживать переживание несоответствия мира реального и мира кажущегося, то есть удерживать различие между «так есть на самом деле» и «мне так кажется, я так думаю». Это ориентация в двух реальностях – бытия «мира» и бытия собственного Я, она доступна только сильным как служение истине.

По жизненным наблюдениям, к сожалению, нужно делать вывод о том, что это удастся немногим людям.

Сознание человека в обществе идеологизируется специальными средствами, среди них большое место занимают средства массовой информации, использующие общие для всех слова. Употребление человеком этих слов приводит к тому явлению, о котором Х. Ортега-и-Гассет говорил как о превращении неповторимой личности в социальную машину [14].

Это одна из трагедий человека, связанная с возможной потерей своей индивидуальности в социальной, идеологизированной среде, которая не только разрушает чувство реальности его Я, но и приводит к появлению форм псевдожизни, которые выглядят как следование другому.

Именно в псевдожизни критерием ее истинности становится Другой Человек, собственное же Я с его чувственной основой загоняется в глубины бессознательного или подавляется волей. Свобода не нужна, Я отказывается от нее.

Но свойство Я таково, что его нельзя уничтожить до момента смерти человека, даже в псевдожизни оно сохраняет свои свойства, пусть в превращенном виде, но оно выполняет свою главную задачу проекции бытия. Я – не материально и не духовно, оно вообще не предмет, оно и есть эта задача, проекция бытия. Наше – в каждый данный момент – это то, что согласно нашему чувству «должно быть» в следующий момент и позже, хоть какое-то время. Я поддерживает в человеке чувство его же собственной реальности, то, что выражено в полноте утверждения: Я есть Я.

В какую идею воплощает человек это чувство, соответствует ли эта идея его Я? Это вопрос об отношении идеологии и Я, о возможности тождества Я и Мы. В кризисные периоды жизни (о них речь еще впереди) эта возможность переживается особенно остро и требует действий по сохранению Я.

Думаю, что поэтому со страниц психологической литературы во второй половине XX в. – начале XXI века все громче стала звучать мысль о том, что надо как можно больше знать об отдельном человеческом существе, так как именно он является единственной реальностью. Таким образом, идеология как форма осознания общности человека с другими людьми создает для его души, для его индивидуального Я дом, в котором можно укрыться от противоречий бытия, в том числе и бытия собственного Я.

Этот дом может иметь как конкретное физическое – географическое воплощение в виде адреса, места, так и в состоянии человека. Так, внутренняя эмиграция – одно из распространенных явлений дня сегодняшнего, когда большое количество людей отказываются в разных формах от участия в общественной жизни. Они словно поменяли свое место жительства, безучастно относясь к выборам, сбору подписей и другим формам гражданской активности. Сохранению их дома тоже способствует идеология – их идеология, дающая материал для осознания своей индивидуальности.

Я человека, являясь задачей проекции бытия, само имеет сложную структуру, обладающую не только сиюминутной выраженностью, представленной в ясности сознания. Кроме сознательного уровня на Я влияют глубины бессознательного – личного и коллективного, которые вносят противоречия и конфликты в целостность Я, вызывая к его динамизации и переструктурированию.

Как откликнется человек на этот зов, сумеет ли его попятить? Весь трагический опыт человеческой истории XX в. и начала XXI в. говорит о том, что нет, нет, нет – не может, не умеет, не понимает. Рационализированное мышление, рационализированное сознание не в состоянии справиться с языком символов, на котором говорит бессознательное, часто задолго предупреждая человека о возможной опасности его же полного исчезновения или разрушения. Человек перестал верить своей интуиции, транслирующей содержание бессознательного, сознание теперь лишь поверхностно отражает бытие Я.

«В ранние века, когда в психике человека возникали инстинктивные понятия, его сознание, не сомневаясь, связывало их в логическую последовательную психическую структуру, Но «цивилизованные» люди больше не в состоянии делать это, Их «продвинутое» сознание лишило себя всех средств, с помощью которых оно может ассимилировать вспомогательный вклад инстинктов и бессознательного. Этими органами ассимиляции и интеграции были божественные символы, которые по всеобщему согласию считались святыми...

По мере роста научного понимания мир становится дегуманизированным. Человек чувствует себя изолированным в космосе, потому что он не является больше частью природы и потерял эмоциональную «неосознанную тождественность» с природными феноменами» – писал К. Г. Юнг[15].

Одной из важнейших характеристик сознания современного человека становится его простота, линейность, пространственность плоскости, где все сводится к существованию слов – понятных, повторяемых, узнаваемых. Овладение словом, произнесение слов стало признаком сознания, а умение говорить – одним из показателей его развития. Магия слов заключается в том, что они на время позволяют человеку приблизиться к идее (или идеям), которая сделает его жизнь целостной. Бесспорна полезность, причем эмпирическая, практическая полезность таких идей – они помогают ему ощутить себя, свое присутствие и индивидуальность, а значит, определить смысл своей жизни, в конечном счете помогают найти свое место в мире.

Эти идеи помогают человеку обрести целостность. Важно, чтобы они были приняты, стали содержанием сознания, задающим такую целостность.

В психологии принято называть такие идеи мифами, так как в отличие от других идей мифы обладают большой энергетической мощностью, аккумулируют в себе очень сильный заряд психической энергии. Миф придает человеку уверенность, оптимизм, вселяет радость, он помогает ему переносить лишения и выносить невероятные испытания, так как наполняет жизнь смыслом. Но человек может быть раздавлен, если в разгар своих испытаний и неудач он понимает, что миф был не более чем сказкой, рассказанной злым человеком, то есть пустым словом, лишенным всякого содержания в его жизни. Это трагедия – печаль, растерянность, апатия.

Современный человек, живущий в начале XXI в., так же мало знаком со свойствами своей психики, как и наши менее просвещенные предки. Своей психике сам он часто и открыто не доверяет и ни во что ее не ставит, Исследователи психики часто озабочены практической выгодой, а не полученными результатами, потому сложилось отношение к психике, говоря словами К. Г. Юнга, как к свалке для нравственных отбросов. Но смысл жизни не может быть исчерпывающе объяснен чье-то деловой жизнью, точно так же, как невозможно отметить на глубокую страсть человеческой души банковским счетом.

Анализ изменений в психике людей XX в. и XXI века проводимый антропологами, философами, психологами, показывает, что существенным является возрастание и сохранение инфантилизма.

В то же время современный человек остро осознает, что ни его великие религии, ни его различные философские системы не способны обогатить его такими идеями, которые могли бы обеспечить чувство защищенности, в котором люди так нуждаются перед лицом нынешнего состояния мира. Это особенно остро чувствуется, когда ежедневно наблюдаешь страх или томление людей перед необходимостью изменить что-то в своей жизни.

Ожидание этих изменений, инфантильный уход от необходимости спланировать свою жизнь хотя бы на короткое время, найти цель и осуществить свой собственный, желаемое, нужное себе, усилие, выливается и стремление следовать за кем угодно и куда угодно, лишь бы не заниматься движением к собственному Я. Примеров этому так много, что я объединю их все в одной фразе, часто повторяемой в разных вариантах: «Разве от этого что-нибудь изменится?» Под «что-нибудь» может подразумеваться все: усилие, слово, действие, чувство – любое проявление жизни. Недоверие к ней, к возможности ее изменения настолько ярко отражает незрелость сознания, его нетождественность самому себе, его зависимость от обязательного воздействия извне, что остается впечатление чуть ли не всеобщего ожидания чуда от появления кого-то, кто будет заниматься изменением индивидуального сознания.

Рост числа всевозможных пастырей и проповедников, знахарок и колдунов, сертифицированных (неизвестно где и кем) специалистов по воздействию на сознание, стремительное падение авторитета научного знания, самой проблематики истины – это болезнь нашего времени, лишившего человека целостности сознания и предлагающего взамен ее персону, якобы воплощающую в себе эту целостность.

Если в онтогенезе, на ранних его стадиях, встреча с другим позволяет человеку выделить существование свойств психической реальности, то в истории общества, в истории человеческих общностей это приводит почти к обратному – к исчезновению возможности реагирования на эти свойства. Невозможность договориться о разрешении конфликтов, сам факт существования многочисленных конфликтов в отношениях между группами людей разной численности и разной степени общности не только повергает в отчаяние, но и заставляет задумываться о том, почему они не решаются разумным (когнитивным) путем, почему в них всегда применяется сила или применением силы потенциально угрожают.

Потеря целостности сознания, появление в психике человека относительно не связанных между собой модальностей – групп качеств, объединенных внутри себя одним признаком, – привела к тому, что сегодня мы можем наблюдать эти тенденции дезинтеграции психики во множестве проявлений: от массовой потери материнских и отцовских чувств по отношению к своим детям до полного разрыва всех видов эмоциональных и интеллектуальных связей между поколениями, от роста тяжких преступлений среди взрослых до появления малолетних наемных убийц.

Дезинтегрированность психики выражается и в большем числе косвенных признаков, заявляющих о потере Я его главной интеграционной особенности – его собственной тайны, связанной со стыдом и понятием греха, с механизмом сохранения основ нравственных переживаний – достоинства, чести. Перечислю только несколько таких признаков: культивирование насилия в разрешении конфликтов; обесценивание индивидуальности или, наоборот, подчеркивание ее священности; отношение к человеку, к его деятельности как к предмету купли-продажи; декларация свободы без обеспечения ее прав и тому подобное.

Естественно, на общем фоне дезинтегрированности можно наблюдать существование отдельных людей, которые чувствуют себя на своем месте, ощущают свою силу и необходимость для жизни, обладают развитой Я-концепцией, где практическая философия жизни предполагает жизнеутверждение, благоговение перед жизнью. Таких людей очень мало, их интегрированность, цельность, если хотите, душевное здоровье, продуктивность далеко не всегда воспринимаются окружающими как значимое человеческое свойство. Недаром сегодня проблема здоровья воспринимается не только как личная, индивидуальная проблема, но и как проблема социальная, особенно когда речь идет о качествах лиц, принимающих ответственные решения. Слова об их личных амбициях, о состоянии, в котором принимаются решения, а в конечном итоге – об интегрированности или дезинтегрированности их психики не являются пустыми. Этот дезинтегрированный или интегрированный другой может оказаться (и оказывается) тем конкретным лицом, которое принесет неисчислимые страдания миллионам людей.

Из тех психологических образований, которые обеспечивают интегрированность психики, можно выделить несколько, на мой взгляд, самых важных:

- идеи о собственном происхождении и происхождении человечества;
- идеи о цели и смысле своей жизни и жизни людей вообще;
- идеи о возможности воздействовать на свою жизнь и жизнь других людей;
- идеи об общности себя с другими людьми и об уникальности своего Я.

Думаю, что степень абстрактности этих идей будет влиять и на их возможную конкретизацию в переживаниях. Опыт работы с людьми разных возрастов показывает, что пока одна (или несколько) из указанных идей является слишком конкретной, сведенной к выполнению ряда действий или к фиксации на одном или нескольких переживаниях, продуктивность человека в решении жизненных задач резко снижается. Он фактически становится обреченным на воспроизведение одной и той же формы своих качеств, например, в виде социальной роли «строгой учительницы», «заботливой мамы», «карающего отца», «руководителя» и тому подобное. Это не только путь к дальнейшей дезинтеграции своей психики, это путь и к психологической смерти, так как он связан с практическим игнорированием других качеств своей же психической реальности.

По моему мнению, наличие этих идей в разной форме представлено в попытках описать многообразие человеческих характеров и соотнести их с пониманием человеческой природы вообще. Остановлюсь на классификации характеров, принадлежащей Э. Фромму. Он говорит об ориентации человека как проявлении его характера, признавая, что характер

обуславливает активность (поведение), а черты характера конструируют силы, которые личность может совершенно не осознавать. «Ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, определяют суть его характера, характер можно определить как (относительно перманентную) форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации»[16]. Ассимиляция – это освоение вещей, социализация – отношение с людьми и с самим собой.

Энергия проводится в форме характера, поступки непосредственно выражают характер, «Систему характера, – считает Фромм, – можно считать заместителем системы инстинктов у животного. Формирование индивидуального характера определяется

столкновением экзистенциальных переживаний, индивидуальных переживаний и тех, что обусловлены культурой, с темпераментом и физической конституцией индивида» (курсив мой –

Г. А.). Думаю, что эти экзистенциальные переживания всегда связаны с тенденцией психической реальности к интеграции и выступают для человека как освоение соответствующих идей происхождения жизни, смысла жизни, возможности воздействовать на нее и своей общности с другими людьми. В любом случае, по моему мнению, эти экзистенциальные идеи связаны с переживанием присутствия другого человека и его воздействия.

Остановлюсь на позитивных и негативных, с точки зрения Э. Фромма, сторонах различных видов ориентации.

Таблица 4

Рецептивная ориентация (берущая)

Подчеркнутые качества позволяют говорить о том, что этот тип ориентации предполагает выделение психической реальности своей и другого человека и необходимости использовать ее специфические качества, не тождественные качествам других видов реальностей. Это естественно ставит вопросы о понимании специфики качеств психической реальности, об их развитии. Такая ориентация построена на выделении самой реальности человеческих отношений, существующих в настоящее время для человека, и, в известной степени, позволяет ему не только мечтать о золотом веке, но и находить возможности своего счастья в настоящем. Похоже, что в современном обществе эта ориентация является преобладающей, недаром так велико доверие к «экспертам» и к общественному мнению – очень высоко.

Этой абсолютизацией права «профессионалов» принимать решения и осуществлять их непрофессионал скрыто или явно обесценивается как человек, несущий в себе другую концепцию жизни, другую практическую философию, ему как бы приписывается отсутствие способности разумно и активно действовать в своей же собственной жизни.

Мне бы не хотелось давать какую-то однозначную оценку любому типу ориентации. Они интересуют меня только как возможность интегрирования для человека своего Я, своей психической реальности. Именно с этой точки зрения рецептивная ориентация представляет большой интерес, так как ее, по мнению Э. Фромма, можно обнаружить в обществах, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую. Если вспомнить, что прошло чуть больше ста лет с тех пор как на территории нашей Родины отменили крепостное право, то вопрос о происхождении инфантильной рецептивной ориентации можно рассматривать и конкретно-исторически: «Вот приедет барин, барин нас рассудит...»

Готовность к анализу психической реальности, открытость к восприятию средств этого анализа, экзистенциальная незащищенность, по-моему, присущи в полной мере людям с рецептивной ориентацией в нашей стране; миллионы обманутых вкладчиков всех финансовых компаний, это они – доверчивые и не реалистичные.

Таблица 5

Эксплуататорская ориентация (овладевающая)

Свободный рынок XVIII–XIX вв. взрастил этот тип людей. Они провозгласили право силы и рационализировали его указанием на закон природы заставляющий выживать сильнейшего, любовь и порядочность были названы слабостью, размышление – занятием трусов и дегенератов.

Эксплуататорская ориентация, как никакая другая, несет очень конкретные экзистенциальные идеи, которые придают ей необходимую энергию и силу. Их можно достаточно точно, по-моему, вычленить и сформулировать примерно так:

- Человек – это разумное животное. Кто сильнее, тот и умнее;
- Смысл жизни – в выживании любой ценой.
- Другие – это не Я, с ними можно делать то, что «Я хочу»,
- Другие не могут помешать мне делать то, что Я хочу.

Обесценивание другого человека, восприятие его только по принципу полезности скрывает для лиц с эксплуататорской ориентацией их собственную незначимость для самого же себя, излишне ориентируясь на полезные свойства других, они упускают свои собственные возможности. Пользуясь плодами чужого труда – чужими идеями и предметами, даже чужими чувствами, они не способны быть продуктивными по отношению к собственному Я.

Эксплуататорская ориентация у моих современников проявляется во всех видах авторитарного поведения (от бытового до политического), разрушающего жизнь другого человека (или людей) ради собственных интересов.

Поразительным, по-моему, является тот факт, что лицо с такой ориентацией зачастую воспринимается как необходимое и желанное для разрешения сложной жизненной экономической или политической ситуации. Многие люди склонны перекладывать на него ответственность, хотя их же это лицо просто эксплуатирует. Робкие голоса о том, что такого «барина» не надо, что «не мешайте – и мы сами справимся» слышатся очень редко. Энергичность лица с эксплуататорской ориентацией, его инициативность, результативность его активности производят должное впечатление. Действуя по принципу открытого потребления свойств и качеств других людей, он несет в себе идею полезности их жизни как одну из формообразующих псевдожизни. Эта идея становится основой манипуляции другим человеком, основой воздействия на его психическую реальность. Это звучит даже в родительских текстах; «Ты мне такой (!) не нужен». «Такой» – неуспешный, непослушный, грубый, грязный и пр. Это может быть и открытая манипуляция через угрозу отказа от любви и непосредственное действие – уход, отъезд, помещение в спецучреждение и тому подобное.

Ещё более жестко эксплуататорская (овладевающая) ориентация выступает в области распределения усилий для достижения цели. Усилия эксплуататора при этом всегда

минимальны, но цель или результат оказываются принадлежащими ему – обман, воровство становятся необходимыми на этом пути. Обесцененные другие люди не воспринимаются как ценность и целостность, у них нет лиц – они не-Я, и этого достаточно для принятия решений о воздействии на них.

Думаю, что эта ориентация привнесла в историю человеческих отношений постоянное напряжение в переживании идеи возможного равенства между людьми как одной из экзистенциальных идей. Поиск путей конкретизации этой идеи воплотился в настоящее время в Декларацию прав человека и в Конвенцию о правах ребенка, которые учитываются при принятии конкретных законов разных стран

Таблица 6

Стяжательская ориентация (сберегающая)

Эта ориентация существовала рядом с эксплуататорской в XVIII и XIX вв., она составляла основу уверенности в себе и стабильности жизни для представителей средних классов, давала чувства общности, гордости, укрепляла чувство безопасности. Сегодня эта ориентация у людей присутствует, но она не может реализоваться – нет для этого социальных и экономических условий, вот поэтому у нас отсутствует средний класс.

Нереализуемая стяжательская ориентация приводит к тяжелым последствиям для человека – его Я теряет основу для реального существования, так как нет возможности сохранить добытое и заработанное. Его собственность, в том числе и семья, беззащитны перед стихией экономической и социальной нестабильности, перед расшатыванием и обесцениванием естественных жизненных ценностей – труда, самой жизни, ее высокого назначения. Добытое и заработанное как физическими, так и интеллектуальными усилиями сегодня мгновенно обесценивается хаотическими силами – экономическими и социальными; инфляцией, отсутствием выраженных общенациональных интересов, отсутствием ясной общей концепции индивидуальной жизни и тому подобное. Это приводит к размыванию границ между Я и не-Я, так как человек не видит связи между собственными усилиями и качеством его жизни, внешний мир воспринимается как угроза, а мир Я – как замкнутый, неподвижный, а значит пустой или пустующий. Для его заполнения или поддержания в напряжении нужна внешняя результативность активности – рост Я за счет предметов, которыми оно овладевает.

Современная стяжательская ориентация, если она реализуется, приобретает форму снежного кома, катящегося с горы, то есть перерастает в потребительство и накопительство, стимулируемые рынком.

Для меня эта ориентация представляет очень большой интерес, так как в ней актуальны все основные идеи, интегрирующие психическую реальность, Я человека.

Другое дело, что все они находят свое конкретное воплощение и в конечном счете ведут на этом пути к отстранению человека от свойств собственно психической реальности. Но эти идеи актуальны для стяжательской ориентации, и люди этого типа характера готовы потенциально реагировать на варианты содержания этих идей, что, на мой взгляд, в наших условиях делает их достаточно легкой добычей различных демагогов, произносящих слова о возможном спокойствии и стабильности, без видимой гарантии этих состояний в своей деятельности.

Я бы не хотела делать акцент на значимости какого-то вида ориентации. Их можно выделить

и описать, соотнести с другими качествами людей, которые, компенсируя плюсы и минусы каждой ориентации, позволяют говорить о степени интегрированности сознания человека, принадлежащего к ней.

Итак, стяжательский тип ориентации потенциально готов к интегрированию своей психической реальности через принятие воздействия извне, он больше других социально зависим и больше других беззащитен при возникновении хаоса во внешних условиях жизни. Если этот хаос будет сильным и длительным, то стяжательский тип может просто погибнуть, как погибает улитка, если у нее отнимут домик.

Таблица 7

Рыночная ориентация (обменивающаяся)

Рыночная ориентация, которую описал Э. Фромм, складывается в нашей стране буквально на глазах, ее приход переживается как появление новых требований к твоей частной и профессиональной жизни. Появляется чувство, что вместо осуществления своей жизни нужно еще доказать ее осуществимость и осуществимость для других людей, то есть показать ее так, чтобы она была востребована, чтобы она была нужна и интересна. Тогда элементарно за нее заплатят столько, что не нужно будет считать рубли от зарплаты (которую, может быть, выдадут) до зарплаты (которую ты, может быть, получишь).

Необходимость демонстрации своих качеств ставит многих людей в тупик – надо подать себя при написании заявки на грант, надо подать себя при приеме на работу, надо подать себя при встрече с иностранным коллегой, при работе с потенциальными заказчиками на твои умения и знания. Это оказалось очень сложно, очень многие просто не представляем себе, как это можно вслух, без тени стеснения и сомнения говорить о своих заслугах и достижениях, разве дела не говорят сами о себе? Оказалось, что нет, надо точно знать цену своего дела, чтобы оно не осталось без внимания Других Людей.

Так стала осознаваться личная ценность хорошей рекламы, надежной репутации, а не только личных симпатий, знаний, таланта. Стала жизненно важной самопрезентация как «упаковка», причем «упаковка», пользующаяся спросом. Для многих из людей эта переориентация произошла стремительно и не очень болезненно, для других затянулась в мучительную необходимость соответствовать безликому спросу, а не своим творческим возможностям, не самому себе (даже не истине), а именно спросу. Самый близкий пример:

– Вы принесли рукопись научной работы? Извините, у нас сейчас спрос только на популярные издания, приходите позже (может случиться и так, что это «позже» будет равно никогда –

Г. А.)

Эту ситуацию можно довести до абсурда и представить себе лавину популярной литературы вместо научной или миллионы проектов вечного двигателя (если на них будет спрос) и... ни одного гения (если на них не будет спроса) ни в одной сфере деятельности. Но это абсурд, а пока... Пока в жизни нашей страны наблюдается рождение характеров рыночной ориентации.

Умение чувствовать конъюнктуру, особенно определяемую властью предержащими,

обеспечивало человеку возможность отказа от чувства реальности собственного Я, от необходимости заниматься его интегрированием, то есть решением экзистенциальных проблем. Все было просто и ясно – цены известны, стабильны, заказы сформулированы, соответствие с ними обеспечивало покой, сытость, защищенность.

Думаю, что описываемое Э. Фроммом содержание рыночной ориентации у людей в нашей стране только начинает складываться, и мы осознаем ее появление в виде, в первую очередь, изменения эмоциональных отношений между людьми[17]. Они становятся менее теплыми, менее дружественными, открытыми. Это чувствуют многие и пытаются обсуждать как личную и социальную проблему. Кроме того, появление рыночной ориентации остро поставило перед многими людьми проблему надежности (честности, искренности) другого человека, проблему осознания оснований отношений с другими людьми.

Время покажет, какой тип рыночной ориентации формируется в нашей стране, в странах бывшего Советского Союза. Мне кажется, что он не будет особенно отличаться от того, что описывал Э. Фромм.

В его описании уже сегодня много узнаваемого, словно это картина из бытовой жизни людей, меня окружающих.

Какая же она, рыночная ориентация характера человека?

К описанным выше качествам можно добавить, по мнению Э. Фромма, совершенно особый феномен «личностного рынка», диктующий желательный тип личности. Этот диктат желательного типа до настоящего времени выступает в несколько иной форме – в форме идеала человека, которая существовала как идея, как концепция в общественном сознании и требовала от человека личных усилий по ее конкретизации[18]. Степень конкретности этой идеи обеспечивалась системой общественных запретов и разрешений по осуществлению индивидуальной активности (богатейший материал можно найти об этом, например, в работе Эдуарда Фукса[19]). Думаю, что надо прислушаться к описанию Э. Фроммом «личностного рынка», в нем звучит не только констатация изменений, свидетелем которых он был, но и предостережение, которое можно обратить к нам сегодняшним, пытающимся подражать во всем цивилизованным странам, отказываясь от необходимого анализа пути, по которому они шли или идут,

Итак, рыночная ориентация характера начинается с восприятия себя как товара, а собственной ценности как меновой. На «личностном рынке» принцип оценки меновой ценности такой же, как и на товарном, то есть полезная ценность становится необходимым, но недостаточным условием.

Успех человека зависит не только от его знаний и умений, но и от того, как он сумел их продать. Это существенно влияет на его же самооценку, которая становится зависимой не от собственных способностей человека, а от цены на них. Человеку надо заботиться не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать хорошим товаром. Но мода на «товар», его нужность для других уже не зависят от самого человека, поэтому и его самооценка начинает зависеть от условий внешних, от того, как воспринимают его ценность потенциальные и реальные покупатели. Если изменчивость рынка выступает мерилем ценности человека, чувства собственного достоинства и самоуважения разрушаются, так как у человека не оказывается необходимого психологического материала для интегрирования своей личности, для восприятия себя как автономного и независимого существа, идентичного самому себе.

Самовосприятие человека и восприятие им других, как давно известно из психологии, практически не отличаются. Если различие между людьми воспринимается через их цену на рынке, то их истинная индивидуальность не только не проявляется, не востребуется, но может и не ощущаться человеком как необходимая для его жизни, для его собственной

жизни, Я с его потенциально уникальными качествами становится просто ненужным ни самому человеку, ни другим людям, Он, человек, становится равным другим людям не по принципу ценности его жизни, а по принципу взаимозаменяемости.

Эта ситуация подкрепляется еще и развитием техники, которая нивелирует различия между людьми, ее использующими; унификация многих видов профессиональной деятельности делает людей взаимозаменяемыми, равными не по ценности их индивидуальности, а по ценности их тождественности. «У нас незаменимых нет» – знакомый лозунг, трансформирующийся в условиях «личностного рынка» в другую формулу: «Тебя нет, если на тебя нет спроса». Особенно больно эта ситуация бьет по людям, которые не имеют даже достаточно физических сил, чтобы заявить о своем существовании, – детям, старикам, больным, «личностный рынок» и нашей стране только начинает складываться, и его «дикие» формы буквально оставляют за бортом жизни людей, которые не могут себя продать.

Сегодня широко декларируется и новое содержание понятия равенства людей как равенства перед законом, – думаю, что это одно из проявлений восприятия людей по принципу их тождественности. Возможно, это необходимый момент в становлении правового государства как условие социализации человека – условие сохранения его индивидуальной жизни в быстро меняющихся обстоятельствах современного мира.

Насколько можно ориентироваться в истории самого понятия прогресса человечества, слова о равенстве произносились практически всегда, независимо от представления людей об идеальных принципах общественных отношений как о своеобразных условиях равенства для всех людей. Это принцип золотой середины (Аристотель)[20], принцип счастья и пользы (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм)[21], принцип любви (христианство)[22], принцип императива (Кант)[23], принцип жизни (Ницше)[24], принцип единства (Наторп)[25], принцип солидарности (французские социологи)[26], принцип роста знания (Кант и другие)[27], принцип максимализма – счастья для максимума людей (Дж. Милль, Г. Н. Спенсер, К. Михайловский и другие)[28].

Законы, о которых сегодня так много говорят как об условии осуществления равенства, тоже создаются людьми, которые при их разработке исходят из собственных представлений о человеке и его сущности, об индивидуальности как проявлении этой сущности. Выбор оснований для создания законов не является случайным, а отражает те ориентации, которые присутствуют у его создателей, ориентации в специфической реальности, которую и должны отражать законы – в психологической реальности.

Похоже, что сегодня мы наблюдаем фантастическое явление, которому я не могу дать точного названия, но оно есть, с ним встречаешься практически повседневно – в разговорах с людьми, в текстах радио- и телепередач, в красках и названиях на книжных прилавках, в студенческой аудитории, в купе поезда дальнего следования. Внешне это выглядит в преобладании слова «как?» В виде вопроса и утверждения, просьбы, требования, даже угрозы: «Как стать собой, как стать преуспевающим в бизнесе, как завоевать друзей и оказывать влияние на людей, как стать уверенным в себе, как развить память, как освоить иностранный язык, как сложить печь, построить баню...» И так мало (или кажется, что очень мало) «почему»!

Аналитическую работу отдали (отдают, отдаем) кому-то, пользуясь плодами этого анализа в виде рецептов, правил, приемов с гарантированным результатом – успехом в жизни. Измеряется этот успех...

Вот здесь я бы хотела остановиться и прервать свое категорическое утверждение количественным наблюдением. Из нескольких сотен людей, обращавших ко мне за психологической помощью, лишь немногие (меньше десяти человек) задавали вопрос «Почему?» В лучшем случае он звучал в форме: «Может быть, мы в чем-то виноваты», а

большинство вопросов было о том «Как! Как воздействовать (менять, изменять, переделывать) на другого».

Чем больше я работала (работаю) с людьми, тем больше убеждаюсь в том, что в их сознании преобладает механическая картина психической реальности, где вопросу о сущности человеческой индивидуальности практически нет места. Механичность картины выглядит как предположение о наличии устойчивого механизма, обуславливающего поведение человека во времени, работающего по принципу: сигнал – реакция. Это в который уже раз убеждает в том, что бихевиористы, построив свою схему «стимул – реакция» и положив ее в основу объяснения поведения человека, были ближе всех к построению теории, ожидаемой большинством моих современников.

«Как?» – это просьба об инструкции, с помощью которой можно управлять, манипулировать, в конечном счете – предсказывать качество отношений с другим человеком, гарантировать для себя спокойствие и уверенность. От психологии как науки о человеке не требуют даже попыток аналитической работы (на них нет спроса), требуется рецепт или простое, понятное сразу объяснение, которое легко ложится в схему рецепта, инструкции, правила.

Мне не хотелось бы упрощать историю психологии в XX в., и в начале нового XXI в., но последнее десятилетие ее существования в нашей стране показало, что она очень быстро может превратиться из науки, ориентированной на поиск истины, в сферу деятельности, которая обслуживает задачи манипулирования другим человеком, то есть перестает быть наукой, сливается с бытовым сознанием, растворяется в житейской психологии.

Не берусь судить, хорошо это или плохо, – в конечном счете рассудит история. Но трудно смириться с тем, что кто-то, открывший способ эффективного манипулирования, присваивает себе право на владение истиной и считает результаты собственных манипуляций с человеком показателями развития, отождествляя изменения, вызванные своим присутствием в жизни человека, с качествами самой жизни.

Когда я впервые встретила у Э. Фромма слова о том, что познание человеком самого себя, психология, которая в великой традиции западного мышления считалась условием добродетели, правильной жизни, счастья, выродилась в инструмент для лучшего манипулирования другими и самим собой в рыночных изысканиях, в политической пропаганде, в рекламе и тому подобное, то не почувствовала всей боли, которая звучит в них.

Прошло время, и сегодня, наблюдая за изменением состояния психологии, чувствуя личную ответственность за ее существование, я по-новому прочитала эти строки – в них то, что не могла в момент первого чтения сформулировать сама. Не было у меня для этого опыта жизни в условиях рыночной экономики.

Сегодня этот опыт есть, его вполне достаточно, чтобы сказать о том, что человеку, попадающему в условия «личностного рынка», приходится отказываться от собственного мышления о самом себе, о своей жизни, о своей индивидуальности наконец.

Это увидел и сформулировал в своё время Э. Фромм, но это же самое, только в другой форме, было в нашей стране, когда она называлась Союзом Советских Социалистических Республик. Я точно знаю два проявления такого отказа, они были фактами в моих научных исследованиях времён СССР.

Это – факт нивелирования средств индивидуальности высказывания в письменной речи школьников и факт отсутствия рефлексивного подхода в понимании человека человеком, преобладание оценочного подхода с жестко заданными критериями.

Воспроизводимость этих фактов в массовом обследовании не только огорчала, но и

заставляла думать о том, почему человек отказывается от проявления своей индивидуальности, почему он не замечает (не хочет? не может?) индивидуальности в другом человеке.

Я и сегодня не знаю истинных ответов на эти вопросы, но понимаю неслучайность их появления в данных конкретно-экспериментальных исследованиях. Человеку нужно иметь не только силу собственного Я, переживать ее присутствие, но ему нужны формы воплощения своего Я – те идеи, которые позволяют конкретизировать до бесконечности в интегрированном целом это Я. Это похоже на воплощение замысла: чем он плодотворнее, тем разнообразнее по формам, средствам, способам.

В этом смысле идея о том, что «Я – человек маленький», и идея о том, что «Я – отвечаю за все на свете», открывают перед человеком различные аспекты жизни и своей индивидуальности в ней.

Если в обыденном сознании есть идея о «барине», о необходимости «выполнять и перевыполнять» указания других, идеи «человека-винтика», то они обесценивают сам факт существования психической реальности и необходимость с ним считаться.

Известно, что свойства психической реальности меняются очень медленно, нужно время, измеряемое жизнью поколений, иногда нескольких, чтобы то или иное качество возникло или трансформировалось (у нас еще будет возможность поговорить об историческом характере этих свойств).

Может быть, наиболее мобильным является характер человека – то, что выше было представлено как ориентация человека. Недаром почти всегда говорится о конкретно-историческом типе характера, даже есть для этого жесткие характеристики – современный человек и несовременный. Если воспользоваться ими, то, по-моему, мы все сейчас переживаем (в той или иной форме) или нет эту современность как собственную нужность или ненужность. Различие (самое главное) проходит здесь по линии «нужности для...».

Похоже, что именно здесь, в конкретизации этого «для» и заложены основы существования индивидуальности, интегрированности Я, может быть, даже психического здоровья.

Если это «для» будет заполнено отражением спроса, то уже потенциально будет декларироваться, что Я человека есть «ничто», «пустота», которая может быть заполнена этим спросом. Практически личность при рыночной ориентации должна быть свободна от своего Я, от своей индивидуальности, а значит, от всех видов страданий, с ним связанных, в том числе и страданий совести, стыда, ответственности, необходимости защищать свою честь, иметь и сохранять достоинство, вообще заботиться о существовании своего и чужого Я. Прямым следствием этого является безразличие человека к самому себе.

Основное качественное отличие в современных характерах (сегодняшних) в том, по-моему, что в любой конкретной форме обостренно переживаются экзистенциальные идеи, которые определяют и изменения форм жизненной активности. Это есть и у «новых русских», и у «лиц кавказской национальности», и у детей, торгующих газетами, и у коллеги, впервые в жизни, получившего гранд, и у подростка, принимающего решение о поступлении в гимназию, и у пожилого человека, осмелившегося встать в пикет с самодельным плакатом...

Наблюдая социальную обусловленность форм жизненной активности людей, все больше убеждаюсь в том, что известные мне описания характеров при всей их ограниченности и известной доли условности, помогают систематизировать, а при необходимости и конкретизировать общие тенденции изменения активности, и их индивидуальные варианты.

Уже использованная классификация ориентации Э. Фромма дала возможность увидеть

конкретно-историческую обусловленность тенденций активности, соотнести ее с интеграционными тенденциями в Я человека. Сейчас мне бы хотелось усилить такой момент в собственном рассуждении: любая интеграционная идея (происхождения, цели и смысла, возможности воздействия, общности) предполагает диалогичность сознания, несущего эти идеи. Диалог с другими людьми в вербальной форме или диалог со своим вторым Я, эта диалогичность и является основой жизненности идеи – своего рода защитой от превращения её в фантом, в стереотип, в указание, в наизидание, в одномерное, линейное правило.

Поддерживают эту диалогичность идей естественная связь между поколениями и преемственность культурно-исторического контекста жизни, то самое чувство причастности к делам сегодняшним, та ответственность перед будущим и знание прошлого, которые делают человеческое Я не только потенциально присутствующим, но и осуществляющимся.

Если эта диалогичность нарушается, то каждому поколению не только надо заново изобретать велосипед, но и искать другой источник для сохранения сознания, Один из парадоксов жизни состоит в том, что одно поколение – поколение сверстников – не может сохранить, а тем более развить сознание. Поколению сверстников будет не хватать Мудреца – философа, который может посмотреть на жизнь как бы со стороны, – рефлексивно и отстраненно.

Недаром существуют и существовали возрастные субкультуры, которые приобрели особое значение по мере исторического признания специфики детской психики, её качественного отличия от психики взрослых. Существование субкультур интересно для меня проявлением в них интеграционных тенденций, которые в конечном итоге исчерпывают себя, как проходит период чувствительности организма ребенка к детским инфекциям. Субкультура как бы расходует резервы своей диалогичности. Подробнее о них мы поговорим при описании подросткового и юношеского возрастов.

Мудрец-философ в индивидуальной судьбе человека и в жизни субкультуры выполняет важнейшую задачу – задачу развития честного мышления, ориентирующего человека в жизни его Я и в мире бытия, открывающего существование необходимости различать жизнь и псевдожизнь для сохранения самого главного в феномене человека – честного мышления. Мудреца-философа нельзя заменить никем, он и есть то самое Я, которое есть Я. Можно сыграть его роль, только как актер не равен своему герою, так и играющий роль мудреца будет не равен ему в проявлениях своего Я. Мудрецы не принадлежат ни одной субкультуре, они принадлежат всем. Таким был Мераб Константинович Мамардашвили, имевший право и смелость сказать: «...я буду против народа»[29].

Мудрец-философ персонифицирует обобщенный идеал человека в своих рассуждениях о жизни, в том, как он расставляет акценты в диалоге с другими и в диалоге с самим собой. По сути дела он воплощает в себе свободное Я. Не будучи сами Мудрецами-философами, его роль могут играть поэты и писатели, художники, композиторы, если своими средствами персонифицируют обобщенный идеал человека и тем самым поддерживают диалогичность сознания в своих читателях, зрителях, слушателях. Кажется, что, в отличие от Мудреца-философа, рождающего в слове мысль о мысли, писатели, поэты могут работать со словом как с инструментом мысли, то есть работать с его свойствами как с инструментом, отдельно от прямого назначения слова – проявлять мысль. Как можно исследовать состав молотка, так можно исследовать и состав слова, если отнести к нему как к инструменту, что, например, пробовали делать В. Хлебников и Д. Хармс, стихи которого я уже приводила ранее.

Для философа и для поэта слова – это орудие, инструмент мышления, только с помощью этого инструмента они решают разные задачи. Восприятие поэта и мудреца тоже разное: если поэт чаще воспринимается как дитя, то мудрецу приписывается более почтенный возраст. Думаю, что это не случайно – от мудреца ждут истины, а от поэта – текстов для

построения собственного Я, поэт как бы говорит за всех, каждый вычитывает из его текстов то, что умеет. Другое отношение к мудрецу – он несет истину, которую самому Я найти не дано, он позволяет выйти за пределы этого чувственного Я в сверхчувственное, или, как говорят, трансцендентное, для того чтобы вернуться в свое чувственное Я с обновленным отношением к жизни, к феномену своего собственного сознания, позволяющим раскрыть его метафизику.

Вот и получается, что интеграционные идеи Я человек получает из нескольких источников. Попробую перечислить их по степени персонификации от наименее персонифицированной к более персонифицированной:

- идеи ценности индивидуальной жизни в общественном сознании;
- идеи добродетельного человека в общественном сознании;
- идеи представленности Я человека для него самого и для других людей;
- идея диалогичности Я;
- идеи защиты Я в его уникальности.

Первая группа идей существует в условиях взаимной зависимости людей. Чем больше опосредована эта взаимозависимость различными предметами, орудиями, инструментами, тем меньше эта идея представлена в общественном сознании. В этом смысле любопытно, что по мере зависимости все большего числа людей от действий конкретного лица с предметом становится практически не важно «Кто?» у пульта, а важнее «Какой?» Так появляется новая форма взаимной зависимости людей от свойств психической реальности конкретного лица или лиц.

Вторая группа идей в XX в. претерпела очень сильное изменение, она как бы утратила актуальность. После появления фрейдизма и его весьма неумеренной, и часто просто неумелой, на мой взгляд, популяризации их сама идея идеального, совершенного человека словно бы перестала интересовать людей. Вопрос «Каким быть человеку?» быстро перешел в категорию «личностного рынка».

Насколько можно понимать, это одно из проявлений отчуждения человека от своей сущности, особенно неприглядно (для меня лично) оно выглядит в феминистском движении, когда о равенстве говорит существо, пол которого определить весьма затруднительно. Можно привести не одну сотню примеров, когда само понятие добродетели осмеивается и отрицается в общественном сознании как ненужное. Хотелось бы видеть в этом только момент проявления Добра и Зла – свойств, присущих человеческой природе. Разгул бесов (Ф. М. Достоевский) не возникает случайно – слабая выраженность в общественном сознании идей добродетельной жизни (например, совестливости, стыда, любви, чистоты, честности, порядочности) приводит, думаю, не только к потере содержания этой идеи, но и к возможности отказа от размышления о собственной жизни.

Конечно, это крайний, болезненный и, возможно, патологический вариант, но его облик виден в том экзистенциальном вакууме, который описывал В. Франкл[30], и в отсутствии радости у многих людей. Думаю, что есть смысл здесь напомнить о том, что радость – естественное состояние добродетельного человека, она награда за чистую совесть, за чистоту помыслов и дел. Источник ее не вне человека, а в нем самом – в его следовании, собственном, не насильственном, добродетельной жизни.

Третья группа идей востребуется наиболее полно в обучении и воспитании, в том содержании культуры, которое становится доступным человеку благодаря его общению с другими людьми. Будет ли это преимущественно ненормативная лексика, блатной язык,

песни из трех аккордов или нечто большее, нечто другое. Приходится с грустью говорить о том, что особенно в детстве у человека нет возможности самому выбирать – ему предлагают смотреть и слушать, или навязывают, нечто как продукт, исходя из разных соображений, которые далеко не всегда связаны с интеграционной возможностью Я.

Четвертая группа идей – идей диалогичности Я конкретизируется в понятии «развитие», которое воплощают в отношении с человеком окружающие его люди. Варианты здесь невелики: диалог или псевдиалог – говорение пустых слов, болтовня. Значимость диалога измеряется не его временем, а его наличием. Возможен он при встрече с Мудрецом-философом. Думается, что это именно та группа идей, которая связана с конкретной (возможно – уникальной для индивидуальной судьбы человека) персоной, лицом, личностью. Организовать такую встречу невозможно, она должна произойти как событие.

Такой же персонифицированности требует и идея защиты Я. Думаю, что она связана с существованием подвигов. Не поступков, а подвигов, и является далеко не ежедневным действием человека. Поступок проявляет Я – делает его как бы зримым, видимым самому человеку, он связан с самосознанием.

Подвиг воплощает сущность человека, его способность конкретизировать в действие экзистенциальные идеи других, может быть, всех людей или, по крайней мере, многих нормальных людей. Подвиг осуществляется на грани бытийных и трансцендентных возможностей человека. Он поднимает человека над силами бытия, ему самому и другим людям дает основание для переживания присутствия особой реальности – психической, ее силы, ее энергии.

Вот почему подвиг придает силы не только самому человеку, но и другим людям. Он становится новой мерой в понимании сущностных характеристик жизни, человеческого Я, говоря иначе, преобразует не только картину мира, но и саму концепцию Я как трансцендентального образования.

Подвиг нельзя организовать, его можно только совершить, к нему нельзя подготовиться специально, к нему надо быть готовым, он дается, но не покупается, – ему нельзя найти меновую стоимость, так как он – проявление сущности Я. Если вместо нее – пустота, то о подвигах не приходится даже мечтать, так как нечего защищать и сохранять как сверхценность. Подвиг может длиться мгновение и всю физическую жизнь человека, идея ценности подвига не может быть навязана человеку, она может быть выращена им самим из его трансцендентальных качеств. Это тот самый труд души, который сегодня часто воспринимается и оценивается как бесполезное самокопание и самоедство, разрушающее приличную «упаковку» на «личностном рынке».

История рассудит нас всех, но, пытаясь обсуждать, степень персонификации разных идей, способствующих интеграции Я человека, вообще психической реальности, я бы хотела вместе с читателем, добравшись до этих строчек, вернуться к проблеме далеко не новой и весьма банальной – проблеме ответственности за жизнь. Одним из ее проявлений которой является жизнь людей – моя, твоя, читатель, его, их, наша, ваша жизнь, такая знакомая и такая неуловимая, непонятная в своей ежесекундной устремленности к вечности.

Характер человека воплощает в себе идеи его времени, он несет в себе концепцию жизни, доступную ему для воплощения. Он в своем характере – одновременно идея и ее воплощение, поэтому в содержании характера отпечаталось время, и не абстрактное, а конкретное, вполне узнаваемое время, так неумолимо ускорившееся в XX в. за счет того объема информации, которую человек может получить извне в одну его физическую единицу – секунду, минуту, час. Если этот объем информации не отвечает современному положению дел в мире – ограничен или искажен, – то человек невольно начинает жить в ограниченном информационном пространстве, искажающем (до неузнаваемости) характеристики жизни, как

его собственной, так и жизни в планетарном масштабе.

Учитывая пластичность, изменчивость свойств психической реальности, возможность существования превращенных форм сознания, появляются предпосылки (за счет качества информации, идущей извне) за счет содержания воздействия извне практически лишить человека чувства реальности его Я, превратив его в характер особого типа – псевдохарактер, так как он будет нести в себе не реальные информационные единицы, а фантомные, пустые.

Я закончу эту главу небольшим анализом нашего (моего) времени: времени смены жизненных ориентации, ценностей, времени крушения империи, а для меня и потери Родины. Я не буду подробно описывать все происшедшее за последние годы, попробую по примеру Э. Фромма описать «плюсы» и «минусы» изменении, произошедших в характере взрослых людей, которые с очевидностью были связаны с изменившейся социальной ситуацией – распадом СССР.

Таблица 8

Изменения в характере взрослых при смене социальной ситуации

Я могла бы продолжить эти описания, но не буду утомлять читателя наблюдениями и размышлениями. Думаю, что важно увидеть в этих «плюсах» и «минусах» проявление изменений в процессах интегрирования Я как появление нового содержания идей о возможностях воздействовать на самого себя и других людей, обновленного содержания идей об общности себя с другими людьми, о целостности себя самого.

Необходимость переосмысливать свое место в изменившихся социальных условиях привела к появлению огромного числа психологических проблем, требующих использования, именно конкретного использования, идей о смысле жизни, о ее ценности, о происхождении собственного Я. Это привело к бурному росту спроса на психологическое знание, все науки, способные дать его в более или менее конкретной форме, стали востребованы. Массовым стал интерес к собственному Я и Я близких. Но это почти всегда интерес к конкретному, манипулятивно-управленческому знанию о других и о самом себе.

Когда я попыталась обобщить возможные типы интегрирования Я, которые можно получить из простой логической комбинации вариантов формулировки основных интеграционных идей (о которых говорилось выше), я поняла, что число их превышает сотню типов и оставляет большие возможности для дальнейших, логических же, комбинаций. Это дало мне надежду в своей дальнейшей работе попытаться найти еще один ключ к анализу и описанию индивидуальности человека. Пока же я даю читателю возможность попробовать это сделать самому, пользуясь такими логически возможными, на мой взгляд, формулировками основных идей, интегрирующих Я.

Таблица 9

Идеи, создающие Я-концепцию

Первые две идеи в их конкретном воплощении обязательно предполагают наличие других. В первом случае это будут, например, животные предки, Творец, инопланетный Разум и тому подобное. Во втором случае указание на других как источник смысла или на осуществление

себя может иметь и формулу соединения этих двух источников, причем с разной расстановкой акцентов и разной степенью совпадения представления о смысле жизни человека вообще и своей собственной.

Это соответствие или несоответствие проявляется и в воздействии на другого и на себя, и в переживании своей общности и разобщенности с другими людьми, и степени этой разобщенности. Комбинация всех этих вариантов и степень их устойчивости во времени будет влиять на характер человека – на его ориентацию, а конкретно-исторические условия будут определять степень доминирования той или иной группы идей. Противоречивые свойства ориентации характеров, выделенные Э. Фроммом, дают основания для того, чтобы не относиться к ним как к застывшим портретам, противоречивость характеров говорит об их жизненности – это и привлекло меня в этой классификации больше всего.

Возможность увидеть с ее помощью реальность идей людей, которые меня окружают, дополнила ее несколько иным содержанием, которое хотелось обобщить следующим образом. Прогресс несомненно предлагает человеку все новые и новые вещи, предметы для организации его жизненного пространства. Эти вещи, предметы вторгаются и в пространство его Я, создавая его качественно своеобразные проявления в виде отношения к этим вещам. Вещи, предметы преобразуют отношения между людьми – они становятся все более опосредованными, это приводит и ко все более опосредованному отношению человека к себе (вплоть до полного безразличия и отчуждения).

Существование человеческой интегрированной индивидуальности, способной к развитию отношений с самим собой и с другими людьми, возможно и необходимо, так как это условие сохранения разнообразия жизни – главного источника ее развития. Мне не хотелось бы быть избыточно оптимистичным в оценке качества этого разнообразия, но думаю, что пока человек в состоянии отделять идеи о жизни и разных ее проявлениях от осуществления жизни, то есть в состоянии честно мыслить, у него есть все шансы сохранить свою сущность в том виде, в каком она ему доступна для собственного размышления о ней. Если недоступна, если путь к мышлению закрыт ложью, всегда есть выбор – расчистить путь или идти обходным путем: через обман и самообман куда-то. Может быть в небытие... Может быть...

Итак, идеи, концепции жизни и смерти, собственного Я и Я – Другого обеспечивают интеграционные процессы в психической реальности, позволяют выделить сам факт ее существования как для самого человека, так и для наблюдателя. Происхождение этих идей, их вариативность, относительная устойчивость отмечают исследователями в области антропологии и этнографии, этики и психологии, философии и истории.

Эти данные позволяют приблизиться, на мой взгляд, к пониманию обоснования воздействия человека на другого человека и на самого себя. Воздействия как естественного качества его активности, обладающей вектором движения, направления, цели.

Проблема обоснования воздействия кажется мне одной из главных в возрастной психологии, так как она постоянно (в виде разных теорий) фиксирует процесс и результаты этого воздействия, например в виде умений и навыков человека, в виде его самооценки и самоотношения, в виде качеств мышления и так далее, и тому подобное. Обоснование воздействия предполагает наличие как минимум переживания людьми процесса (результата) воздействия как сопоставление соответствия или несоответствия источника воздействия, качества воздействующей силы и ожидаемых и реальных результатов воздействия.

Факты выделяются человеком с помощью органов чувств, реагирующих на различные качества мира, но воздействие человека на человека не сводится к сумме реакций органов чувств – глаз, ушей, мышц, органов обоняния и вкуса.

О специфических особенностях воздействия человека на человека мы и поговорим в

следующей главе. Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое воздействие оказывает на Я другой человек?
2. Что такое идеология?
3. Какие функции выполняет идеология?
4. Что такое Я, в чем проявляется его сила?
5. Почему сознание человека должно быть целостно?
6. Какие идеи обеспечивают интегрированность психики и почему?

Глава 5

Социальная ситуация развития

Мы все живём со знанием вины,
И в поисках потерянного рая
Всё измеряем неба глубину -
Себя во всём за меру принимая.

(Автор известен, но не хочет известности.)

Мы – другое поколение, у нас запросы – другие.

(Из разговора с Володиёвым.)

Пошли мне сообщение на мыло или постучись в аську.

(Из телефонного разговора коллег.)

Молодой итальянский инженер и его жена-японка получили работу в одной из датских фирм, где они общаются с коллегами на английском языке.

Из газетной статьи (краткий пересказ двух абзацев).

Ключевые слова: общественный кризис, мультикультуральность, виртуальный мир.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать содержание понятия социальная ситуация развития;

уметь выделять основы не составляющие социальной ситуации развития;

владеть средствами писания и анализа социальной ситуации развития.

Скоро закончится второе десятилетие нового века, конца которого, что очевидно, мне уже не придётся наблюдать. Так сложилось, что, написанная в прошлом веке, книга продолжает жить, а у меня есть возможность продолжить её и этой главой, за которой стоят не только события будущих исторических календарей, но и мои ежедневные события, моя личная жизнь. Исторические и ежедневные события определяют содержание этой главы, в которой будет несколько важных научных понятий.

О чём эта глава?

О неизменности проблем возрастной психологии как науки. Напишу о том, что все её проблемы, несмотря на их почтенный возраст, позволяющий говорить об истории возрастной психологии как науки, остаются неизменными[31]. Это их постоянство добавляет аргументов в пользу понимания возрастной психологии как науки.

Эта глава о том, что в возрастной психологии называют социальной ситуацией развития.

Эта глава и о появлении новых возможностей взаимодействия людей во времени и пространствах, которые в прошлом веке ещё не относились к разряду массовых.

Многим из моих возможных читателей последние два десятилетия составляют некоторую часть их личной жизни и окрашены личными воспоминаниями, среди которых есть только им известные подробности общественного кризиса, потрясшего и потрясающего сегодня всё пространство бывшего Советского Союза. Для меня – это и воспоминания, и переживания, и осмысление, и неизменное сопереживание – то, что есть моя личная жизнь. Я не могу писать что-то вне пережитого, поэтому эта глава пристрастна, как и весь текст этой книги.

Понятие общественный кризис, глубину которого мы вряд ли, как современники, сможем оценить, едва ли описывает то, что произошло и происходит в бывшем СССР.

Этот кризис выразился в потере социальной и личной защищённости, в потере границ, охранявших относительную стабильность условий жизни, так необходимую для осуществления самой жизни. Защищённость существовала как свод писанных и неписанных правил общежития как общей жизни в социальной системе, которая стремительно теряла эффективность существования, проще говоря, умирала, погребая под собою всё, созданное ею.

Как всякая неживая система, созданная на основе симулякров, она имела определённый запас прочности, который был ограничен временем. Для пояснения этой мысли, думаю, уместно провести аналогию с живым и механическим соловьём из сказки Г. Х. Андерсена. Механический соловей мог исполнять только заданные мелодии, когда механизм пришёл в негодность, соловей – красивый, исправный снаружи – замолчал. Так и любая неживая социальная система, изнашиваясь, замирает, а потом умирает. Эту смерть наблюдают и переживают свидетели и очевидцы как остановившиеся заводы и фабрики, опустевшие поля, зарастающие лесом, как безработицу, как угрозу голода и холода.

Нужна энергия для создания жизненной социальной системы, где правда жизни будет представлена не симулякрами, а знаками, имеющими значение и смысл. Восстановление правды жизни в социальной системе требует от больших групп людей искренности и

честности – это те качества мыслей и чувств, которые были не нужны в мёртвых социальных системах, построенных по принципу: «Что прикажете, то и будем думать, делать и т. п.». Восстановление правды жизни требует от больших групп людей осмысления жизни как целостности, это обрекает человека (можно сказать, что всё общество) на поиск той трансцендентальной позиции, которая позволяет видеть и себя и общество как бы со стороны, одновременно живая в нём.

Эта позиция обретается в общении с Другими Людьми, в

равноправном диалоге или

полилоге, где каждый участник диалога имеет право на свои мнения, свои ошибки, свою степень риска, свою автономию от Другого, и то общее поле ответственности, где они взаимодействуют. Равноправный диалог основан на признании всеми участниками диалога наличия друг у друга защищённого психологического пространства, в котором структурируется и осуществляется самообоснование жизни. Другими словами – для диалога, как и любого взаимодействия, существует необходимость обозначения границ взаимодействующих реальностей. Не так важно, какая это реальность – психическая реальность одного человека, группы людей или целого народа. Обозначение границ предполагает их фиксированность – географическую, социальную, психологическую – в разных временах и пространствах. Думаю, что тогда и можно говорить о равноправности диалога как о структурированном присутствии его участников не только для других, но и для себя.

Очевидным становится и тот факт, что для осуществления диалогического или полифонического взаимодействия предельно важно обозначить пространство (пространства) и время (времена) взаимодействия, чтобы предмет взаимодействия был доступен всем участникам контактов. В ситуациях общественного кризиса таким предметом становится общая жизнь людей на общей территории, в общем культурном пространстве, которое в индивидуальной жизни каждого из них существует в виде переживаний как бытовая жизненная философия, как Я-концепция, как концепция Другого Человека. Именно они – эти психологические образования, как структуры, существующие у каждого человека, будут определять возможности выхода из кризиса как поиск путей общей жизни на общей территории, с общей социокультурной среде.

Это может выглядеть как утопическое пожелание, так как разные виды человеческого неравенства – экономическое, социальное, физическое, психологическое – очевидный факт. Не менее очевиден и другой факт, что люди объединены – хотят они этого или не хотят – территорией их страны, территорией их родного языка, а значит, возможностью самосознания в культуре этого языка. Кроме того, люди объединены взаимозависимостью своих физических жизней. Короче говоря, смерть придёт к каждому живущему.

Это, казалось бы, очевидно и просто, но нужно личное мужество, чтобы в этом диалоге не впасть в соблазн зависти и ненависти, в соблазн следования чужому разуму, создавшему свои заблуждения, свои симулякры, которые он – чужой разум – принимает за истину.

Так случилось в моей жизни, что я была вынуждена несколько раз отвечать на один и тот же вопрос людей, живущих в, как они сами себя называют, современном цивилизованном обществе. Вопрос звучал или завуалировано, дипломатически или прямо, так как я его сейчас напишу: «Почему русские взяли из Запада самое плохое, то, от чего мы сами давно отказываемся, почему они ничему у нас не научились?» «Самое плохое» – это и массовая культура потребления, и наркотики, и проституция, и криминализация, и то катастрофическое расслоение на бедных и богатых, которое далеко не всегда очевидно в современном западном обществе.

Я отвечала на этот вопрос, ориентируясь на идеи запретного плода и на стремление соответствовать тому образу жизни, который виделся моим соотечественникам как новый и современный. В науке, как уже говорилось в других главах, это называется процессом идентификации. Думаю, что оно в полной мере связано с переживаниями собственности, о котором я хочу рассказать ниже.

В мёртвых социальных системах практически каждый человек и все вместе теряют чувство причастности к настоящему времени как историческому. Связь времён как преемственность в пространстве и времени исторического опыта духовной и экономической жизни поколений, опыта осуществления продуктивных творческих усилий, основанных на переживании «Мы» и «Наше» прерывается, поэтому и неочевидны, необходимые для ориентации в собственной жизни, правдивые критерии современности как принадлежности к настоящему времени своей жизни, нет или обесценены переживания жизни как своей собственности и собственности Другого Человека.

Да и где эти критерии?

Сегодня я могу сказать, что критерии современности как критерии развития социальной системы и человека нужно искать в отношении к своей жизни и жизни общества как целостным явлениям. Можно было бы написать слово жизнь с большой буквы, подчеркнув таким образом отношение к этому явлению, но жизнь так противоречива и разнообразна, что не нуждается в какой-то абсолютной или относительной оценке. Она такая, какая она есть в доступном каждому из нас пониманию. Этим пониманием мы и можем поделиться друг с другом, осуществляя каждый свою жизнь от рождения до смерти.

Можно задать например, конкретный вопрос о том, кто выглядит современнее – мужчина бритый наголо, с искусственными рождками под кожей, весь покрытый татуировкой или его же возраста мужчина с единственной серьгой в правой ноздре или тот, что без серёжек, но с бородой и усами, заплетёнными в косички? Тот же вопрос о современности, но уже, связанный с деньгами: кто современнее – молодой мультимиллионер, подаривший чек семье, где ребёнок нуждался в срочной операции или такой же молодой мультимиллионер, отдавший примерно ту же сумму за очередной личный автомобиль? А как быть с современностью подростка, зависающего в виртуальном мире, и его деда, всё ещё побаивающегося компьютера?

Вариантов таких конкретных вопросов – бесконечно много. Все ли они относятся к понятию современность? Чем измерить объём этого понятия, его логическую наполненность? Где оно, настоящее время, если даже то, что было написано на этой странице, уже принадлежит прошлому? Мне кажется, что ответ на этот вопрос, может быть, не в такой формулировке, но такой по сути возникает перед каждым человеком во время социального кризиса, когда неудовлетворённость своей собственной и общественной жизнью достигает наивысшей степени напряжённости и вопросы организации своей личной (единственной и неповторимой) жизни становятся не только абстрактно философскими, но и вопросами практики ежедневной организации не только бытия, но и быта.

В ситуации общественного кризиса происходит уничтожение многих социальных ролей и связей как симулякров, как пустых форм, потерявших содержание. Такое случилось со многими профессиональными ролями, например, с ролью продавца.

В СССР это была роль, обладающая необыкновенными возможностями власти над товаром, которого было мало, который надо было «доставать» через «нужные связи» с представителями этой магической профессии. За время общественного кризиса магия исчезла, сегодня уже продавец сам заинтересован во встрече с покупателем, который уже не «гражданин, встаньте в очередь», а «уважаемый клиент». Что изменилось?

Разрушилась одна форма взаимодействия людей и появилась другая, в которой каждая взаимодействующая сторона вынуждена формировать и проявлять свою концепцию Другого Человека, так же как и Я-концепцию. Можно было бы поделиться и личным переживанием неподдельного изумления, когда продавец в российском провинциальном магазине сказала мне: «Спасибо за покупку!» Она восприняла меня как человека, от которого она зависит!? У неё изменилась концепция Другого Человека! У неё изменилась её собственная Я-концепция. Ей потребовалась определённая интеллектуальная работа – усилие – по построению нового взаимоотношения со мной, работа по преобразованию её собственной психической реальности, где появилось место для новых качеств концепции Другого Человека.

Я думаю, что в этом факте можно увидеть главное

позитивное проявление общественного кризиса, корни которого в переживании наличия Я как собственности как свойства психической реальности («Данное мне – моё – принадлежит мне»). В этой словесной формуле, отражающей переживание наличия Я как собственности мне бы хотелось представить читателям те переживания, которые выглядят весьма актуальными для психического развития человека в периоды социального кризиса, который существует не как научная абстракция, а как социальная ситуация развития миллионов людей.

Остановлюсь на них несколько подробнее.

«Данное мне» – переживание

наличия потенциала своих физических, интеллектуальных, волевых, эмоциональных и т. п. качеств, которые составляют основу для осуществления трансцендентальной позиции. Это и те конкретные времена и пространства, т. е. жизненная среда, где есть конкретные люди и предметы, с которыми человек состоит во взаимозависимых отношениях. Это – своего рода фундамент для осуществления преобразований как в своей жизни, так и в жизни общества. Это – основа любой

активности человека.

«Моё» – все люди и предметы, включая собственное тело человека, на которые прямо или опосредованно распространяется или может потенциально распространяться воздействие – человека. Именно через это переживание проявляются такие свойства психической реальности как наличие границ, обратимость, потенциал изменчивости (связан со свойствами предметов, включённых в переживание). Это – основа

предметной деятельности человека, где выбор предмета деятельности и действия с ним описываются понятиями мотивов и потребностей.

«Моё» – это и конкретное место Я и не-Я в системе социальных отношений и возможности воздействия на Я и Других людей. «Моё» – если говорить бытовым языком, – это области власти человека, проявление его силы организовывать и осуществлять позицию по отношению в миру, в котором он действует. «Моё» как переживание обеспечивает человеку связь и с бытием Я и с бытием в Я, определяет ответственность, причастность к разным временам и пространствам.

«Принадлежит мне» –

переживания субъектности как дистанции между содержанием Я-концепции и концепции Другого Человека. Психологическое содержание дистанции связано с существованием моральных и нравственных норм, регулирующих, прежде всего, меру воздействия на Другого Человека, меру принятия воздействия на Я-концепцию.

Благодаря разнообразным психологическим теориям есть возможность анализировать эти переживания, ориентируясь на их проявления в индивидуальной жизни человека и в жизни общества с нескольких позиций или подходов, существующих в настоящее время для объяснения свойств психической реальности. Я попробую представить их в виде таблицы.

Таблица 10

Содержание переживания «Данное мне – моё – принадлежит мне» как проявление общественного кризиса в индивидуальной и социальной жизни

В этой таблице мне хотелось показать сложность и глубину переживаний как отдельного человека, так и общества в целом в периоды общественного кризиса.

Для этой таблицы я использовала множество разных источников информации. Думаю, что нет необходимости указывать их все. Я могла бы привести в доказательство очень много конкретных примеров поведения как отдельных людей, так и групп людей, которые переживали и переживают общественный кризис в разных формах, общих только тем, что в них есть содержание этого переживания, которое кратко можно назвать переживанием собственности, – именно оно было предельно актуализировано у них в их социальной ситуации развития.

Можно думать, утверждать, что изменяющиеся Я-концепции и концепции Другого Человека стали определять возможности воздействия, так как именно в них с наибольшей очевидностью опредметились переживания собственности. Именно их содержание стало опосредовать использование взаимодействующими людьми разных свойств предметов, выбор свойств предметов, в которых фиксируется, опредмечивается содержание концепций.

Продолжу пример с покупкой в провинциальном магазинчике – мою покупку положили в аккуратный целлофановый пакетик, а не грязно-серую обёрточную бумагу (или во вчерашнюю газету). Вот так и опредметились наше с продавцом изменившееся взаимодействие. Я привела этот простой пример как внешне привлекательную сторону общественного кризиса, который имеет и множество других проявлений, в которых люди опредмечивают переживания активности Я как Я-концепции и концепции Другого Человека.

Общественный кризис актуализировал у людей переживания психологического времени и пространства, актуализировал переживания относительности как качества психологической реальности. Эти переживания вносят большую степень неопределённости как в индивидуальную, так и в социальную жизнь. Степень неопределённости очень высока, она достигает уровня стресса, люди вынуждены искать относительно устойчивые элементы как в своей психической реальности, так и в социальной жизни. Изменчивость не может быть вне устойчивости, неопределённость не может быть вне определённости. Это – из законов диалектики, той логической системы, которая пытается анализировать функционирование живых систем. С особенной остротой встаёт и вопрос о концепции жизни, которая дала бы возможность целостного видения мира и своего места в нём.

Одна из важнейших особенностей современного развивающегося мира, который уже получил название постиндустриального, состоит в том, что оно порождает особый тип отношений между людьми, особую, неизвестную в полной мере в нашем обществе, концепцию Другого Человека и Я-концепцию. Это отношения Клиента и Производителя, отношения Потребителя и Производителя, отношения Работника и Работодателя. В этих отношениях понятия Работа,

Производство, Потребление, Окружающая Среда и многие другие содержат элементы Я-концепций и концепции Другого Человека или полностью включают их. Ограничусь одним примером. Для того, чтобы продать продукт, надо знать запросы Другого Человека – Клиента, пусть пока только потенциального. Индустриальные общества создали и создают перепроизводство предметов потребления – вещей, которые совершенствуются в качестве и функциональности, т. е. практически в уподоблении живому телу человека. Есть специальные науки, которые этим занимаются. Одна из них –

эргономика.

В мою задачу не входит анализ разных общественных систем, я только хочу сказать, что общественный кризис создал ситуацию преобразования предметно опосредованных отношений между людьми. Это преобразование выразилось прежде всего в необходимости рассматривать предметы (как материальные, так и идеальные) с позиции Другого Человека, как необходимость отношения к Другому Человеку как к самому себе. Это – тот

здоровый эгоизм, который делает предпринимателя успешным, а его дело – развивающимся во времени и пространстве. Творческий потенциал каждого человека и общества в целом, потенциал преобразования материальных и идеальных предметов, востребованный во время общественного кризиса, нашёл и находит своё воплощение в тех предметах, которые человек хочет, может и должен использовать как Клиент, как Потребитель. Без этой его возможности нет никакого производства – ни идей, ни материальных вещей.

Существует множество психологических и социальных сложностей на пути становления здорового эгоизма. Я уже называла одну из них – социальный страх, другие обобщённо можно было бы назвать жизненной философией или уровнем рефлексии на жизнь как целостный предмет, воплощающемся в

экзистенциальных переживаниях. Именно их проявление можно увидеть, например, в философских поисках людей, в фактах равнодушия, апатии, жестокости, воровства, насилия.

Экзистенциальные переживания сложны, люди с проявлениями психической смерти не могут справиться с ними, они начинают отвергать жизнь как явление, относясь к ней деструктивно. Деструкция даёт временное переживание собственной силы, но она (по закону обратной связи) разрушает и без того неустойчивую структуру психической реальности. Осуществление здорового эгоизма требует от человека определённых качеств психической реальности, которые связаны с переживанием жизни как собственности. Эти качества психической реальности, думаю, могут и должны охраняться общественными знаковыми системами, структурирующими социальное пространство как пространство взаимодействия взаимозависимых людей.

Социальный кризис показывает, что строение психической реальности у каждого человека (у каждого в своей форме) зависит от социальной ситуации развития, мне бы не хотелось утверждать, что определяется ею, но зависимость прослеживается как очевидная. Это та зависимость, которая, например, экспериментально была доказана в культурно-исторической теории работами А. Р. Лурия о формировании понятий[32], это та зависимость, которая доказывается сегодня жизнью и научной судьбой А. В. Суворова[33], это та зависимость, которую большинство людей, думаю, переживают как степень обусловленности своей жизни присутствием в ней Других Людей. Я процитирую несколько строчек из текстов А. В. Суворова, которые дают некоторое конкретное представление о том, что я пытаюсь объяснить читателю, да и самой себе: «... на человечность не приходится претендовать, если никого не любишь и ни за что, ни за кого, ни перед кем не в ответе... Особенно за себя и перед собой. Поэтому «рыночные» отношения, отношения бесконечного тотального торга, кто кому чем обязан и сколько должен, я ни в коем случае не могу признать человеческой – человеческой – формой отношений. Это обесчеловечивающая, бесчеловечная форма

отношений, при которой запросто можно стать из человека не животным даже, а куда худшим существом – нелюдем. Вступая в тотальный торг, мы перестаём быть людьми, или вообще никогда ими не становимся. Любовь – как ни крути – сущность человечности, а тотальный торг ни с любовью, ни, стало быть, с человечностью – несовместим. И это, разумеется, вовсе не моё открытие. В поисках первооткрывателя этой истины можно забрести далеко-далеко вглубь веков, так что оставим эти разыскания. Неважно, кто первый это открыл, а важно, что это – так!»[34]

В современном мире существует великое множество простых и сложных симулякров – пустых по существу, но ярких по форме знаков, которые позволяют человеку, хотя бы на время снимать остроту экзистенциальных переживаний, связанных с построением и осуществлением концепций жизни, Я-концепции и концепции Другого Человека. Эти знаки в большинстве случаев основаны на идее Другого Человека как Клиента, как потенциального или реального потребителя разных предметов, тех предметов, которые обобщённо могут быть представлены в виде денег как одного из универсальных знаков в мире людей.

Думаю, что нет необходимости доказывать, что ограничение концепции Другого Человека только его качествами как Клиента приводит к искажению представлений о творчестве жизни как индивидуальной, так и социальной. Из самого процесса творчества таким образом невольно или специально исключаются переживание связи времён как потенциальной бесконечности любой культуры, воплощающуюся в каждый момент времени в конкретную социальную ситуацию развития, в конкретную форму жизни человека среди людей. Люди начинают в большей использовать творческую энергию для создания предметов потребления, ориентированных на потенциальных Клиентов, в меньшей степени затрачивается творческая энергия на создание социальной и индивидуальной жизни как целостности.

В момент общественного кризиса по степени выраженности острота потребностей в предметах потребления и в философских идеях практически равнозначна.

Люди, можно сказать, обречены на творчество жизни.

Однако, и в современном западном обществе развитого потребления есть большие группы людей, которые, имея более чем достаточное число предметов потребления, испытывают необходимость в философских идеях, осмысления жизни как целостности. С этой целью они обращаются не только к идеям своей культуры, но очень часто к идеям других культур, прежде всего, восточных культур.

Это проявление того же творчества жизни, без которого невозможно само существование психической реальности как бытового индивидуального явления.

Необходимость в философских идеях существует как духовная потребность людей, она обостряется во время социального кризиса, становится зримо, ощутимо материализованной в виде разных знаковых систем, конкурирующих между собой за знание истины жизни. Конкуренция неизбежна, так как во время социального кризиса степень жизненного риска очень высока и потенциально многие люди готовы быть потребителями идей, снижающих (хотя бы на время) степень этого риска. Начинается и борьба за умы людей как потенциальных Клиентов, как потенциальных потребителей, способствующих в конечном счёте созданию материального или идеального

капитала для кого-то (Другого Человека), для себя (так, опыт осуществления своей жизни – это тот капитал, который есть у каждого человека) или для человечества (если капитал создаёт гениальный человек).

Современное материальное производство уже давно перепроизводство (только пример из бытовой жизни западного провинциального городка – весной на продажу выставлено 32 вида

газонокосилок, среди них – газонокосилка – робот, в том же местном магазинчике можно увидеть около 40 видов крышек для унитазов, а ещё есть некое количество этих предметов в каталогах), то же самое можно сказать о производстве идей о жизни, которые воплощаются в разных

жизненных стилях .

Это те особенности современного общества, которые долгое время не присутствовали в социальной ситуации развития многих людей в нашей стране. Выбора, осознанного выбора, предметов потребления практически не было. Сейчас выбор есть, его возможности возрастают.

Это тот выбор, где человеку приходится встречаться с Другими Людьми как Производителями, с их целями и задачами, воплощёнными в продуктах потребления (материальных и идеальных предметах). Вот в этом выборе и происходит встреча людей с ценностной стороной капитала, где такие свойства предметов как качество и количество, форма и содержание, функция и структура (подчеркну ещё раз, что и материального и идеального предметов) могут быть представлены относительно независимо друг от друга в виде подобию, симулякров. Говоря бытовым языком, в виде фальшивок, дешевых подделок, копий. Так, внешне привлекательная, «полезная» продукция может оказаться обыкновенной дрянью, вредной для здоровья. Проблемы соответствия ценности и цены – это возможность воплощения в продукте ценности как истины жизни и творчества, но это и возможность воплощения ложных ценностей как проявление временной власти над кем-то или чем-то.

В этих возможностях открыто возвращение к переживаниям собственности, к понятию здорового эгоизма, так необходимого, думаю, и человеку и обществу для сохранения потенциала (капитала) творчества жизни.

Капитал – это не только и не столько сумма денег, сколько потенциал преобразования природного предмета ради Другого. Этим Другим может быть сам человек, его интересы и потребности, но отнесённые к будущему времени (в этом смысле в капитале присутствует будущее). Капитал – это и потенциал понимания Другого Человека как Клиента, как потребителя определённого продукта, капитал – это и потенциал понимания законов развития общества как большой группы людей, объединённых в пространствах и временах. Ошибки и заблуждения, связанные с познанием законов жизни как отдельным человеком, так и обществом в целом (или отдельными группами людей) приводит к непродуктивному расходованию – пустой трате – капитала как потенциала творчества жизни.

В индивидуальной жизни человек переживает это как напрасную трату сил, как усталость от жизни, как то отсутствие радости, которое наделяет каждый день смыслом. Общество, непродуктивно расходующее свой капитал, заходит в экономический и духовный тупик, растущий при этом индивидуальный страх людей перед неосуществимостью жизнью, перед непреодолимой плотностью бытия приводит к снижению рождаемости. Смерть начинает властвовать над жизнью. В конечном счёте капитал любого общества – это люди, радующиеся тому, что они творят свою жизнь (могут и хотят это делать). Думаю, что это очевидно.

На сегодняшний день капитал имеет множество знаковых форм, среди них и те, которые можно отнести к разряду идеальных предметов – идей. Носителями этих идей могут быть отдельные люди, группы людей или организованные социальные институты.

Одной из таких идей является идея личного богатства и успеха.

Идея богатства интересна для меня тем, что она содержит элемент случайности. Богатство выглядит как бы вечная Золушка, с которой кто-то что-то должен сделать, чтобы она превратилась в принцессу. Этот кто-то – активный, вторгающийся в жизнь Золушки –

обладает властью, волей и возможностями преобразования. Если перенести аналогию в жизнь, то можно, думаю, сказать, что властью, волей и возможностями преобразования обладает тот или те, кто преобразует природный предмет в товар, товар – в деньги, а деньги – в новый товар.

Все эти три вида преобразований относительно независимы в пространстве и времени, поэтому могут принадлежать разным людям или группам людей с разными концепциями жизни, концепциями Другого Человека и Я-концепциями. За всеми этими преобразованиями стоит концепция Другого Человека как Клиента, как потребителя, содержание этой концепции регулирует степень близости людей в социальной системе, фиксирующей разные человеческие возможности преобразования природных предметов. Сегодня эта степень близости обсуждается, например, как идея социальной ответственности бизнеса.

Идея богатства не предполагает некоторого количественного выражения. Когда человек может считать себя богатым? Сколько для этого у него должно быть личного капитала в денежном выражении? Когда общество может считать себя богатым? Каковы критерии богатства общества?

В поисках ответов на эти вопросы я не только читала разные источники информации[35], но и просто разговаривала с разными людьми, живущими в разных обществах, по-разному воспринимающих жизнь. Можно сказать, что это было включённое наблюдение. В конечном счёте всё сводилось к понятию относительности. Думаю, что в современных условиях мирового продовольственного кризиса это понятие уже мало что проясняет.

Встречались и такие безотносительные описания критериев богатства, которые с дидактической точностью выражены в притче: «Однажды отец богатой семьи решил взять своего маленького сына в деревню, на ферму чтобы показать сыну насколько бедными могут быть люди. Они провели день и ночь на ферме у очень бедной семьи. Когда они вернулись домой, отец спросил своего сына:

- Как тебе понравилось путешествие?
- Это было замечательно, папа!
- Ты увидел насколько бедными могут быть люди? – спросил отец.
- Да.
- И чему ты научился из этого?

Сын ответил:

– Я увидел, что у нас есть собака в доме, а у них четыре пса. У нас есть бассейн посреди сада, а у них бухта, которой не видно края. Мы освещаем свой сад лампами, а им светят звёзды. У нас на заднем дворе забор, а у них – целый горизонт.

Отец лишился дара речи после этого ответа сына.

А сын добавил:

- Спасибо, папа, что показал мне насколько богаты эти люди»[36].

Не правда ли, что всё это зависит от того с какой точки зрения смотреть на мир? Имея любовь, друзей, семью, здоровье, хорошее настроение и позитивное отношение к жизни, вы получите всё!

Но вот купить что-либо из вышеперечисленных вещей невозможно. Можно приобрести любые

воображаемые материальные блага, даже запастись ими на будущее, но если ваша душа не наполнена, у вас нет ничего! [37]

Думаю, что обобщённого критерия богатства – нет, а есть критерии богатства как наличия природных предметов, к числу которых относятся не только природные ресурсы, но и творческий потенциал людей, способных преобразовывать их в товар. Способность к творчеству – единственный специфический дар человека как части природы, единственный ресурс.

Именно она воплощается в идее счастливой жизни.

Идея успеха как товар – одно из наиболее актуальных в условиях социальной и экономической конкуренции. Она – антипод идеи всеобщего равенства, поэтому потенциально отвергает наличие у людей общечеловеческих качеств, подчёркивая необходимость неравенства между людьми как основу преобразования природных предметов, товаров или денег в определённом пространстве и времени. Идея успеха содержит в себе элемент законченности, завершённости, который с фиксированной очевидностью выступает при встрече с Другими Людьми.

Если идея богатства обладает свойством неопределённости и поэтому открыта для изменения, то идея успеха в силу своей фиксированности обладает свойствами симулякра как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества. Это явление известно и как «головокружение от успехов», которое может привести даже к гибели успешного человека, группы людей или общественной системы.

В условиях общественного кризиса люди стремятся найти простые решения для преодоления напряжения переживаний, выпавших на их жизнь. Принятие идей богатства и успеха как средств снятия напряжения переживания во время общественного кризиса обеспечивает только на время уход от решения

экзистенциальных вопросов бытия как в индивидуальной жизни, так и жизни общества в целом.

Идеи богатства и успеха как цели жизни обладают большими возможностями визуализации, предметного воплощения, опредмечивания, презентации таким образом Я как существующего среди Других Людей. Один из парадоксов, а может быть, законов жизни состоит в том, что предмет ограничен, конечен, а Я обладает потенциалом бесконечности как причастности к историческому времени. Без Других Людей значимость любых предметов – ничтожна, без Других Людей Я не обнаруживает своего существования, без Других Людей Я не имеет энергии действия. Я думаю, что многие ежедневные события прошлого и настоящего времени – времени социального кризиса – показывают, что взаимозависимость людей не только в пространстве одного общества становится содержанием психической реальности как новообразование, возникшее в прошлом – XX в.

В этой книге есть страницы, посвящённые понятию ноосфера, где протекает жизнь конкретного человека и конкретной социальной системы. Сейчас я хотела бы остановиться и на содержании переживаний современности жизни как отнесённости жизни к настоящему времени в его физическом измерении.

Современность собственной жизни переживается человеком как степень принадлежности его жизни ему самому. Это переживание можно выразить примерно так: «Я живу мою собственную жизнь». Переживание своей жизни как собственности, которой самому можно распоряжаться по праву владения, даёт возможность человеку располагать свою жизнь как целостный предмет в системе временных и пространственных координат. Это делает человека относительно независимым от других людей и даёт ему право не только на взаимодействие с другими людьми, но и право на воздействие с целью осуществления своей

жизни, это и есть

здоровый эгоизм .

Именно с этой возможностью связаны такие варианты переживаний как: «Я – человек прошлого века», «Я работаю на будущее», «После меня хоть потоп», «Моя жизнь зашла в тупик», «Я не нахожу здесь себе места», «Я живу день за днём», «Мне кажется, что я и не живу», «Я ещё никогда не жил такой полной жизнью как сейчас», «Вся моя жизнь изменилась» и т. п.

Направленность воздействия на жизнь как целостный предмет может быть как во вне, а значит, на других людей, так и внутрь – на свою жизнь. Естественно, что в предельных случаях преобладает какой-то один вид направленности. Предельный случай направленности на других людей – умышленное убийство, а предельный случай направленности на свою жизнь – самоубийство.

Эти варианты направленности возможны, благодаря выраженности границ жизни как целостного предмета, расположенного в пространственно-временных координатах. В этих пространственно – временных координатах находят своё место и важнейшие источники активности человека – его природный ум и разум.

Давно известно, что ум может зайти за разум, тогда человек теряет нить своей жизни, теряет её как целостный предмет. Тогда возникает социальный страх – страх перед жизнью как целостным явлением.

С полной ответственностью могу сказать, что в настоящее время социальный страх существует в любом обществе, так как любое общество использует различные симулякры как заместители живых предметов. Социальный страх ограничивает возможности принятия жизненных решений о цели и смысле, искажает переживание причастности к построению своей жизни, порождает агрессию и депрессию. Его не преодолеть наигранным искусственным оптимизмом, тем «позитивом», о котором сегодня все пытаются говорить друг другу в качестве дружеского или профессионального совета. Нельзя искусственно обрадоваться жизни, природа радости как причастности к осуществлению и осуществимости жизни – одна из ещё нераскрытых тайн жизни.

Я знаю, что придёт время и потерянная радость вернётся выражением достоинства на лицах людей, которые обретут (обретают) пространство и время своей жизни на территории своего дома. Без обретения этой территории, которую психологи называют топологическим измерением психической реальности, трудно оперировать со своей жизнью как целостным предметом, трудно воспринимать энергию своего Я как личный и общественный капитал, потенциал жизнеустройства и жизнеутверждения.

Современность общества как критерий его развития не является специальным предметом моего анализа, поэтому я ограничусь только некоторыми замечаниями. Я думаю, что современным является то общество, которое как большая группа людей, имеет общую цель или цели, представленную в психической реальности людей как обоснование единства «Мы», или «Свои», или «Близкие мне люди».

Сегодня эта цель формулируется как национальные интересы конкретного общества. В национальных интересах концентрированно выражается целостность общества как относительно замкнутого в пространстве и времени целостного предмета, имеющего свои границы, способы взаимодействия с другими целостными предметами (природой, конкретным человеком, с другими обществами, относительно замкнутыми группами людей внутри самого общества, с предметами, созданными людьми).

Как и почему формируются национальные интересы?

Это не только вопрос политики, но и вопрос

социальной и этнической психологии, которые минимально представлены в этой книге.

Возможно, в эпоху глобализации экономики это утверждение выглядит неубедительным, но я пишу о том, что понимаю, предполагая возможность аргументированного опровержения любого моего мнения. Глобализация породила и будет, думаю, порождать рост национализма. Общечеловеческое как равное для всех в той же степени невозможно как замена живой системы – мёртвой. Живая система будет сопротивляться замене симулякрами до предела своей прочности, т. е. до естественной смерти. Вопрос об исчезновении общества как целостной системы напрямую связан с физическим существованием людей, если они не будут рождаться, то результат предопределён.

Глобализация породила необходимость встречи с Другими Людьми, многие исторически мононациональные общества стали стремительно превращаться в мультикультуральные. Не имея традиций общежития, традиций общего социального пространства, они испытывают огромное напряжение как живые системы, вынужденные изменяться. Понятие культурной толерантности, терпимости, способности к совместной жизни с Другими Людьми подвергается на наших глазах серьёзному экзамену. Многие понятия, прежде всего понятия естественности и натуральности начинают восприниматься как порождения разума, не обеспечивающего взаимодействие с Другим Человеком. Идентификация как процесс индивидуального развития как процесс встречи со своим Я через взаимодействие людей постоянно высвечивает новые и новые качества людей как Других Людей, создавая предпосылки для расширения понятия относительности как критерия оценки, казалось бы, устойчивых качеств жизни.

Думаю, что в конечном итоге встанет вопрос об относительности самой относительности, и ответ может повиснуть в пустоте страха перед ответственностью за Я-концепцию, где Я не будет равно ничему другому кроме самого себя, с правом на поиск собственной истины. Предел изменения – относительность относительности – присутствует только в образованиях коллективного сознания, структурирующего само существование культуры как среды, созданной людьми. К числу таких образований относятся важнейшие составляющие любой культуры:

- дом культуры, т. е. территория, ограниченная, защищённая, дающая возможность сохранения во времени и пространстве материальных и духовных предметов культуры;
- наличие у людей, живущих на этой территории, переживаний принадлежности (чувства Мы и «Наше»), переживаний собственности (Я – часть Мы, «Наше» – это и «Моё»);
- наличие общего языка или семиотического, знакового пространства, дающего возможности для индивидуальной и коллективной рефлексии, для осуществления трансцендентальной позиции.

С особой остротой этот процесс предстаёт в условиях тотальной глобализации рынка, искушению которой подвергается в той или иной мере каждый человек на нашей планете[38]. Я процитирую несколько строк из этой работы: «Рынок, ревнующий ко всему тому, что самоценно и не приносит мгновенную прибыль, способен поощрять только прикладные исследования и разработки, быстро переводимые на язык технологий. Наука, подчинившаяся этим критериям, утратила бы арсенал фундаментальных понятий и полет творческого вдохновения, превратившись в служанку текущих нужд. Просвещение диктует другую формулу развития науки: рост фундаментальных исследований вместо роста прикладных разработок.

Аналогичные неравенства действуют и в сфере образования: рост общих знаний универсального применения вместо роста специализированного функционального знания.

«Человек просвещения» в сравнении с современным «экономическим человеком», заикнувшимся на отдаче и пользе, выступает как романтик, но этот романтизм оказывается более продуктивным в культурном смысле, чем рыночный прагматизм. Вырождение проекта просвещения, с его культом больших фундаментальных идей, угрожает современной цивилизации тотальным застоём – новым изданием азиатского стабильного способа производства, а современным элитам – превращением в мандарины древнекитайского образца, который выдавал инструкции и регламенты, но не был способен инициировать большие творческие новации и открывать новые горизонты»[39].

Я выбрала именно эту цитату, так как наука – это одна из областей индивидуальной и социальной жизни, где существование истины крайне остро переживается человеком как проявление жизни, энергии его Я, того потенциала (капитала), которым Я владеет. Наличие истины переживается как данность, как возможность осуществимости жизни Я. Это порождает честность мыслящего человека перед самим собой, ответственность за свою мысль, – ту честность, которая в других проявлениях свойств психической реальности существует как честь и достоинство, как совесть и стыд – те проявления процесса идентификации, без которых людям невозможно взаимодействовать в живой, смыслообразующей культурной среде.

Глобализация рынка вызвала и продолжает вызывать изменения в строении культуры как отдельной страны, так и мировой культуры в целом. Думаю, что сегодня уже недостаточно говорить о существовании субкультур, в каждой конкретной национальной культуре, а есть смысл обратить внимание на те существенные изменения, которые происходят в связи с глобализацией рынка.

В настоящее время происходит превращение человека в Клиента, что предполагает, что он будет потреблять и производить рыночный товар. Товару придаётся значение универсальной категории, т. е. универсального (всеобъемлющего) способа мышления о всех предметах. Предмет становится товаром, когда он отчуждается и становится как бы посредником в отношениях между людьми, приобретая меновую стоимость, основанную на изначальной неравности свойств обмениваемых предметов.

Меновая логика – прямолинейна, она декларирует без доказательств, что всё – товар, а значит, что всё имеет одну меновую величину измерения – деньги. Тогда вопрос о возможности воздействия на Другого Человека измеряется только количеством денег, на которые можно купить то, чем Другой Человек владеет как собственностью, в том числе его тело и психическую реальность. Тогда некто с большим количеством денег может скупить все предметы и приобрести неограниченную власть собственника в глобальном масштабе – власть экономическую и духовную. Тогда не будет культур, а будет нечто, условно назову его семантическим пространством обмена товарами. Это не из области мрачноватой фантастики, это из реальной жизни, где вопрос о стоимости уже распространяется на множество предметов материальной и духовной культуры и не только нашей страны.

Испытанию на «современность» подвергаются ценности индивидуальной и коллективной жизни людей, то, что изначально, по природе культуры как явления, не предназначалось для обмена. В индивидуальной жизни – это любовь и вдохновение, истина и красота, в коллективной жизни – родной язык, земля предков, национальная территория, национальные интересы, гражданский и воинский долг. Современное глобализирующееся сообщество, кажется опьянённым рыночными идеями, оно стремится модернизировать – превратить в расхожий товар ценностные образования культур, которые должны будут иметь своего продавца и своего покупателя – Клиента.

Сегодня ещё глобальный рынок чувствует себя недостаточно уверенно, так как ценностные образования культуры оказывают ощутимое сопротивление. Как долго оно будет продолжаться? Возможна ли победа меновой логики над всеми другими

логиками ? Возможна ли замена живой психической жизни потреблением предметов обмена? Хочется сказать: «Нет!», но в моём ответе не будет полной уверенности, потому что я сама очевидец, свидетель, вольный и невольный участник испытаний современностью, где «белое» в одно мгновение становилось «чёрным», «истинное» – «ложным», а «настоящее» – «искусной подделкой».

Что оставалось неизменным? Свой ответ я знаю, поэтому и пишу эту главу, в надежде на то, что у читателей достаточно возможностей рефлексии, чтобы при желании найти свой ответ.

Мой ответ основан на понятии защищённого пространства (или дома), где свобода мысли и чувства, свобода воли и необходимость принятия решения, любое действие и ошибка имеют смысл. Смысл созидания и сохранения дома как исходной культурной позиции для жизненного пути, который будет осуществляться человеком и во множестве других пространств. В возрастной психологии есть понятие социальной ситуации развития, оно не содержит прямого содержания понятия защищённого пространства.

Естественно, что сразу возникает множество вопросов о том, кто, как и почему должен защищать пространство развития. В мои задачи не входит изложение философских идей, обосновывающих, на мой взгляд, необходимость понимания идеи защищённого пространства в психическом развитии человека. При желании с этими идеями относительно традиции, например, в русской философии, можно познакомиться[40].

Идеи защищённого пространства, думаю, приобретают конкретно-бытовое значение в условиях интенсивного развития Интернет и появления в связи с этим такой жизненной реальности как

виртуальное пространство . С этим пространством и его свойствами сегодня знакомы многие и, можно сказать, что миллионы людей живут в этом пространстве большую часть их реального времени жизни.

Я думаю, что у исследователей проблем возрастной психологии возникновение виртуального пространства и возможность действий в нём потенциально каждого человека появилась уникальная ситуация, которая даёт множество возможностей для изучения механизмов взаимодействия людей в новом пространстве. Вопросы о том, кто, как и почему взаимодействует в этом пространстве, каково содержание воздействия разных составляющих этого пространства на людей, что привносит виртуальное пространство в психическое развитие человека, в его индивидуальное психологическое пространство и т. п. – это вопросы возрастной психологии как науки.

Для данного текста, я думаю, важно назвать несколько важнейших особенностей виртуального пространства, которые существенно влияют на взаимодействие людей в нём. Опишу эти особенности в виде трёх больших групп:

- Участники взаимодействия (кто);
- Средства и способы взаимодействия (с помощью чего);
- Мотивы и потребности взаимодействия (для чего).

Участники взаимодействия анонимны, разделены в реальных пространствах, что привносит большую свободу в выборе

позиции взаимодействия, которая предполагает идентификацию с ней в виде знаков. Время идентификации может быть самым разным, позиции взаимодействия представлены в виде культурных знаков, доступных для понимания (расшифровки) участниками взаимодействия. Выбор содержания знаков –

смысл и значение — определяются и самим идентифицирующимся человеком, например, через

аватар. Свобода выбора предмета взаимодействия (о чём и как взаимодействовать) ограничена только возможностями понимания людьми друг друга.

Средства и способы взаимодействия. Конечно, прежде всего, необходимо наличие персонального компьютера. Это – техническая, материальная основа общения. Кроме этого, должен быть контакт человека и компьютера. В этом контакте – начало входа в виртуальное пространство, где человек будет уже опираться на свои ощущения. Сегодня ещё нельзя сказать, что к числу этих ощущений относятся все, имеющиеся в распоряжении человеческого тела, так как контактные ощущения (осознание, обоняние) непосредственно не присутствуют во взаимодействии с другим человеком в виртуальном мире, зато дистантные ощущения – слух и зрение – представлены в полной мере.

Однако, разные виды ощущений человека могут взаимодействовать между собой по законам

сенсорной адаптации, синестезии и синергии. Эта их особенность может проявляться в виртуальном пространстве, так же как и в реальных. Возможности компьютера как посредника взаимодействующих людей регулируют на сегодняшний день средства и способы взаимодействия, так же как возможности самого человека выбирать и использовать

знаковые средства доступной ему культуры или культур для построения и осуществления взаимодействия с другими людьми, т. е. то

содержание текста, которое человек способен создать, транслировать, преобразовывать.

Письменный текст – основа контактов в виртуальном пространстве. Возможности человека создавать и использовать письменный текст определяют его влияние на структуру виртуального пространства – количество и качество контактов. Появление специального словесного и графического (смайлики, например) компьютерного жаргона – одно из свидетельств того, как создаётся специфический текст в виртуальном пространстве.

Способы взаимодействия, думаю, интересны тем, что они не обязательно предполагают

обратную связь. Потенциальная безответность индивидуального послания, обращения, участия, возможная отсроченность в неопределённости времени реакций на эти знаковые обращения Других Людей делает виртуальное пространство монологичным. Диалог или полифоническое общение подразумеваются, но не обязательно осуществляются.

Множественность выбора партнёров по взаимодействию в виртуальном пространстве может остаться нереализованной.

Мотивы и потребности взаимодействия людей в виртуальном пространстве, думаю, не имеют выраженной специфичности в сравнении с мотивами и потребностями взаимодействия в других пространствах. Их можно представить в виде тех больших групп, которые традиционны для анализа мотивов и потребностей в психологии личности. Это – материальные и духовные потребности, однако представленные в ином темпе, так как возможность перехода от одного содержания потребности общения к другой (например, от разговора о качествах шампуня к голосованию о новом фильме и т. п.) практически очень коротка.

Виртуальное пространство общения предполагает очень быструю смену партнёров и групп общения, практически молниеносную, что, несомненно, сказывается на чувстве времени, которое определяется скоростью изменений в нашем психологическом пространстве. Если в других пространствах требуется время, чтобы приобрести свою предметность, – иногда ещё говорят, что ей надо выкристаллизироваться, то в виртуальном пространстве такой

необходимости нет. Можно сказать, что предметом любой потребности в виртуальном пространстве становится сама возможность контакта как особого предмета, фиксирующего потребность в виртуальном пространстве. Неограниченная возможность контактов все равно возвращает человека к самому себе как источнику мотивации, как тому бытию в Я, без которого невозможно существование мотивов и потребностей. При всей возможной многоликости в виртуальном пространстве человек находит там только новые формы бытия Я.

Виртуальное пространство даёт возможность сохранения – практически вечно – содержания контактов с другими людьми, возможность возвращения к ним, возможность цитирования и переживания в новом контексте содержания взаимодействия. Практически – это материализованная обратимость – свойство психической реальности, которое в других пространствах существует как человеческая память на события жизни. В виртуальном пространстве событием может и становится письменный текст или образ предмета (фото, картина, смайлик и т. п.) в изменяющемся контексте реальной жизни.

Виртуальное пространство и жизнь в нём обладают бесконечным потенциалом замещения реальных предметов, переживание от встреч с которыми приносит (или может принести) человеку боль, расширяя бытие Я до беспредельности виртуальное пространство способно избавить человека от многих видов боли, вызываемой реальными встречами с Другими Людьми за счёт реагирования на присутствие Других Людей в реальных пространствах.

Думаю, что появление Интернет с новой остротой обозначило проблемы сознательного и бессознательного как в активности отдельного человека, так и больших групп людей. Выбор информации для личного потребления, создание информации для всеобщего потребления или для относительно замкнутой группы людей предполагает использование содержания Я-концепции и концепции Другого Человека, осуществление

диалога [41]. Сейчас я сделаю только одно действие – войду в Интернет и посмотрю, как в поисковой машине Рамблер на русском языке представлены эти понятия. Укажу точное время моего поиска 21 мая 2008 г., 9 часов 47 мин. по европейскому времени. Смотрите на эти цифры: Вы искали: Я-концепция, найдено сайтов: 429807, документов: 19048137, новых: 19816. Вы искали: концепция Другого Человека, найдено сайтов: 155748, документов: 2750963, новых: 87. Вы искали: диалог, найдено сайтов: 326477, документов: 11838257, новых: 11118.

Думаю, что читатель сам сделает выводы о степени представленности в сети интересующих меня понятий.

Я думаю, что для понимания закономерностей психического развития имеет смысл обратить внимание на выраженность в сети понятия Я-концепция и диалог и меньшую представленность понятия концепция Другого Человека. Предельно обобщая можно, полагаю, считать, что в современном мире осознаётся необходимость представленности Я в диалоге с Другими Людьми. Одним из показателей этой необходимости является и интерес как теоретиков, так и практиков к современным психологическим теориям, анализирующим Я – самость (например, рассмотренная в этой книге теория Д. Штерна[42]).

Как бы люди не относились к Интернет, называя его всемирной помойкой или приютом для одиноких, виртуальный мир строится и совершенствуется с каждым днём, обеспечивая человеку эффект присутствия при физическом отсутствии во множестве подпространств виртуального пространства. Существование проблемы презентации Я в виртуальном мире актуализирует структурирование психологического пространства, создаёт предпосылки для творчества собственных знаков презентации.

Хочется сказать, что таким образом появляется специальное требование к средствам и

способам экстерииоризации Я, к его возможности быть бесконечным, а значит,

бытийным в диалоге с Другими Людьми. Возникает специальное требование общения – быть

событием для Другого Человека, иначе диалога не будет, иначе личный выход в сеть будет выходом в вакуум, а потребление информации из сети превратится в нерелефлексированное потребление, т. е. в неживое функционирование. Конкретных форм экстерииоризации великое множество – это и ненормативная лексика, и неграмотный язык, косноязычный стиль, обилие анимаций и других «красивостей», это и прекрасные фотоработы, мировая и современная поэзия и литература, бытовое литературное творчество, точные, философские аргументы и т. д. и т. п.

Сегодня уже обсуждается вопрос об

информационной безопасности личности, о возможности негативного влияния информации на психическое развитие человека, на его психическое здоровье. Я не думаю, что это какая-то новая «культурная опасность». Отношение к любой информации, каким бы путём человек её не получал, требует ответственности за свой выбор информации, ответственности за своё действие на основе информации. Той ответственности, которая предполагает рефлексивность, произвольность, обратимость как свойства психической реальности. Взрослый даёт ребёнку возможность развить эти качества. Пока существуют взрослые как реальные носители этих качеств психической реальности, думаю, у детей есть шанс для психического развития.

У этой главы нет конца, но есть окончание. Итак.

Общественный кризис, социально-экономический кризис изменяет содержание социальной ситуации развития человека, так как происходит массовая переориентация людей в

социальных и индивидуальных ценностях, что существенно влияет на механизмы принятия решений как отдельного человека, так и больших групп людей. Социальное и индивидуальное пространство жизни реорганизуется, что требует осознания жизненной позиции многими людьми. Содержание социальных и индивидуальных ценностей становится неопределённым, требующим специальных волевых и интеллектуальных усилий для его реконструирования, для установления прерванной связи культурных времён. Культура, культурная социальная среда – это не абстракция, это текст реальных отношений живых людей в пространствах и временах, он строится по поводу определённого предмета. Во время общественного кризиса культурные, социальные и индивидуальные ценности становятся актуальным предметом в тексте реальных, бытовых отношений людей. То, как этот предмет структурируется, обозначается в системе знаков, будет определять и жизнь ценности в культуре.

Что можно и нужно отнести к числу социальных и индивидуальных ценностей?

Ответ на этот вопрос при всей его очевидности далеко не однозначен, поэтому я предлагаю читателю ответить на него самостоятельно.

Мультикультуральность и глобализм – явления современного мира, которые касаются в той или иной мере каждого человека. Психологическое содержание их в том, что они имплицитно содержат концепцию Другого Человека, которая реализуется в процессах идентификации через переживание принадлежности к той или иной группе. «Свои» и «Чужие» – это не только слова, это понятия, которые как социальные маркеры переживаний позволяют обозначить через содержание психологической дистанции присутствие в психической реальности Других Людей, а значит, позволяют осознавать степень воздействия и степень ответственности за воздействие на Других, степень причастности к их жизни в разных временах и пространствах.

Существует два либеральных утверждения об отношении с Другими Людьми. Одно из них исходит из того, что все люди – люди, другое предполагает, что все люди – разные. Мультикультуральность и глобализм, думаю, в равной степени опровергают эти либеральные утверждения, обесценивающие интеллектуальную – индивидуальную и социальную – работу по пониманию Другого Человека и Я как в конкретной ситуации взаимодействия, так и в прогнозе возможностей взаимодействия. Я думаю, что оба либеральных утверждения как логическая основа мышления о людях – одна из ловушек формальной логики, обесценивающей как общее свойство, так и его частное проявление. В признаках общности исчезает функциональность, а в признаках частности – структурность, может быть, поэтому современная психология и другие науки о человеке пытаются найти новые методы мышления о человеке.

Возрастающий интерес к нарративным методам исследования, интерес к

неформальной логике [43] вселяет оптимизм в возможность построения концепции Другого Человека и Я-концепции, в которых не будет противопоставления «Своих» и «Чужих», «Других» и «Я», часто разделённых на непроницаемые множества формальной логикой мышления.

Современный мир уже нельзя представить без виртуального пространства, который создал новые возможности взаимодействия людей, новые возможности воздействия человека на человека. Я думаю, что появление этого пространства, предельно отчётливо обозначило одну из самых существенных сторон Я-концепции и концепции Другого Человека – рефлексивность. В настоящее время это требование реализуется в создании новых средств и способов коммуникации («компьютерный» жаргон, смайлики, компьютерная графика и т. п.), которые могли бы адекватно отражать содержание не только объективно – предметных реальностей, но и реальности психической. В то же время виртуальный мир с очевидностью показывает, что психическая реальность взаимодействующих людей может (и оказывается) пустой или заполненной симулякрами, что вызывает социальные и индивидуальные проблемы, обозначенные на сегодняшний день как информационная безопасность.

Я думаю, что новый век остро поставил и вопрос о биологической природе человека, о её относительной устойчивости и возможных вариантах изменчивости. Современные исследования в области генетики и нанотехнологий позволяют прямо задавать вопросы о пределах естественных и искусственных мутаций в биологической природе человека. Это не только вопросы морали и этики научных исследований, это и конкретные вопросы, часто бытовые, связанные с пониманием поведения детей и подростков, родившихся в конце прошлого и в первом десятилетии нового века.

Появление новых феноменов поведения детей и подростков и их массовое распространение (например,

компьютерная зависимость, синдром дефицита внимания и т. п.) приводит к поиску новых теоретических объяснений и требует конкретных психологических и педагогических решений. Это обостряет интерес к психологическому знанию, требует предельной ответственности за его получение и использование. Вопросы и задания для самопроверки

1. Как Вы думаете, почему в период общественного кризиса происходит переоценка общественных ценностей?
2. Как в социальной и индивидуальной жизни представлена переоценка ценностей? Приведите примеры.
3. Как Вы думаете, возможно ли стабильное развитие общества?
4. Что такое глобализация? Как она сказывается на индивидуальной жизни человека?

Хотелось бы задать читателю вопросы, непосредственно связанные с проблемой мультикультуральности:

1. Почему эмигранты в большинстве стран живут в гетто, в кварталах или районах относительно изолированных от групп людей, принадлежащих к другим национальностям?
2. Как Вы понимаете, что значит быть интегрированным в новую культуру?
3. Где, как и почему взаимодействуют культуры?
4. Как, по Вашему мнению, глобализация влияет на строение психической реальности?
5. Найдите бытовые и научные доказательства взаимодействия культур?
6. Найдите бытовые и научные доказательства, обосновывающие проблему информационной безопасности человека.
7. Опишите свойства виртуального пространства. Проанализируйте свои переживания при встрече с новым человеком в виртуальном пространстве.

Глава 6

О том, что происходит с каждым из нас, когда мы живём среди людей

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал – истратил
слишком много,
Неистощима только синева
Небесная и милосердье Бога.

А. Ахматова, 1916 [44]

Ключевые слова: воздействие, взаимодействие, экзистенциальность, смысл.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать содержание позиций взаимодействия людей друг с другом;

уметь фиксировать содержание позиций взаимодействия;

владеть содержанием понятием экзистенциальный смысл.

Обоснование воздействия человека на человека может осуществляться по-разному: самим воздействующим и наблюдающим. Попробую описать эту ситуацию с точки зрения наблюдателя, используя понятие о процессе взаимодействия и его основных структурных элементах.

Во взаимодействии человека с человеком можно выделить следующие составляющие, относительно независимые друг от друга:

- предмет взаимодействия;
- позиции взаимодействующих по отношению к этому предмету;
- отражение предмета и позиции каждым из участников взаимодействия;
- результат взаимодействия.

Обоснование воздействия может быть найдено в следующих структурных образованиях этого процесса:

- в свойствах и качествах предмета взаимодействия (они могут быть представлены в бесконечном разнообразии или только в одном-единственном виде);
- в свойствах и качествах собственной позиции каждого из участников взаимодействия (по принципу «Я так считаю»);
- в свойствах и качествах позиции другого человека (по принципу «Ты же сам»);
- в свойствах и качествах переживания процесса своего воздействия на предмет;
- в свойствах и качествах переживания процесса воздействия на предмет другим человеком;
- в свойствах и качествах переживания изменений собственной позиции;
- в свойствах и качествах переживаний изменения позиции другим человеком (естественно, что возможно сочетание различных структурных образований).

Приведем примеры разных видов обоснований для уточнения феноменальных характеристик описываемого явления:

- «Держи ручку ровно», «Неси аккуратно – стакан полный» и тому подобное;
- «Я же знаю, как лучше...»;
- «Ты же меня сам просил тебе помочь», «Ты же ничего не сможешь сделать без меня», «Ты плохо понимаешь, я тебе объясню» и тому подобное;
- «Я умею, я хорошо это умею», «У меня есть предчувствие, что это лучше не трогать» и тому подобное;
- «Ты устал», «Ты можешь сам справиться», «Ты мало приложил усилий» и тому подобное.
- «Со мной так раньше было», «Я тоже по глупости хотел...»;
- «Вот видишь, ты уже научился», «Теперь ты понял, что...», «Раньше ты не мог, а теперь...».

Выделение различных свойств и качеств процесса взаимодействия для обоснования воздействия определяется тем, какое содержание Я-концепции и концепции Другого Человека могут использовать взаимодействующие и в какой картине мира воспринимается предмет взаимодействия.

Сопоставление бытовых наблюдений с этнографическими данными[45] показывает, что осознание обоснования воздействия одного человека на другого является очень важным материалом для появления переживаний общности с другими и необходимости проявления своей индивидуальности как конкретизации этой общности.

Переживание общности с другими в своей индивидуализированной форме вплоть до чувства невозможности этой общности делает процесс обоснования воздействия той процедурой, в которой транслируются от человека к человеку интеграционные идеи и переживания, их вызывающие.

Для наблюдателя открывается относительная устойчивость обоснования воздействия, присущая каждому человеку, в зависимости от принадлежности его к той или иной социокультурной группе. Но эта зависимость не является строго обусловленной, так как содержание обоснований воздействия на другого человека является производной не только мировоззрения человека, но и его мироощущения, которое далеко не всегда прорывается в сознание. Недаром один из самых важных советов, который предлагает современная медицина молодым матерям, состоит в том, чтобы они слушали свое сердце, когда речь идет о том, что надо сделать для их ребенка, как на него воздействовать.

Мироощущение весьма и весьма, казалось бы, ненадежное обоснование воздействия, но оно основа интуиции, основа содержания бессознательного. Возможность для человека пережить его присутствие в себе требует известной смелости, которую можно сопоставить со свободой и ответственностью человека решать существование своего непростого Я как реальности, требующей его же собственного признания.

Обоснование воздействия, когда оно осуществляется сознательно, через (по возможности) строгое логическое обоснование в слове, обладает свойством порождать и использовать симулякры – двойники, заменяющие предмет, являющиеся его мертвой имитацией. Фактически такими мировоззренческими симулякрами являются очень многие наречия, используемые в русском языке для обоснования воздействия: «чтобы было правильно, чисто, аккуратно, красиво, достойно, весело, умно» и тому подобное. Наречия обладают тем удивительным свойством, что они не относятся к каким-то реально существующим качествам предмета, они выделяют их, но произвольно, предполагая лицо, их производящее.

«Правильно» – для кого? «Чисто» – для кого?

Если человек не ощущает присутствия в этих словах известной доли произвольности, он становится их рабом, теряет свободу, необходимую для мышления. Возникает важнейшая для индивидуальности человека проблема доверия к собственному мироощущению и мировоззрению – открытому для потока симулякров. Я бы обозначила эту проблему как проблему глубины обоснования воздействия во взаимодействии с другим человеком.

Какой бы структурный элемент или их сочетание мы не выделили из процесса взаимодействия, в любом случае можем наблюдать, что он обладают разными уровнями семантической глубины для его участников. Это вечная проблема понимания – кто и что имел в виду, когда говорил или делал то-то, имел ли вообще что-то в виду. Похоже это и на встречу двух айсбергов, расстояние между которыми определяется капризами подводных течений, и варианты их встречи разнообразны – от полного взаимного уничтожения до полной же невозможности встречи.

Для человека признание в себе глубины своего Я связано с открытым отношением к

информации, которая поступает от его мироощущения в виде символов.

Давно экспериментально установлено, что существуют неосознанные аспекты восприятия реальности всеми органами чувств – так называемое подпороговое восприятие, за порогом сознания остаются и многие события, которые человек сознательно не фиксировал. Они происходят, они произошли, но они были восприняты неосознанно, так что мы даже не знаем об этом. Такие события человек может восстановить, осознать их значимость только в моменты интуиции или посредством углубленного размышления, ведущего к осознанию.

Известно, что эти события могут проявиться в символической форме в виде сновидений, в виде актов озарения трансцендентального прорыва и влияют на все мироощущения человека. Мне очень близка мысль К. Юнга о том, что психологическое пространство человека динамично, что его сознательный уровень весьма ограничен, а другие его уровни, например бессознательное, обладают собственной энергией, бессознательное является не только хранилищем прошлого, но также полно зачатков будущих психических ситуаций и идей... Способность человека достичь богатого источника этого материала и трансформировать его в философию, литературу, музыку или научное открытие является одной из отличительных черт того, кого обычно называют гением.

Он, гений, имеет смелость движения в своем Я и необходимую свободу оперирования с ним для обоснования своего воздействия. Лучше, чем поэт, об этом не скажешь, я воспользуюсь для прояснения своей мысли стихами:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всуе...
И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черноголосым.
Я только в жизнь вживаюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.
О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить – сон и смерть минуя —
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную

О. Мандельштам. 08.02.1937 [46]

Думаю, что это умение «услышать ось земную» связано и с глубиной доверия человека к реальности своего Я, которое не сводится к обозначению себя словом, существенным от других людей. Похоже, что именно это переживание актуализируется у ребенка, когда он протестует против изменения его имени: «Я не Вова, я – Володя» (2,5 года – из дневника) или прибегает к самостоятельной смене имени на другое собственное прозвище или кличку. Я

требует проявления более глубинного, более индивидуального, чем в общеупотребительном слове. Как стихи для поэта, так для большинства людей слова-имена являются инструментом проявления Я. В этом смысле можно сказать, что стихи – это имя собственное поэта. Конечно, речь идет не о графомании, а о настоящих стихах.

Обоснование воздействия на другого человека и на себя через слово-имя становится процессом движения из глубин Я (от мироощущения) к поверхности сознания. Слово-имя становится психологическим инструментом проявления ответственности человека за существование своего Я, оно позволяет фокусировать, удерживать его в самовосприятии во всей противоречивой сложности. Обладать собственным именем – это значит иметь смелость заявить о своем мнении, чувстве, о своем присутствии среди Других своим языком, не бояться быть изгнанным за свою непохожесть, переживать, ощущать свою общность с миром и необходимость присутствия в нем в том облике, который поступает в имени.

Мне хотелось бы, чтобы читатель почувствовал присутствие в процессе обоснования воздействия на человека нескольких взаимопроникающих и то же время относительно независимых характеристик активности, связанных с его ориентацией в мире предметов и в мире психической реальности.

Да, можно обосновать воздействие на другого человека через свойства предметного мира, через необходимость адаптационного отношения к ним. В индустриальной истории человека это будут освоенные им знания других о предметном мире, а в истории общества это будет попытка устроить жизнь в соответствии с данными науки.

Предельным, абсолютным предметом взаимодействия людей является воплощенное в конкретные формы метафизическое Добро и Зло. Какие бы конкретные свойства предмета или группы свойств ни становились для человека содержанием для обоснования воздействия на другого человека, он несет в себе это изначальное метафизическое Добро и Зло, из его существования вырастает мироощущение как переживание наличия этих сил и своей возможности следовать за ними.

Мне бы хотелось через описание вариантов обоснования показать, что они при всей внешней простоте представленности в феноменологической картине жизни, они содержат глубинные переживания присутствия в мире Добра и Зла в их метафизическом виде как духовное проявление содержания психической реальности человека.

Говоря иначе, хотелось бы вместе с читателем еще раз через образ Великого Инквизитора пережить существующую для каждого из нас возможность в той или иной форме стать (или быть) им там и тогда, где и когда мы принуждаем и ограничиваем мысли или чувства другого человека, лишая его возможности действия или желания, оправдывая это нашим знанием о его благе. При этом принимаем свои собственные переживания о Добре и Зле за единственно правильные, когда считаем, что иной человек не способен нести даже минимальную ответственность за собственное переживание противоборства Добра и Зла в его душе и собственное же самоопределение, а ему обязательно нужен другой, умеющий и знающий за него.

В доступном мне языке психологической науки нет (не нахожу) возможности описать ту феноменологию, где проявляется духовность человека как характеристика его сущности, его экзистенции, кроме как словами «любовь» и «совесть». Узнаваемые и всегда как бы непонятные слова эти обозначают тот выход в трансцендентальное обоснование воздействия человека на человека, которое потенциально доступно, но не всегда реально и бытийно, а может присутствовать для сознания как тоска, тоска по бытию, по иному миру, по себе самому. Наконец, это те страдания и боль, которые связаны с прорывом к событию с другими людьми. Это трудная работа, требующая отношения к другому человеку и к себе как к уникальной человеческой сущности, работа, от которой можно и устать и пресытиться ею.

Психологи пишут о духовном пресыщении современных людей, о необходимости напомнить им об их духовной сущности. Духовное пресыщение происходит отчасти потому, что духовность в себе надо поддерживать прояснением для себя уже своей сущности через обращение к своей совести и любви. Совесть можно усыпить и вообще от нее отказаться; как можно любовь заменить ее суррогатом, так и человек отдает свою духовность предмету, вещи или другому человеку, переживая это как пресыщение духовности, как отсутствие мужества жить по совести и любви.

Духовность оказалась весьма уязвимой характеристикой человеческой экзистенции, недаром она может исчезнуть из обоснования воздействия человека на человека и в воздействии человека на самого себя. Факты столь многочисленны и однообразны, что разнообразные констатации отсутствия человеческого достоинства у людей стали почти общим местом.

Думаю, что еще много представителей разных наук будут обращаться к этим явлениям бездуховности людей, к духовному пресыщению. Для меня это выступает и в конкретных фактах нарушения или игнорирования меры воздействия человека на свою собственную жизнь, жизнь других людей и природы, – по существу в игнорировании экзистенциальной сущностной целостности природы собственной жизни, да и всех других тоже. Это доведенная до своей противоположности способность человека возразить всему, что есть в нем социального, телесного, психического. В фактах бездуховности и духовного пресыщения эта способность выглядит не как возражение, а как полное отрицание и себе социального («мне все можно»), телесного («а мне так хочется»), психического («могу подавить в себе»).

Место духовности в психологическом пространстве человека начинает занимать жизненная энергия результативного воздействия. Результат этот связан с переживанием энергетического потенциала как единственного (или почти единственного) проявления своей сущности. Наличием этого потенциала оправдывается любое воздействие, обосновывается любое прямое или косвенное вмешательство в жизнь. Этика – одна из общественных форм сохранения духовности – становится ненужной. Нигилизм преобладает в понимании жизни.

Бытовой нигилизм принимает самые разные формы, но всех объединяет отрицание социального, телесного, психического без создания качественно нового. Думаю, что эти конкретные примеры из жизни детей и взрослых, моих современников, можно рассматривать как проявление разрушительного нигилизма: безучастность взрослых, являющихся свидетелями насилия; открытый обман ребенком взрослого; воровство, остающееся безнаказанным; семейная разобщенность – отчуждение между членами семьи, взаимное недоверие; отсутствие трудолюбия, стремления и восприимчивости к красоте...

Нигилизм многолик, энергетически силен, так как отрицание дает видимость силы. Я бы хотела назвать его проявлением метафизической природы Зла, ведь Зло обладает не меньшим энергетическим потенциалом, чем метафизическое Добро. Человеку же важно переживание своей силы, своей энергии как возможности (одной из возможностей) самопроявления.

Вся практика работы с людьми показывает, что отрицание человеком в себе и в других целостных сущностных характеристик приводит к истощению Я-концепции и концепции Другого, возможности воздействия исчерпываются – остается только убить друг друга и себя. Убить не только в смысле довести до психологической смерти (это бывает уже давно сделано), но и физически. Жестокость телесных наказаний в семьях вовсе не дает оснований говорить о нашем человеке как о гуманном. Распространенность неврозов и невротических состояний не уменьшается год от года, а увеличивается.

Духовность является экзистенциальной характеристикой человека, если он от нее отказывается, он попадает в никуда, в ничто. Он лишается своей интегративности и становится похож на кучу деталей, от которых давно потеряна инструкция. По отдельности и

все вместе эти детали не имеют тех качеств (и не могут их иметь), которые у них были в целостном предмете.

Все человеческое в человеке обусловлено – это общее место в современной психологии. Но, ориентируясь на опыт мировой философии, можно сказать, что собственно человеческим оно становится лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно поднимается над топи собственной обусловленностью, преодолевая, то есть трансцендируя ее. Как духовное существо человек выходит за пределы своего телесного и душевного, психического бытия.

И этой возможности занимать позицию, осуществлять интегративное, присущее только этой позиции, отношение к разным проявлениям своей жизни, и можно увидеть духовную сущность человека. Она дает ему силы для того, чтобы возражать самому себе, обстоятельствам жизни, даже биологической природе. Она даёт свободу быть другим.

Духовное в человеке требует своего сосредоточения, концентрации в виде трансцендентальной позиции. Человек живет чужой жизнью, если сам не занимает эту позицию. Так он отказывается от проявления своей сущности.

Когда я только начинала практическую работу с людьми в качестве психолога, я была потрясена тем, насколько не соответствовала официальной атеистичность общественного сознания тому, что происходило и сознании индивидуальном.

Люди мучительно искали опору для целостного восприятия жизни, искали идеал, задавали вопросы о вере в него, требовали ответа на свой вопрос о необходимости веры (веры как целостного, ценностного отношения ко всем проявлениям своей жизни). Поразительно быстро от просьбы объяснить, что происходит с ними самими или с их детьми, люди переходили к проблемам неосуществимой (по их мнению) трансцендентности. Вместо, казалось бы, бытийно важных вопросов об их жизненной успешности содержанием профессиональной деятельности становилось обсуждение вопросов совести, чести, достоинства, любви, свободы, ответственности – того, что давало людям пусть минимально (по мере моих возможностей) пережить собственную трансцендентальную способность.

Вставал вопрос как о ее конкретизации, так и о сообщении в интеграционном виде. Тогда я поняла, что сама психология как наука в доступном мне содержании не может предложить человеку средства для достижения трансцендентального переживания. Проблемы людей, обращавшихся ко мне, я попыталась анализировать и обобщать, выделять в них какие-то типы и виды, но, в общем, все они сводились к невозможности осуществления своей любви к человеку ли, к себе ли, к жизни ли.

Вопрос, обращенный ко мне как специалисту, можно было бы в общем виде сформулировать так: «Почему я не могу любить жизнь?» Это был вопрос о необходимости трансцендентности, собственной духовности человека как важнейшего проявления его сущности.

Так в своей непосредственной практике я встретила с тем, что В. Франкл назвал стыдливой религиозностью человека[47]. Такой ее сделал современный интеллектуализм, основанный на традициях натурализма. Последний, как известно, исходит из представления о том, что природа является универсальным принципом объяснения всего сущего, это исключает «сверхъестественное», он строит в неисторическую концепцию человека, предполагая его естественную природу, естественную мораль, естественное право.

Только чувства мироощущения приносят современному интеллектуалу переживания, которые он не умеет рационализировать, а потому стыдится их и отвергает как проявление собственной неполноценности. Эти чувства – религиозные чувства современного человека – более или менее удачно подавляются светским воспитанием, но они естественны для ребенка, когда он переживает существование в себе жизни и смерти. Образ Творца,

Создателя как бы сам по себе проступает в этих чувствах и в вопросах, которые ребёнок обращает к себе и к взрослым, о происхождении сущего, За этими вопросами не только метафизическая потребность человека, но и потребность символическая. Абсолютное, беспредельное, существующее в мире ребенок (да и взрослый человек) постигает в символе, символ делает это беспредельное, абсолютное достаточно реальным, чтобы была возможна трансцендентальная позиция, связанная с этим символом. Так ребенок мудростью своих чувств догадывается о существовании высшего, незримого присутствия высшего; так взрослый, тоскующий о своей трансцендентальности, разумом уже ищет символ, доступный ему для осуществления его жизни.

Люди, которые ко мне приходили за профессиональной помощью, оказались в вакууме экзистенциальности, в пустоте, они хотели видеть в науке символ, который вернёт им их интегрированность и трансцендентальность. Но наука этого сделать не может, у нее другие цели и задачи. Это сможет сделать идеология, ставящая своей целью создание и сохранение символов трансцендентального; идеология, опирающаяся на естественную символическую потребность человека.

Еще со времен З. Фрейда известно, что нравственность человека может им самим не осознаваться[48]. Человек не только гораздо безнравственнее, чем он думает, но и гораздо более нравственный. Большинство конфликтов, какими занимался З. Фрейд и его ученики были конфликтами человека, основанными на противоречии естественных (сексуальных) влечений и социальных норм, норм нравственности.

Конфликты людей, с которыми приходится встречаться в практике, чаще всего другие – они буквально вопиют об отсутствии трансцендентальной возможности, которая во времена З. Фрейда была, я думаю, выражена иначе. Конфликты моих современников не столько обращены к глубинам психического, сколько и его вершинам, не столько к подсознательному и бессознательному, сколько к трансцендентальному – абсолютному и беспредельному[49].

Я сверяла эти выводы со всеми доступными мне текстами З. Фрейда, сопоставляла происхождение невротических реакций у его пациентов и у тех людей, с кем приходилось работать, – различие было существенным. Возможно, у современников З. Фрейда религиозное чувство было более естественным, чем у моих современников, а нравственные нормы переживались более остро. У моих современников нравственность часто подменяется групповой моралью, групповыми нормами, то есть как бы отсутствует. Нравственное чувство, связанное с религиозным, подавляется, вытесняется. О причинах этого говорить пришлось бы очень долго или ничего, поэтому я пока обращаюсь только к доступной мне феноменологии.

Возникает пустота, где реальными, актуальными становятся только организмические (организменные) свойства человека, воплощенные в пресловутой колбасе, которой он измеряет уровень своей жизни. Но человек не может не переживать присутствие этой пустоты как сущностное – сердце напоминает о другой жизни появлением экзистенциальных чувств. Современный экзистенциальный анализ позволяет говорить о том, что человек часто гораздо более религиозен, чем он сам подозревает. Собственная вершинная психология требует от него усилий, чтобы к ней подняться, И тут нужна помощь, которая может прийти со стороны реализации символической потребности в трансцендентальной позиции по отношению к собственной жизни.

В обосновании воздействия одного человека на другого трансцендентальность проявляется в ее превращенной форме как невозможность произвольности изменения его духовных свойств, таких, как вера, надежда, любовь, совесть. Они являются воплощением духовной сущности человека, их появление (или отсутствие) связано с движением человека к вершинам своего психического, с его самотрансцендированием.

Факты невозможности произвольности и разрушительного влияния на человека постоянной рефлексии – желания постоянно смотреть на себя со стороны – делают проблему обоснования (обоснованности) воздействия не только проблемой управления, манипулирования человека другим или собой, но и проблемой трансляции, передачи средств и способов осуществления символической потребности для всех участников взаимодействия.

Речь может в этом случае пойти об очень конкретных символах, способных повлиять на самотрансцендирование человека. В этих символах будет отражаться то содержание, которое воздействующий будет связывать с религиозными чувствами человека. Может случиться, что таким символом окажется что-то очень далекое от его трансцендентального назначения – конкретная персона, предмет, действие, деньги, которые будут давать человеку самовыражение, но не самотрансценденцию. Различие между ними видится как различие между актером, репетирующим перед пустым залом, и этим же актером, играющим перед полным залом, – различие, которое связано со смыслом происходящего. В первом случае смысл предельно определен и персонифицирован, во втором случае он – абсолютен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, перейдя по ссылке https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23672804&from=329574480 и купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1

К. Коффка. Основы психического развития. М.-Л. 1934 – с. 2

2

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм – М., 1994 – С. 22.

3

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм – М., 1994 – С. 200.

4

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., Просвещение. 1969. – С. 659.

5

Фрейд З. Я и Оно. книга 2. Тбилиси. «Мерани». 1991. – С. 425.

6

http://homuscool.narod.ru/publ/Anan_st1.doc; <http://psylib.org.ua/books/vasif01/txt01.htm>

7

<http://newasp.omskreg.ru/intellect/f56.htm>

8

http://natapa.msk.ru/biblio/sborniki/andreevskie_chteniya/egorova.htm

9

Н. А. Бернштейн <http://flogiston.ru/library/bernstein>

10

Мать, дитя, клиницист (Новое в психоаналитической терапии). Под ред. G. F. Vizziello, D. N. Stern. М., 1994. – 295 с.

11

<http://psylib.org.ua/books/obuhl01/txt01.htm>

12

<http://psylib.org.ua/books/obuhl01/txt01.htm>

13

Юнг, К. Г. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / К. Г. Юнг – М., 1992 – С. 354–356.

14

Ортега-и Гассет Х. Избранные труды. М. «Весь мир» – 1997. С. 700.

15

Юнг, К. Г. В сб. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / К. Г. Юнг – М., 1992 – С. 426–428.

16

Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм – Минск, 1992 – С. 63.

17

Фромм Э. Человек для себя. – Минск. 1992. С. 63.

18

См., например, Ильенков Э. В. Философия и культура. – М., 1991. С. 241.

19

Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов /Э. Фукс – М.: Республика, 1994 – С. 441.

20

Аристотель. Никомахова этика. М., изд-во ЭКСМО – Пресс. 1997 С. 145.

21

Философский словарь. М. Политиздат. 1986. – С 590.

22

Библия.

23

Кант И. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. М. ЛФК. – 1997. С. 784.

24

Ницше Ф. Антихрист. Соч. В 2-х томах. Т. 2. М. Изд-во «Мысль» – 1990. С. 25.

25

<http://istankin.ru/!files/!SEM4/%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%EF%EE%E7%ED%E0%ED%E8%FF/%CC%E0%F2%E5%F0%E8%E0%EB%FB%20%EA%EE%202%20%F0%E0%E10%F2%E5.doc>

26

Например, Турен А. Демократический субъект в современном обществе. // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований. – М., 1998.

27

Кант И. Критика чистого разума. М. Мысль. – 1994. <http://psylib.org.ua/books/kanti02/index.htm>

28

Например, Дж. Ст. Милль. О свободе. http://society.polbu.ru/political_science/ch70_i.html

29

Мамардашвили М. К. Символ и сознание и другие работы Опубликовано
http://ihtik.lib.ru/db_28sept2006/data/280867.html

30

Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., Прогресс. – 1990. С. 364.

31

Марцинковская, Т. Д. История возрастной психологии / Т. Д. Марцинковская – М.: Гардарики, 2004. – С. 288.

32

Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. Питер. 2008 С. 621; Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М. Наука. 1974. – С. 171 и другие работы.

33

http://suvorov.reability.ru/r_pedagogics.html

34

<http://suvorov.reability.ru>

35

Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев – <http://lib.ru/ECONOMY/inozemcew.txt>

36

Автор мне неизвестен, это – свободный пересказ запомненного.

37

<http://lasker.blog.ru/>

38

Работы А. С. Панарина <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/temptation/fifth-rule/>

Работы А. С. Панарина <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/temptation/fifth-rule/>

http://www.mirrabort.com/work/work_6829.html

<http://hpsy.ru/tags/11>

Мать, дитя, клиницист (Новое в психоаналитической терапии). Под ред. G. F. Vizziello, D. N. Stern. М., 1994. С. – 295.

http://ratio.albertina.ru/lib/history_of_logic/griftsova/logika_kak_teor_i_prak_dis

Ахматова А. Сочинения т. 1. Международное Литературное Содружество. 1967. – С. 164.

Кон И. С. Ребёнок и общество: историко-этнографическая перспектива. – М.: Наука. – 1988. С. 215.

Мандельштам О. Стихи. – Пермь. 1990. С. 255.

47

Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. С. 129.

48

Фрейд З. Я и Оно. М.-Харьков, Эксмо. Фолио. 2006. – С. 834.

49

О вершинной и глубинной психологии см. в работах Л. С. Выготского.